

попаданец

Сергей Хломов

**КРАСНЫЙ ДРАКОН
С ПОЗЫВНЫМ "ЗМЕЙ"**

Annotation

Попаданец-вселенец во время ВОВ. Действие происходит в контексте РИ, поэтому альтернативки практически нет. Имеющиеся Фамилии реальных исторических людей прошу воспринимать как дань памяти ярких личностей и уважения их беспримерному подвигу.

Хломов Сергей Николаевич

Красный Дракон с позывным "Змей"

Глава 1 ВАСИЛИЙ

Меня зовут Василий, чаще Николаич. За рулем жена, теперь водит в основном она. Встречали в аэропорту младшего сына. Он профессиональный спортсмен, с его подачи и финансовой помощи купили это авто попримечнее, что бы маме полегче было. После соревнований у него отдых две недели. Сейчас он отстегнул ремень (непорядок) подавшись вперед уперся в спинки наших сидений и рассказывает о перипетиях прошедшего турнира. Ровный голос сына, монотонный звук мотора на средних оборотах, супер плавное вождение жены, что называется навеяли.... ооооооо

По жизни у меня было три пункта. Третий — это музыка. Как говорил мой сосед и школьный товарищ Сёма с говорящей фамилией Кац и не менее говорящей внешностью:

— Вася у тебя идеальный слух, ты же талант и ты же его убиваешь.

Сам Сёма учился в музшколе по классу скрипка, но во дворе играл на гитаре. Несколько аккордов и техник показал мне. Дуэтом получалось здорово. Схватывал я эту науку легко. А Сёма, с некоторой долей зависти, повторялся:

— ты разбазариваешь свой дар, тебе нужно серьёзно заниматься, у тебя абсолютный слух.

— Так абсолютный или идеальный?

— Абсолютно — идеальный. Не поддавался на подколку он. Но музыка меня интересовала мало.

Второй пункт, мой главный интерес в жизни были моторы. У отца был "Москвич", а его нужно было сначала чинить, а уже потом ездить и вообще, по словам родителя, машина любит ласку, уход и смазку.

"Васёк, — говорил он мне, — я конечно могу всё сделать сам, но что бы взять ключ мне нужно вылезть из ямы, взять его, вернуться обратно, убедиться что это не тот ключ (интересно посмотреть как батя может взять не тот ключ), снова вылезти отыскать в этой куче нужный (это да, в работе у бати инструмент имел привычку расползаться по площадке) — это сколько времени и сил, а? Вот ты подал ключ, разложил инструмент по местам — мне легче, и приятно, когда ты помогаешь, — улыбался он. Я и помогал, с удовольствием в гараже, а потом и на работе, где он работал инженером — мотористом. А когда в шесть с половиной лет с помощью моего слуха и папиных рук были выставлены зажигание и отрегулирован карбюратор с начала на нашем Москвиче, а затем на соседской Волге, я стал полноправным членом общества любителей железок и автола (масло такое).

НО Пункт первый- Моя МЕЧТА — самыми большими буквами! Я хотел стати ЛЕТЧИКОМ-ИСТРИБИТЕЛЕМ (что бы крутить пилотаж). Отец был мотористом в местном Аэроклубе, и я болел небом. Родители шутили, что когда родился и меня положили в колыбельку я пристально смотрел в небо. Как было с колыбелью не знаю, но сколько себя помню — хотел быть лётчиком. Во втором классе нам задали выучить отрывок из стихотворения Маяковского "кем быть". Я, конечно, выучил: — ... я бы в летчики пошёл пусть меня научат... — ...Вези мотор, чтоб нас доvez до звезд и до луны... Вообще — то о начальной школе впечатление осталось не очень хорошее. Хотя и слышал от взрослых, что нам повезло учиться у лучшей учительницы младших классов, мнения этого не разделял. Кажется, она была мужененавистница — все мальчишки нашего класса были троечниками и хуже. На диктанте: — я не успеваю!

— А ты пиши быстрее. Хороший совет малышу от лучшего педагога. Был случай, когда она решила провести тест. Надо пояснить: в классе было три колонны парт по два ученика в семь рядов, я сидел за четвертой партой в правой колонне, учительский стол перед первой партой левой колонны. Был задан вопрос: "что тяжелее килограмм железа или килограмм пуха". Возможно, если бы меня спросили первым, я бы сказал железо, но первой подняли ученицу с первой парты левой колонны и она твердо так и ответила. Я уже знал верный ответ, когда подняли её соседку и та, не так уверенно, сказала "железо". Ученик со второй парты почувствовал подвох и предположил "пух". Дальше по порядку пошли варианты "пух-железо". Закончилась левая колонна, пошла средняя — вариантов не прибавилось. Пошла наша колонна. Я затаил дыхание, неужели до меня дойдёт? И таки дошло. Когда я гордо сообщил, что килограмм и килограмм весят одинаково, начался небольшой переполох, сосед по парте громко заявил, что он тоже так думает. Опрос закончился, учитель начала объяснять то что и так всем стало понятно, но никак не отметила, что, мол, молодец малыш или хотя бы "5". Но нет.

В другой раз на перемене меня стукнула девчонка, надо срочно ответить, однако "табу" — девочек нельзя бить ни при каких обстоятельствах. Выхода не нашёл, расплакался. Классная как-то узнала и с выражением Людовика 14 отчитывающего мушкетёров за дуэль, объявила при всем классе:

— от тебя мальчики плачут!

Не могу сказать, что она подняла дисциплину драчуни, меня приспустила очень педагогично.

А вот в пятом классе, неожиданно выяснилось, что почерк и чистописание совсем не главные предметы: математичка за глаза называла "светлая голова", преподаватели точных и естественных наук имели схожее мнение и только наша литераторша, чтобы не портить аттестат в общем не плохому парню, скрепя сердце, ставила четвёрки с минусом. За что ей искреннее спасибо — как известно минусы в аттестат не идут.

А вне школы пропадал у отца в аэроклубе, там же делал уроки, в инструменталке мне выделили место и полку, куда я перетасил почти все учебники. Поскольку учеба давалась довольно легко, много времени проводил в ангарах, благодаря абсолютно идеальному слуху был востребован при регулировках двигателей, как сын ведущего инженера дружил с лётчиками и парашютистами. За долго до совершеннолетия уговорил прокатить на спортивном самолете (не один раз). Как только исполнилось четырнадцать записался в парашютную секцию, а с пятнадцати, исключительно по благу, начал посещать занятия лётчиков. Правда был предупрежден начальником:

— Что бы в школе хвостов не было, будет отслеживать зам. Еще бы ему не отследить, ведь его жена завуч в нашей школе. То-ли я учился нормально, то-ли понятие хвостов было несколько размыто, претензий у тандема зам-зав ко мне не было и я с головой окунулся в тайны теории полетов, аэродинамики и материального обеспечения. Когда, наконец, позволил возраст отправился проходить ВЛК (врачебно-лётная комиссия). Вот тут прозвучал первый звоночек. Терапевт что-то услышал в сердце и послал в кардиоцентр на консультацию. Там покрутили-повертели, всё проверили и дали заключение: — ничего опасного, юношеские отклонения, с возрастом пройдет. Медики дали "добро", но в медкарте, в неприметном месте появился маленький вопросительный значок. Я этого не знал. Настроение было отличное, небо открыло свои просторы. Первые полеты вывозные, контрольные на спарке. И вот самостоятельный — небо огромно, всё впереди!

В военкомате уже зарезервировано направление на поступление в летное училище. Окончание школы, экзамены промелькнули. Скорей бы скорей к самолетам, в небо! В училище главным экзаменом оказалась медкомиссия. Четверо из пяти отсеивались. Струхнул и я, когда терапевт опять что-то услышал в сердце. Опять кардиоцентр и прежний вердикт — возрастное, рассосется. Медики дали "добро", в медкарте появился еще один маленький значок вопроса. Вступительные экзамены оказались нетрудными — если прошёл ВЛК и не полный дебил, поступление практически гарантировалось. Курс молодого бойца, присяга, дальше пошла учеба. Завершился первый курс, перевалил экватор второй и тут прогремел гром — это рухнула МЕЧТА. На очередной ВЛК заметили, что порок в сердце не рассасывается, направили в госпиталь, а там вердикт — "не годен". На мольбы и уговоры один ответ — угробишь матчасть, убьешься сам, пострадают люди, так что нет!

В это время мне встретился человек ставший вехой в моей судьбе. Вернувшись из госпиталя, был вызван к начальнику училища. Чем вызвано его участие могу только предположить- отчисление не по дисциплине, не по успеваемости, а по причине человеку совершенно неподвластной.

"Так- сказал генерал, — ты подумал, как быть дальше?" Я пожал плечами, ведь до конца так и не осознал перелом в жизни.

— Понятно. Я вижу три пути. Первый — на гражданку, дадим месяц отпуска, чтобы документы в институт подать и год не терять. ещё месяц послужишь и дембель подоспеет. С этим всё. Второй путь в штурманское училище, есть у них не лётное отделение, готовят диспетчеров, офицеров боевого управления и наведения. Там работает начальником УЛО (учебно-летный отдел)

немного знакомый мне полковник, я с ним созвонился. Сказал проблем нет, примут переводом без экзаменов, но на первый курс. Ну и третий путь в инженерное Училище. Здесь ещё проще, начальником закадычный друг, вместе начинали- он был первым моим техником самолета. Вместе росли по должностям, правда он первым повышался. А я его догонял. Теперь вот сравнялись. Да..., так вот он, обещал посодействовать. Тоже переводом, но курс второй или даже третий. Зависит как знания покажешь. Зелёную улицу не гарантирую, но и зажимать не станут. Вот как-то так, давай думай. Суток хватит?

"Не надо суток, в инженерное, — и на вопросительный взгляд добавил. — Моторы второе моё увлечение, так что нечего и думать".

"Ну раз так иди к секретарю, я ему скажу, он поможет с оформлением документов. Все, давай, удачи". Так жизнь потекла по третьему пути в Высшее авиационное инженерное училище.

О чем и как договорились генералы не знаю, но по прибытии был удостоен аудиенции, куда был приглашен зам по учебному процессу, которому поставили задачу произвести исследование моих знаний. Комиссия преподавателей непредвзято установила хороший средний уровень, пробелы по некоторым предметам, полный завал по сопромату и материаловедению. По итогам была выработана программа, выполнив которую за оставшееся до конца второго курса, время пойду на третий, если нет, то на второй. Определили меня в роту курсантов второго курса по профилю СД (самолет и двигатель) и попросили ротных командиров не сильно нагружать внутренней службой. Совсем не нагружать не получилось, за мной закрепился наряд "дежурный по первому учебному корпусу" с субботы на воскресенье. Специфика дежурства была в том, что в выходной в корпусе почти никого не было. Опять же рядом секретка и библиотека ДСП (для служебного

пользования) — большой плюс для меня. Так пошла великая грызня с гранитом науки. В первое же дежурство пост посетил с проверкой старшина роты (в принципе тоже курсант). На его замечание, что на посту можно читать только устав, возразил что НИАС (наставление по инженерно-авиационной службе) тоже устав. Правда на столе лежали учебники по сопромату и материаловедению. Он присмотрелся к учебникам, понял, что не беллетристика, слово за слово и старшина начал объяснять азы новых для меня дисциплин, решение задач. Мы прозанимались больше часа, я спохватился на счет других проверок. Оказалось, что старшина просто зашел посмотреть, как несёт службу новенький, время у него есть и предложил продолжить, естественно был поддержан. Помощь была значительна, а вот его интерес узнал позже. Сопромат для него был трудным предметом. "Когда начал объяснять, — признался он, — все как-то упорядочилось, стало ясным". Предложил заниматься вместе и по другим предметам. Эффект был налицо и старшина, пользуясь моим пока подвешенным положением, перетащил меня в свою учебную группу. Оценив прогресс товарища, к занятиям подключились замком взвода и его ещё армейский товарищ. Ребята были на полтора — два года старше основной массы курсантов, поступавших из школы, поэтому относились к учебе более ответственно. Косые взгляды, мол подлизываюсь к начальству, игнорировал. Труды не пропали даром, сессию за второй курс сдал не хуже, чем на удовлетворительно, а также хорошо и, даже, отлично. После отпуска темп занятий несколько снизился, перешел в рутинную фазу. В это время на моём пути появился второй человек повлиявший на направление течения жизни. Дело в том, что факультета ПД (поршневых двигателей) в училище не было, однако читали несколько обзорных лекций. На одной из первых преподаватель давал данные по двигателю, как он сказал, АШ-62Р. Я не удержался и уточнил: — это данные на ИР, у эровского высотность повыше. Ответ: — Яйца курицу не учат, — удовлетворил всех. Неожиданно на следующей лекции препод признал ошибку, извинился, дал уточненные данные, а после лекции подозвал и поинтересовался откуда, мол, такие познания в ПД. Рассказал про аэроклубовские детство и юность, где имел дело с обоими модификациями. На том до времени и закончилось. Где — то месяца через три, в субботу вызывает ротный. Вроде, косяков нет. В чём дело? Захожу, докладываюсь. Кроме капитана сидит препод по ПД. Командир без вступления: — поступаешь в распоряжение подполковника, вот-увольнительная, форма выходная, тебе пять минут. Только переодевшись, глянул в квиток — ого, завтра до вечера. Лихо. Выхожу из каптерки, препод уже ждет у выхода. На КПП бросил кинувшемуся ко мне дежурному: — Со мной. Сели в машину. Я поинтересовался причиной столь чуткого внимания со стороны дежурного и ротного. Получил в ответ: — у всех машин есть мотор, причем внутреннего сгорания". Смысл понял чуть позже. Сейчас ехали в местный аэроклуб, в котором препод шабашил консультантом по сложным случаям, а этот случай наступил. Обычно самолет АН-2 комплектуется двигателем АШ-62ИР, а начальник где-то выхватил АШ-62Р. Не вник в разницу. Документы были в порядке. Не было инструкции по монтажу. Местные мотористы побоялись наломать дров и пригласили консультанта, тот вспомнив наш разговор, решил задействовать меня. Спасибо, приготовил робу. В две головы разобрались, и с помощью местных за два не полных дня движки перекинули. В довершение помог с настройками-регулировками на слух (абсолютно-идеальный рулит!), чем удивил местных. Начальник благодарил, тряс руку и приглашал в парашютную группу. Я обещал подумать, зная, что так и будет. Кислое лицо препа выдавало его опасение остаться без калыма, в отместку в училище не повёз, просто отпустил. Типа — курсант свободен, ну и ладно, доберусь. Больше

он меня пока не брал.

При первом удобном случае наведалься к лётчикам-парашютистам. Удачно. Прошёл ВЛК. Реабилитировали не полностью. Дали допуск к полетам только на поршневых и с двойным управлением. Ну и то хлеб. Так как пилотское уже было, уровень знаний — позволял, то вскоре приступил к полетам, когда удавалось выскользнуть из училища. Там по началу ничего не знали, потом инфа просочилась. Однако раз учебе и службе не мешает, никто особо не препятствовал. С преподам по ПД больше не пересекались. Когда уже в середине четвертого курса снова в субботу вызов к ротному. Как в пьесе: — те же и комбат. Все повторяется снова с той разницей, что едем втроём и в другую сторону. На окраине города гаражный поселок, по дороге узнаю: комбат ухватил иномарку. Немного поездил и стал. Местные умельцы решили, что это электроника (что в принципе было верно) и лезть отказались. Комбат обратился к препу. Тот, засомневавшись, подключил меня. Скорее всего я бы тоже облажался, да помог случай и японская педантичность. Из гаража на солнышко выкатили красавицу: — хонда "ЛЕГЕНДА" представительского класса, конфетка. Обходя машину, заглянул в лючок заправки.

— Да бензина полный бак, — заверил хозяин. Ладно попробовали запустить. Двигатель пару раз громыхнул и заглох. Детонация. И как молния картинка заправочного лючка и надпись что-то там АИ95. Спрашиваю: — а бензин какой?

— Какой, какой 76й, какой ещё! Даааа, где 76й, и Где 95?

В слух: -95 достать можете? Вопрос риторический: — негде.

Уже преподу: — в аэроклубе сможете литров сорок авиационного?

— Надо будет приплатить.

— Само собой, — соглашается комбат и они, взяв канистры, на преподавской машине поехали за горючкой. Мне выделили пустую тару. Из соседних гаражей начали подходить завсегдатаи, посмотреть, как будут курочить японку. на удивление ничего не советовали, а то я опасался, нет обошлось. Слив бензин, подготовил систему к промывке. Гонцов ждал не долго. Привезли Б-91 с октановым 105. Конечно, надо бы привлечь химика- ГСМ. За неимением, развели на выпуклый глаз один 76 к четырем Б-91. Прогнали систему свежезалитой смесью. Ну с богом и ЦК КПСС. Движок, чуть рыкнув зашелестел. Песня Публика в ахе. Рассказал владельцу об особенностях эксплуатации двигателя с непосредственным впрыском, о свинцовых присадках в топливе, негативно влияющих на форсунки и необходимости их чистить, что наши СТО пока делать не могут.

— Понятно, — решил комбат с сокрушенным видом — ездим на УАЗке, а по праздникам на этой принцессе. Тем не менее горячо поблагодарил, пожал руку и мне. Преподу обещал рассчитаться. А мне выдал десятку на мороженое. С лица наставника можно было делать укус, что же он так реагирует? Конечно, десятка, это месячная стипендия курсанта, не факт, что сам бы сообразил, а тут еще и меня возвращать надо, транспорт здесь отсутствует. По дороге набрался наглости и попросил остановиться у ларька "Мороженое". Выбор был большой: эскимо, пломбир в брикетах, сливочное, молочное. Поразмыслив, купил сливочное в стаканчиках по 13 копеек 60 штук. Пояснил, что на отделение курсантов. Продащица предложила коробку, предложение с благодарностью принял, сам не подумал. У КПП подполковник высадил и исчез из поля зрения почти до выпуска. А в казарме состоялся праздник мороженого, его все любят.

Встреча с моим хмурым наставником случилась перед распределением. Тема была в следующем: — есть у него друг зам по ИАС(инженерно-авиационная служба) в

транспортном полку закрепленном за десантниками. Им нужен борттехник на АН-2. Просил подобрать толкового человека. Сразу подумал о тебе. С самолетом и двигателем знаком, тем более есть возможность — борттехник-второй пилот (знал змей чем заманить). Опять же Европа. Цивилизация, большой город рядом. Если согласен, пришлют отношение и никакой рулетки с распределением. Медвежьих углов в нашей стране хватает. Углов я не боялся, но слово пилот все решило. И вот старый курсант превратился в юного лейтенанта.

Штаб полка, документы, собеседование. Вновь зачеты на допуск. ВЛК вердикт подтвердила: — поршневые с двойным управлением. Дальше будни летной работы. Здесь встретил свою любовь. Девушка Оля работала фельдшером в группе ПДСС (парашютно-десантная спасательная служба. При необходимости прыгали в район аварии для оказания помощи). Сразу бросилась в глаза, не красавица писаная, но привлекала необыкновенно, как оказалось не только меня. Сослуживцы то-ли заметили интерес, то-ли превентивно, предупредили недотрога, каменное сердце, снежная королева, всех отшивает. Ну нет, так нет, сейчас пока не до того. Тренировались ПДССники как раз с нашего АН-2. Виделись не редко, попыток сблизиться не делал. Как потом призналась это и зацепило. Все липнут, проходу не дают, а этот довольно приятный парень общается ровно, культурно, даже как-то безразлично, но неизменно уважительно. Пришлось ей ситуацию подтолкнуть.

При выходе парашютиста из самолета, на борту остаётся вытяжной фал с чекой или чехлом (если Д5). На земле их забирали, обычно парни из группы. Выдача на мне (борттехник). В этот раз приехала Оля, попросила помочь загрузить чехлы и фалы в буханку (уаз микроавтобус). Присели, поболтали о том, о сем. Я уже понял, что не такая она холодная и каменная, а тут неприкрытый сигнал зеленого света. Оказалось, что мы друг другу более чем симпатичны. За свадьбой дело не стало, а там и последствия этого мероприятия проявились во всей красе. Оля, оставив парашютную деятельность, перевелась в санчасть, затем вовсе ушла в декрет.

Параллельно произошел любопытный случай. Ко мне подошел наш зам по ИАС. Дело было в следующем: — ком див десантников приобрел по случаю, иномарку. Поездила, стала. Стоит в СТО уже месяц, там электронные мозги, что с ними делать не знают. Генерал заплакался мне, а я заикнулся своему другу, твоему преподавателю. А он мне: — у тебя же Вася Берзин служит, он еще в училище иномарки как орешки щёлкал. Так что может посмотреть?

На счет орешков, пришлось охладить, и осмотр без обязательств.

— Тогда так, завтра к десяти дам УАЗ, возьмешь что тебе надо. Тебя отвезут. На СТО позвоню, будут в курсе. Обрато позвонишь, или сам доберёшься. Обоснованно предположив, что причина та же, что и год назад, с утра подготовил две канистры Б-91(благо сам хозяин) и пустую. Дождавшись обещанный транспорт, погрузились и вперёд. На станции встретил сменный мастер. Машина стояла сиротой в сторонке, явно костью в горле: и не выгонишь, и мешает. Сопровождавший безнадежно махнул в её сторону, если нужен подъёмник, скажешь — освободим, ключи — вот.

— Подъёмник пока не надо.

Все оказалось банально. Японка. Нужен 95, залит 76. Дикие детонации. Конечно электронные мозги не дают загубить движок. Лечение то же.

Когда машина ровно заработала на малых, адекватно отзывалась на перегазовки, вся сто будто встрепенулась. Вместе с мастером прибежал даже заведующий: — не уж-то получилось. Я пожал плечами. Что говорить об очевидном. Попросил позвонить. Конечно

разрешили. Генерал ответил сразу, удивился, обрадовался, попросил пригнать к штабу, ключи передать дежурному, трубку заведующему. Тот, согласно покивав выдал документы и проводил в цех. По дороге выдавил разрешение обращаться в самых сложных случаях. Наверное, он подумал, что со мной как-то рассчитается ком див, тот скорее всего ничего об этом не думал, а я был рад что решился вопрос как добраться в гарнизон.

История получила продолжение с точностью до запятой, только счастливый владелец был первый секретарь обкома партии, машина не простояла и полдня, а забирать её приехал лично, на служебной с водителем. Объяснил тонкости с бензином. В сердцах сплюнул: — есть же служебная, нет для форсу..., ладно, тебя подвезти? Как мило, если учесть, что заведующий, в этот раз проявил благодарность за спасенную репутацию в денежном эквиваленте равном почти месячному окладу (видимо из чёрной кассы), то день сегодня удался.

История повторилась ещё два раза, а затем видимо, сфера услуг поднялась до уровня услуг и моей помощи больше не потребовалось. А на АЗС появился 95 и даже 98 не этилированный бензин.

Служба шла своим чередом: полёты, командировки, наряды, ПХД (парко-хозяйственные дни) и т. п.

Жили в офицерском общежитии. Комната, кухня общая, туалет в конце коридора, душ и прачечная на первом этаже — но, мы были молоды и трудностей не замечали. Из нашей комнаты в соседнюю была дверь, закрытая шкафом. Когда жена ходила беременная во второй раз, эта, соседняя комната освободилась, я подсуетился и её оставили за мной. Так получился двухкомнатный бокс, в котором мы прожили пять лет с гаком. Второй родилась дочь. Когда подошёл срок Оле выходить на работу. Встал вопрос: — как быть с детьми. Жизнь его решила по-своему — умер тесть. Человек очень своеобразный. Дочь не была с ним близка, а вот теща любила беззаветно. Приехав на похороны, застали Олину маму в полной прострации. Решение принял сразу: оставлять её здесь — смерти подобно. У нас дети её в миг в чувства приведут, так и сделали. Ни понимания, ни сопротивления не было — полное безразличие. У знакомых из соседнего подъезда недавно женились дети, вот им и сдали квартиру на время. Сами с тещей вернулись в гарнизон. С внуками тещи, действительно, быстро ожила, здорово помогала, когда я бывал в командировках. Тесновато, конечно. Отряд АН-2 был с боку припека в дивизии, так что квартирный вопрос решался по остаточному принципу. Неожиданно проросло несказанное "спасибо". В гарнизон приехал по служебным делам, ушедший на повышение, бывший ком див. На аэродроме, нечаянно, пересеклись. Вспомнили его японку, поговорили за жизнь. Я ничего не просил, инициативу проявил он сам. В гарнизоне свободных квартир не было, но у квартирной комиссии был какой-то договор с городом. По старой памяти бывший в авторитете Зав СТО подключил знакомого первого секретаря обкома партии. Под двойным давлением, жил отдел выделил нам четырёхкомнатную квартиру в хорошем районе. При осмотре оказалось, прежние жильцы отгородили тёмную комнату. Сопровождавший товарищ сильно возмутился: — как это приняли невосстановленную жилплощадь, обещал, что перепланировку уберут (кто?). Я его заверил, мол пусть как есть. Он успокоился и разрешил въезжать по смотровому ордеру, но при оформлении документов у тещи прописки быть не должно. Поехали выписывать, а там провернули небольшую махинацию. Схема известная: — прописываешь в квартиру человека, получаешь деньги, сам выписываешься. Правда есть криминальные моменты с обеих сторон. У нас получилось проще: — люди, снимавшие квартиру, хотели вступить в

кооператив, скопили денег на однушку и еще когда построят — вопрос. А тут двушка в соседнем подъезде. Переезжать не надо, немного доплатили за мебель, договорились всё оставить им. Забрали только некоторые памятные вещи. Все остались довольны. Вырученные средства пошли на обустройство нового жилья. Тёща попыталась занять тёмную комнату, мол мне, где ни будь на коврик, постелите. Попытка была зарублена на корню. В ней сделал гардероб, надоели шифоньеры в комнатах.

Сделав зигзаг жизнь снова вошла в колею. Оля уволилась из армии, перешла работать в поликлинику рядом с домом. Тёща с внуками была заботлива и достаточно строга. Добавился младшенький. Выросли старшие. Сын закончил институт, работает инженером на "ящике", к небу равнодушен. Дочь пошла в медицинский, на третьем курсе выскочила замуж, правда хватило ума закончить, а уж потом кому внуки, кому правнуки. Меня списали на землю, нет худа без добра, пошёл карьерный рост (чем дальше от самолета, тем ближе к звёздам). С нами теперь живет только младший (периодически), его медали и кубки.

Надо же вся жизнь перед глазами пролетела между двумя ударами сердца... Двумя? Первый был, а где второй — второго нет. Пришло осознание: — не будет. Ни паники, ни страха: — констатация факта. Вижу, жена тревожно глянула в зеркало: — Вася! Что с тобой? Тебе плохо?

— батя!

Оля энергично, но плавно тормозит (правильно сын не пристёгнут: — улетит в лобовое) и прижимается к обочине. Всё это вижу, как бы сверху, в положении парашютиста в затяжном прыжке, только движение не вниз, а вверх (пришло слово воспаряю) прямо сквозь крышу машины. Теперь вижу снаружи и в тоже время изнутри. Выскочил сын, открыл переднюю дверь, отстегнул ремень откатил сидение назад, откинул спинку. Жена установила парковку, ручник. Выходить не стала, то же откатилась назад, опустила спинку, встала коленями на сидение, потянулась ко мне, там в низу. А я воспаряю всё выше. Уже теряются детали, раскрывается горизонт. Время то ли застыло, то ли несётся вскачь. На дороге появились какие-то машины. Высота около километра. Внезапно, получаю пинок во всю заднюю проекцию. В затылок, спину, чуть пониже, в ноги и пятки. Ощущение, будто я теннисный мяч на подаче и гигантская ракетка посылает меня в полет сверху в низ. Лечу. Воздух паровозным гудком шумит в ушах. Земля стремительно приближается. Вижу линию железной дороги (?), паровоз (?) с вагонами стоит. От состава разбегаются люди. Меня несёт дальше к кромке леса. Падать на деревья: — страх парашютиста, хотя какая разница — всё равно расшибусь. Нет, траектория

на зеленую полянку. Гудение воздуха прекратилось. Удар плашмя. Успеваю подставить руки. Больно треснул лбом в какой-то сучек. Дикие страх и паника захлестывают сознание. Надо вскакивать и бежать, бежать, бежать.

САШКО СМУШКЕВИЧ.

СЛИЯНИЕ.

30 июня 1941 год. Сашко бежал. Сзади взорвалось. Паровоз затих. Упругая волна горячего воздуха хлестанула в спину. Упал. Успел подставить руки, все равно лбом больно ткнулся в какой-то сучек. Дикий страх, паника и приказ требовали вскочить и бежать как можно дальше. Он и побежал, не разбирая дороги, не глядя по сторонам. В каком-то умопомрачении углублялся в лес всё дальше и дальше пока не рухнул без сил. Очнулся-проснулся в шатре веток под большой ёлкой на подстилке из старой хвои (видимо заполз из последних сил). Светало. Сон освободил сознание от страха и паники. Восстановилась способность к анализу. Что же произошло? Последнее что помнил Василий зеленая поляна, падение, удар, разбитый лоб. Саша помнил, примерно, тоже: — взрыв, падение, удар лбом. Видимо в этот момент произошло слияние личности Александра с психо матрицей (душой) Василия. Дальше дикий кросс по лесу, без дорог, направлений и пробуждение неизвестно где. Было ясно: — произошло именно "слияние". Потому что не было никакого раздвоения, борьбы реципиента с донором за управление телом, диалогов, договоров. Была новая личность, обладающая телом пятнадцатилетнего парня, навыками и памятью, с памятью, навыками и богатым жизненным опытом Василия. Все смешалось, устоялось и прояснилось. Но документы в кармане пиджака говорили, что это Александр Янович Смущкевич, так что всё-таки Сашко (ударение на О). С этим ясно. Теперь надо выбираться к людям, только куда? Зря он так далеко забрался, на железке сейчас спасают, разбирают завал, значит есть люди! Да что уж теперь. Надо определиться куда идти: — дорога шла на восток. Не факт, и мог быть изгиб. Нет будем считать на восток. — Бежал от дороги в право, значит выдвигаемся на северо-восток, левее встающего солнца. Решено. Пошли. Опыт Василия подсказывал: — в лесу очень легко можно закружить (ходить кругами на одном месте), поэтому старался выбрать хотя бы пару ориентиров (не лёгкое дело) и двигаться в их створе. Содержимое карманов подтвердило наличие документов, сухаря, заточки из старого напильника в виде ножа с деревянной ручкой. В лесу было не так жарко, но пить уже хотелось. Ближе к полдню, тонкий слух уловил звук воды. Спустился в овраг. Путь маленького родничка перекрыл плоский камень, с края образовавшейся чаши стекал водопад сантиметров десять и призывно журчал. Напился. Умылся. Попил еще, пожалел что нельзя впрок и налить не во что, продолжил движение. Ещё одним бонусом стал куст спелой черники, наелся до отвала, надо бы взять с собой. Во что? Обратил внимание на ствол давно упавшей березы: — ствол сгнил, а кора осталась. Обрезал кусок в полметра, вычистил труху. Получилась труба диаметром сантиметров двадцать. Из чего сделать дно? Огляделся, только мухоморы. Что ж, подобрал нужного диаметра. Боялся, что ягода соком мухомора пропитается. Решил: — нижний слой ягод есть не буду, потом догадался выстелить дно листьями. Куст обобрал, получилось на три четверти тубуса. — Ничего по пути доберу. Однако больше ни зрелой ягоды, ни съедобных грибов не попалось. В лесу смеркается быстро, так что с ночевкой затягивать не стал. Так же под елкой нагрел хвою. Подъём, по обычаю, с рассветом и в путь. День получился сложным: догрыз остатки сухаря, доел ягоду. Спать ложился с тревожными мыслями, утром легче не стало. Не сидеть же, чуть развиднелось — побрел. Где-то через час, чуткий слух уловил звук работы двигателя,

авиационного, не смещается: неужели аэродром?! Как самонаводящаяся ракета я двинулся на этот сигнал.

Гриша, моторист самолёта И 16 тип 27 N 21, внешне, был подтверждением теории, что неандертальцы не вымерли, а растворились среди Хомо сапиенс. Рост выше двух метров, покатый морщинистый лоб, заметные надбровные дуги, в длинноватых руках с лопатообразными ладонями была сила невероятная, характер имел мягкий, но педантичный и болезненно чистоплотный. На его стоянке всегда был порядок. Самолёт вылизан. Всё работало идеально, кроме двигателя. В каждом полёте с ним что-то происходило и постоянно не добирал мощность. Вот и сейчас стоя на стремянке с инструкцией в левой руке и ключом, который смотрелся как зубочистка, в правой, он не понимал, что нужно этой "жужжалке". Вдруг прозвучал, словно бы ангельский, голосок: — Ну куда же ты так тянешь, отпусти. — он повиновался и ослабил затяжку регулировочного винта.

"Ещё. Ещё чуть. Хорошо. А теперь чуть- чуть зажми". Гриша, самым маленьким движением, на которое был способен, двинул ключ.

— Ещё на комариное крылышко.

"Это как. — подумал Гриша- меньше меньшего"? не успел ничего решить, как услышал: "Хорошо, теперь на комариный носик" и вовсе остолбенел, он и так не двигался, а теперь? Однако вновь услышал: "Отлично, давай следующий". Таким же образом справились со второй регулировкой. В третий раз Гриша решил проявить инициативу и на "комариное крылышко" крутнуть ключ меньше меньшего. "Зачем так сильно, ослабь". Больше он не экспериментировал. На "комариное крылышко" он думал, что тянет. На "комариный носик" — ничего не думал. Закончили быстро. Даже тугой слух техника уловил, как радостно заурчал движок на малых оборотах — так вот чего нужно было этой "жужжалке"! Молнией полыхнула мысль: — а кто руководил? У стремянки стоял парнишка лет пятнадцати, белокурый, голубоглазый (чистый ариец, если бы он знал это определение):

— Ты кто? — опешил Гриша.

— Я Сашко. Нас везли в эвакуацию. Состав разбомбили. Я испугался побежал в лес и заблудился. Два дня кружил, вышел на звук, а тут вы мотор мучаете, не удержался, подсказал. Вы не обиделись, хорошо же получилось?

— Нет не обиделся. Получилось здорово, спасибо.

— Дядь, а у вас поесть ничего нет, или хоть попить?

Гриша хлопнул огромной ладонью по лбу: "пацан два дня в лесу!" достал фляжку с водой: "поесть нет, потерпи скоро завтрак привезут, накормлю".

Вдвоём они быстро обслужили самолёт, дозаправили, проверили лючки закрыли капоты. Сашко помогал со знанием дела (ещё бы, родной АШ-62 и богатый инженерный опыт Василия). Присели отдохнуть. Парень стал рассказывать свою историю. Родился в вёске "Дальняя". Отец работал в МТС специалистом по всему, что имело моторы и прицепному хозяйству. Мама была стряпуха здесь же в МТС и тоже водила машину, когда сама развозила обеды по полевым станам. Так что запах бензина вошёл в Сашку, буквально с молоком матери. Четыре класса начальной школы закончил на центральной усадьбе. Дальше учиться нужно было в городе. Определили в ремесленное, где был интернат. Домой ездил на каникулы. В этом году так же собирался, да война началась. Нас направили в эвакуацию. Выдали документы, завхоз принес вошеной бумаги, наказал аккуратно завернуть и держать при себе даже в туалете (как знал). Пакет я завернул так что бы вошел во внутренний карман пиджака, так точно будет всегда при мне. Нас и других детей посадили в два плацкартных

вагона, прицепленных к санитарному поезду. Детей было много, сидели плотно даже на верхних полках. Ехали почти сутки, часто останавливались на разъездах. Когда налетели немцы тревожно загудел паровоз и резко остановился, подали команду: "всем из вагонов"! Да куда там, толчея. Вдруг у окна, открытого по случаю жары, прозвучало: "давай сюда", так как сидел к окну ближе всех забрался на столик и подал руки. Меня буквально, выдернули, хлопнули по спине: "дуй в лес" и мужчина повернулся к вагону за следующим. Что творилось за спиной и как оказался один в лесу — помнил смутно. Спасибо завхозу, документы сохранились. Про слияние промолчал. Рассказал про вояж по лесу и как вышел.

Сашко почти закончил, когда над КДП взлетела сигнальная ракета и в сторону стоянки побежали лётчики звена. "Ты пока схоронись" — хотел сказать Гриша, но рядом уже было пусто.

Лёшка бежал к самолёту в след за командиром звена лейтенантом Пашей Строгим, сзади пыхтел грузноватый левый ведомый Лёва, задание в общем обычное, прикрытие моста. Волновал самолёт и моторист, аккуратный и педантичный, не мог совладать с мотором, тот барахлил в каждом вылете. Гришу нужно менять, пусть пушки заряжает, после вылета поставлю вопрос, решил он. Гриша ему нравился, всё на местах, в кабине ни пылинки, ни соринки (важно при сложном пилотаже, — очень неприятно, когда в лицо взлетает всякая грязь), но двигатель — сердце машины, подведёт в бою — хана. Смерти лётчик не боялся, не хотел погибнуть бездарно, не нанеся врагу максимального урона. Ладно, пока всё в сторону. Услышал: "Самолёт готов", осмотр и в кабину. Пристегнулся, осмотрелся: "от винта!" — "есть от винта!" Прогретый мотор схватил уверенно, отметило подсознание. Командир порулил, за ним Лёва. Пора! Привычные движения, шаг-газ и вперёд. То, что самолёт резковато стартанул и агрессивно входил в повороты на рулении, было списано на волнение. "Что же я так тороплюсь?" — было уже осознано. Стартовали тройкой одновременно, ширины лётного поля хватало с запасом. Ведущий, Лёва. Алексей, интуитивно, придержал и отпустил тормоза. Всё стало ясно. Мотор тянул как будто под капот засунули дополнительно приличный табун лошадей. Самолет стал догонять ведущего, почти поравнялся. "Ну не убирать же обороты на взлёте!" — мелькнула здравая мысль. Принял чуть правее, уже в воздухе — ещё. Наконец оторвался ведущий, почти на траверзе, грозит кулаком. Круче взял набор, прибрав обороты, сделал змейку, стал на место, выровнял скорости. Интересно. Ведущий должен идти на максимальных оборотах, а у него приличный запас по тяге, это что? В полете пришлось заново привыкать, двигатель чутко реагировал на, доведенные до автоматизма, движения повышением скорости. Приемистость, тоже удивляла. Вышли в квадрат, стали в барраж над районом моста.

Пока пилоты в воздухе, механики потянулись к пункту питания технического состава. Кашевар сегодня был необыкновенно щедр (интендант предупредил: "завтра- послезавтра перебазирование, продукты все вывезти не сможем, корми людей впрок"), увидев, что Гриша, которому самому всегда маловато, разделил порцию с каким-то пареньком, подошел узнать кто, что?

— Да помогает мне на стоянке.

— Хорошо помогает?

— Даже очень хорошо.

— А что ж ты голодом его моришь? — и, о чудо, сам принес две порции каши и два компота без хлеба. Хлеб привозили по разнарядке с хлебозавода. Так что строго по норме. Гриша опасался, и Сашко это понимал, что бы тому с голодухи не поплохело, поэтому часть

порции отложил с собой: "Лучше чуть позже съешь".

Тем временем лётчики крутили восьмерки над мостом. Тройкой это не такой уж простой маневр. Ведомым приходилось постоянно работать с оборотами, и Алексей привык к новому поведению мотора. Вылет оказался спокойным. Появилась тройка "лаптёжников" без прикрытия, видимо хотели на шармачка переправу бомбануть, но заметив звено "крыс" не рискнули, куда-то сбросили бомбы и со снижением удалились восвояси. Догонять не стали, нельзя, да и нет смысла — далековато. Вот командир подал сигнал: "возвращаемся!" Взглянул привычно на топливо — остаток 1/3, что-то рано Паша домой собрался. Приказ, есть приказ, на земле обсудим. На подходе ведущий уточнил знаком, сколько бензина? Показал по горло и получил очередь на посадку замыкающим. Первым с прямой пошел Лёва, командир — по малой коробочке, Лёшка на размыкание — как учили. Сел, зарулил на стоянку. Первые два самолета уже на месте, а лётчики бодренько движутся в его сторону. Тянутся некогда, будет разбор. На вопрос механика бросил: "Потом", и заторопился на встречу командиру. Тот, обрывая доклад, прорычал:

— Ты что творил на взлете, совсем охренел?

— Тут такое дело, — не смутился Алексей, — Гриша видно что-то накрутил, таки, в моторе. Еще на рулении, чувствую какой то резвый. А на взлёте попер будто ему лошадей двести добавили.

— Да ну! — это Лёва.

— Ну да, вижу догоняю. Ну не убирать же обороты на взлете!

— Это — да!

— Принял правее. Когда оторвались приборал, стал на место. Да, а что рано ушли?

— Почему рано? Вон у Левы бензина на один круг осталось, у меня тоже не на много больше.

— Странно, у меня больше четверти бака.

— Да ну! — теперь удивился командир.

— Сам посмотри.

— И посмотрю! — и полез в кабину. Включил приборы. Стрелка топливомера показывала больше четверти.

— Может прибор врет? — сказал, выбираясь на землю.

— Может, по заправке проверим, только вряд ли, приборы у Гриши всегда на пять. — и все повернулись к стоявшему тут же мотористу.

— Ты что с мотором сделал!? — как-то строго спросил Строгий. Тот стушевался. Внезапно из — за его спины возник беловолосый, голубоглазый парнишка лет пятнадцати и, что удивительно, огромного Гришу за ним стал почти не видно.

— Не чапайце Грыша, ён не вѣ наваты, гэта я настраполів матор, гэта я вѣ наваты. Лайце мяне! — заговорил он на белорусском. Теперь опешили лётчики. Но тут вновь возник Гриша, он своей ручищей отодвинул белоголового за спину: "Механик отвечает на самолете за все так что, если мы плохо настроили, то я и отвечаю. Хотя мне показалось что не плохо, правда мне медведь на ухо наступил...."

— Какой там медведь, тут стадо мамонтов прошлось! — послышалось из-за спины. Сказано было очень тихо, почти шёпотом, но слышали все собравшиеся поглазеть, как в очередной раз снимают стружку. Секундная тишина разразилась взрывом хохота. Первым, как и положено, успокоился командир: "Так Григорий Иванович спокойно мне объясни кто, что здесь настрополил, и откуда взялся этот молодой человек?" Тот успокоился и

обстоятельно изложил, как он пытался настроить мотор, как Сашко на слух помог ему в этом деле, а взялся он с разгромленного эшелона.

— А что плохо получилось? — повторился он.

— Да в том то и дело, что хорошо, даже очень хорошо, — и обратился к юноше

— еще два самолета в звене поможешь настроить?

— Только с дядей Гришей, он меня чувствует! — ответил тот, на вполне себе русском языке.

— Ну с Гришей, так с Гришей.

— Вот значит как, а я думаю что за не плановый митинг, — раздался голос полкового комиссара из-за спин техников,

— Теперь ясно. Вы, — глянул он на экстравагантную пару, — исполняйте приказ командира звена, готовьте самолёт, потом поможете товарищам с регулировками.

— Вы, — обратился к старшему механику звена, — проконтролируете.

— Есть!

— С тобой Сашко разберёмся позже, как говорится по результатам вылета, и с особистом тебе нужно поговорить. — тут все и припухли, как-то не подумали — ведь чужой в расположении, но комиссар, отдав распоряжения как бы взял ответственность на себя, — всё товарищи по местам, готовим технику, будет второй вылет, может не один. Пошли, — кивнул он лётчикам, — на КП уже интересовались, что это вас нет на доклад. Кстати, как слетали? — ответа слышно уже не было.

Механики, мотористы, прибористы, оружейники спешно разошлись по самолетам. Напарники со специалистами быстро провели подготовку, помогли оружейникам обслужить пушки и пулемёты, они тоже любят ласку, уход и смазку. Ухаживать и смазывать особо не пришлось. А вот толику ласки уделить не помешает, вот и пощупали, покачали и погладили: — вы уж не подведите в деле. Потом к соседям. Никто, толком, ничего не понял в каких-то крылышках, хоботках, а вот моторы заработали мелодичней, что ли. И вообще было впечатление — самолеты как будто встрепенулись и рвутся в небо.

Ракета над КДП, значит вылет. Вновь лётчики спешат по машинам. Теперь вылет шестёркой, первую тройку ведет комэск Попов, вторую Строгий. Доклад, осмотр. Паша в кабине — пристегнулся, проверил ОУ в ИП (исходное положение органов управления), — от винта. Мотор схватил с пол пинка. Предупрежденный, он действовал аккуратно и всё равно самолёт рванул со стоянки несколько резковато, вот о чем говорил Лёша Смирнов. Все на полосе. Звено ком эска уже в воздухе. Шаг-газ вперед, отпустил тормоза и в полной мере оценил полторы сотни лишних кобыл под капотом. Оглянулся — ведомые на местах, значит и у них движки тянут как надо. Отрыв. Ведущего группы догнали скоростью, быстро. Пристроились выше и правее, выровняли скорость. "Да, точно, обороты ниже обычных, — ну будем посмотреть." Летим. На высоте 1,5 — 2 тысячи метров слой сплошной облачности, а над мостом приличное окно. Нам команда: — лезть в верх, смотреть, что за облаками.

Алексей к самолету уже приновился, второй вылет и ведущий не тормозит, посмотрел, как немного подергался Лёва и тоже успокоился. Тут он проморгал маневр командира, чтобы не зацепить облачность тот заложил резкий вираж в его сторону. Ещё и зевок, чтобы не столкнуться пришлось резко нырять под ведущего, опять разборки будут. Загрузил винт, добавил газ, огляделся — мать... мать... мать!!! Из за края облачного окна выскочила четверка мессеров, а пара Строгий — Штерн продолжая вираж как раз подставляла им хвосты. Фрицы не преминули этим воспользоваться. Атака. Радио

предупредить нет, об этом и не думал, решение показалось единственным — в лобовую, только бы движок набор вытянул, только бы не свалиться. Рычаги вперёд: "Выноси родимый!" И он вынес-вытянул. Всё, фашист в прицеле, ещё, чуть, поддернул вверх и длинная очередь из всех стволов впиалась в морду ведущего немца, того буквально разорвало в клочья. — Боекомплект рванул, что ли? — мелькнула мысль где-то в глубине сознания. Некогда. Увернулся от обломков, успел дать короткую по ведомому и, кажись, зацепил. Лобовая скоротечна, около тысячи на сближении. Вторая пара в стороне ушла вниз. Паша с Лёвой, наконец, заметили это безобразие и рванули в догон. Так и вывалились под облака: — пара мессеров, за ней пара ишаков и я в сторонке (что в сторонке потом сыграло важную роль). А тут обстановка хуже некуда. Под слоем облаков четвёрка мессеров сопровождает две тройки восемьдесят седьмых (видимо первая четвёрка — на расчистке, а вторая непосредственное сопровождение). Попов принял смелое решение атаковать Юнкерсы в лоб, в общем правильно — главное нарушить им строй. Атака удалась — ведущий фашист задымил, клюнул вниз, но сбросил бомбы, выровнялся и поковылял на запад. Вот только комэск на выходе завернул левый вираж, правый ведомый отстал ему и прилетело. Он задымил и поковылял уже на восток, благо его тоже не преследовали. Нас осталось — две пары и я в засаде. Пара мессеров атаковавшая нашу тройку, на выходе по привычке полезла вверх за запасом высоты для соколиного удара, да выскочила прямо на меня. Пара коротких очередей. Толи попал, толи испугал, но они без остановки ушли в облака и больше их не видели. А истребители схлестнулись пара на пару, немцы вверх не уходили, видимо их предупредили об опасности под облаками, а в горизонте ишак мессера превосходит. Завертелась свара. А я неожиданно оказался в хвосте у лаптёжников. Подошёл снизу сзади и ввалил замыкающему от души. Тот вспух огромным огненным шаром, так что зацепил и своего ведущего (в бомбу теперь попал, что ли). Экипажи пикировщиков поняли, что прикрытия нет, а их убивают, дали стрекача, сбросив груз как попало. Вышли из боя и истребители с ничейным результатом. Наши не возражали, скоростью мессера не догнать. Топливо в интенсивном бою уходит быстро, так что стоило мне наконец то занять своё место в строю, как пришёл сигнал: "Домой".

Итог вылета — наших целых пятеро, один пилот ранен (ранен так себе, крови много потерял), машина под списание (как он её до полосы дотянул одному богу известно). Немцев я двоих, точно завалил: — мессера и юнкерс, и может подранил кого, одного пикировщика хорошо приголубил Попов (потом выяснилось — он все-таки упал, лётчики живы, попали в плен).

На предварительном разборе вставили фитиль за то, что не выдержал строй. То, что благодаря этому своевременно заметил противника и прикрыл командирскую пару тоже отметили. Оба происшествия произошли из-за потери места ведомым, в мом случае обернулось благом, а в звене комэска потеряли самолёт и, временно лётчика. Невольно встал вопрос о целесообразности тройки у истребителей. Ответ — очевиден, но есть инструкции и наставления. Пришлось оставить на потом. "Потом" оказалось очень скоро. А пока обсудили тему двигателей. Паша и Лёва были, просто, в восторге — тяга и приёмистость выше всяких похвал, запас топлива на посадке приличный в отличии от первого звена.

— Что ж, придётся этого паренька брать на довольствие, пусть научит наших дуболомов уму-разуму, — решил капитан, — пока пусть поможет со всеми остальными самолётами эскадрильи, а то таким темпом отберут его у нас, хорошо если в полку останется. Правда отдать указание оказалось некому.

Сашко уже полчаса сидел у полкового особиста и самым подробным образом рассказывал свою биографию и всё что с ним приключилось. Толи на НКВД много лишнего навалили, толи этот был правильным, но с парнем общался вполне адекватно. Проверил документы. Сидящий здесь же сержант быстро записал рассказ и ответы на вопросы. Опрос был конечно дотошный, опыт Василия позволил уловить несколько крючков и ловушек с назначением поймать на нестыковках. В итоге сказал еще всё проверит и похвалил за то, что сумел сохранить документы.

— Это — завхоз, если бы не он, всё потерял бы!

— А что это ты такой спокойный, — вдруг спросил особист, — ни волнения, ни недовольства?

— Так вы делаете своё дело, и должны делать его хорошо. А то будет как у нас.

— А что у вас было?

— В городе подстанцию охранял караул, к ним на машине подъехали сапёры, показали бумаги, сказали, что им приказ заминировать здание. Ну те их пустили, а как они уехали, через час так рвануло, что ни подстанции, ни караула. Да только к этому времени охрана сменилась. Так и узнали. Саперов поймали, оказались переодетые диверсанты, ещё до войны заброшенные. Нам это военрук рассказал, чтобы мы бдительность повысили, мол, на детей мало внимания обращают, а вы наблюдайте и докладывайте, сами не лезьте — дров наломаете. Так что вашу работу считаю необходимой. Какие тут могут быть претензии!

— Удивил! Хорошо, что понимаешь.

Окончание их разговора слушал вошедший комиссар

— Ну как?

— Как и предполагали.

— Там группа Попова вернулась. Потеряли один самолёт, лётчик ранен. Встретили группу Ю-87 под прикрытием восьми мессеров, отработать не дали, а твой Лёшка (уже мой?!) — кивнул на Сашка, — двоих завалил и еще двоих подранил так, что те вышли из боя. И Попов одного завалил. Твои моторы (уже и моторы мои?) отработали выше всяких похвал, вообще если бы не звено Строгого, неизвестно как бы все получилось. Командир приказал так же подготовить всю эскадрилью Попова.

— Ты с ним, если всё, — особисту, — отпускаяй.

— Ты, — парню, — иди на обед, полковой инженер знает, после поработаешь под его руководством. Или он под твоим, — добавил он так, что услышал только лейтенант НКВД и оба усмехнулись.

После обеда два звена из второй ушли на охрану моста, а в первой вылеты больше не планировали. Инженер полка перехватил Александра на выходе из столовой, и они вместе пошли на стоянку самолётов.

— Как у тебя так получается, — поинтересовался старший.

— Чувствую, что так надо, а как это объяснить я не могу.

— Ладно. Посмотрим.

Но на стоянке дело не заладилось. Мотористы, с которыми работал Сашко, честно, пытались выполнять его команды. Попробовал и инженер, но толку практически не было. Пришлось послать за Гришей и всё получилось. Комариное крылышко, комариный носик и мотор радостно поёт, и все это понимают. Даже, командир полка, пришедший посмотреть на это действие (ему, конечно доложили о возникших трудностях), оценил. Дал команду провести занятия с лётным составом по новому поведению боевых машин, и забрал команду

настройщиков на свой самолет.

— А что не получилось с другими механиками?

— Да они меня не понимают, они стараются, но не чувствуют. Вот Григорий Иванович чувствует, ему и говорить почти ничего не надо. Настройка командирской машины много времени не заняла. Самолет был готов к вылету, поэтому командир сразу решил проверить результаты новшества. На взлёте он испытал те же чувства что и Смирнов, и Строгий, и Штерн — значительно возросшую тягу. В полёте — тяга и приёмистость, в пилотировании — чуть большую устойчивость, а управляемость, как прежде — отличная. Крутнул несколько фигур и полез на высоту. Скороподъёмность порадовала. Когда он собрался уже переходить в пикирование, увидел, что возвращаются четыре самолета группы второй АЭ. А их преследуют две пары мессеров. — разгоняются на пикировании, атакуют и вновь на высоту. Атака повторяется. Наши маневром уходят, но сами сделать ничего не могут. На землю пошел приказ на взлёт дежурного звена (благо самолет был с ракетой). А сам имея значительное превышение атаковал набирающую высоту, а потому теряющую скорость пару фашистов. Солнце прикрыло заход, так что появление нового действующего лица для всех стало неожиданным, особенно удивился немец, у которого очередью полностью развалило заднее оперение, лететь так невозможно и ему срочно пришлось покинуть остатки самолета. Вот и работа для роты охраны и особиста. Охотники превратились в дичь. Ведущий, лишившись напарника, решил резким маневром уйти с разгоном в низ, но не тут-то было. Запас по скорости и тяге позволил русскому пилоту быстро настичь врага. В небе дополнительно к белому одуванчику парашюта, добавилась огненная комета. Отсюда никто не выпрыгнул. Вторая пара немедленно вышла из боя.

Облёт получился боевой. Радость победы омрачало отсутствие двух бортов из второй. Причина выяснилась на земле. В заданном квадрате шли колонной звеньев, немцы двумя парами ударили сверху "соколиным ударом", видимо "охотники". Тройки лишённые главного преимущества И-16, - манёвра, стали лёгкой добычей. Первой же атакой были сбиты оба ведомых второго звена. Один выпрыгнул с парашотом, его судьба не известна. Второй погиб. Не вольно пришлось перестроиться в пары, стало легче маневрировать. Могли только уклоняться. Хоть бомберов не было. Уже на возвращении были атакованы другой четверкой, наверно навели. Бензина в обрез, могли и не долететь.

Итог дня — пять побед, три самолета — минус, один пилот погиб, один ранен, один не известно. Правда прыгал над своей территорией, если жив объявится. Вроде баланс положительный, а настроение мрачное. И не в том дело, что потери, а в том, что потеряли все три бездарно. И что с этим делать? Полк, на начало войны, базировался не так близко к границе и несколько в стороне от основных направлений ударов. Пострадал меньше других, тем не менее, за эти две недели понес значительные потери. Из 70 предвоенных осталось 37. По 12 в первой и второй, 6 в третьей АЭ, 3 полковых и, чудо, 3 связных ПО-2. Тренировочные спарки отдали в учебный полк. Одну не взяли — слишком убитая. Боевой работой занимаются в основном 1ая и 2ая. В третьей звенья по очереди несут боевое дежурство. Сегодня во второй осталось 10, в первой 11. Надо ли пополнять? Чем? Третью расформировать? А тут еще приказ о подготовке к перебазированию, день два и подальше на восток откатимся. Не много компенсировали настроение результаты облета и воздушного боя. Как и говорили лётчики, после работы пары Киселёв — Смушкевич, самолёт как будто подменили, — тяга, приёмистость, скороподъёмность. Более устойчив, стрелять стало легче, двух стервятников снял в две очереди, а маневренность осталась на уровне. Надо бы

распространить опыт, но там какие-то сложности. Ладно вечером обсудим со штабом.

Все на аэродроме видели бой. Радость от сбитых на глазах фрицев (обычно бои для техников происходят где-то там за горизонтом) покрыла, пока, горечь от потери своих. Сашко же обратил внимание на то, что остальные не заметили. От попаданий мессеры развалились в клочья, особенно второй. Вспомнились слова Алексея про взрыв боекомплекта и бомбы в им подбитых. Подумалось что это неспроста. Надо это обдумать и еще почему не получилось с другими механиками, результат был, но ни в какое сравнение как при работе с Гришей. Опыт Василия посеял смутные сомнения. Ладно, это надо загрызть и переспать. Поужинали. Спать положили у лётчиков на место убывшего пилота первого звена. Столько произошло за этот долгий день, казалось не уснуть. Нет, только прикрыл глаза, уже трясут за плечо. Оказалось, аэродром уже давно проснулся, лётчики ушли на предполетные, будить посчитали не обязательным, завтрак проспал. Прислали посыльного из штаба, срочно вызывают (интересно в армии бывает не срочно). Подскочил, кое как привел себя в божеский вид. У штабной палатки пришлось подождать пока закончится совещание командиров, минут через десять, откинулся полог тамбура и некоторые из них отправились выполнять поставленные задачи. За ними выглянул инженер:

— Молодого нашли? — спросил он у дневального на выходе.

— Так точно, — и громко крикнул, — Смушкевич, к командиру!

Сашко тут же появился из-за угла палатки.

— Давай! — пропустили его в перед.

— По вашему приказанию прибыл! — моторика Василия дёрнула руку к виску, но остановился, и голова пуста, и вообще не военный. Почти все обратили внимание на этот жест, а особист с комиссаром многозначительно переглянулись.

— Так, молодой человек, вашу вчерашнюю работу и я, и лётчики 1ой, оценили в полной мере. По вам тоже, более менее ясно, теперь хотелось бы знать, что вы об этом думаете? — в официальном стиле задал вопрос старший полковой начальник.

— Товарищ командир, я уверен, что могу быть полезен вашей части, если можно, оставьте у себя, вроде как юнгой на корабле. В моторах я разбираюсь и приложу все силы, вы не пожалеете. Хочу бить фашистов, пока они не кончатся!

— Хорошо, Сашко. Мы тоже считаем, что будешь полезен. Тогда так: первая сегодня работает, вторая в резерве, тебе задача — подготовить их как вчера мой! Ясно?

— Так точно! Только Григорий Иванович нужен.

— Уж куда без него.

— Может поищем во второй напарника? — вмешался инженер.

— Нет, экспериментировать будем потом, Киселёва замени на своё усмотрение, этим помощь организуй, если нужно. Да еще форму какую и комбез по размеру пусть старшина подберёт. Всё давайте.

— Что, так проняло? — спросил комиссар, когда те вышли.

— А, что есть проблемы?

— Да, вроде бы нет. Молодой, честь на входе хотел отдать, ещё кое-что по мелочи.

— Я заметил. Да проняло! Можешь представить: полчаса и совершенно другой самолет — мощнее, лучше, послушнее. Ишак в управлении строгий, а тут как будто продолжение тебя. Целиться удовольствие, прямо магия!

— Но, но! Никакой мистики! — рассмеялся комиссар. — Кстати, надо парня поставить в штат и на довольствие, — обратился он к начальнику штаба.

— Да. Да. Вакансий хватает, — подтвердил командир, — подготовь приказ, я подпишу.
— Хорошо.

ВТОРОЙ ДЕНЬ В ПОЛКУ

Когда вышли, мне предложили двигать к Грише на 21й и там подождать. По дороге заскочил на кухню. Клянчить не пришлось, от завтрака кое-что осталось. Порекомендовали завтрак не пропускать, от всей души с ними согласился и прежде, чем помчаться на стоянку, переговорил с одной из девушек-подавальщиц. Дело в том, что она рассказывала подруге про нового кавалера. Мол какой обходительный, конфетки-семечки, рукам волю не давал. Всё расспрашивал да жалел как ей должно быть тяжело на работе. Она не предполагала, что её слышат. Василия, аж передёрнуло от такой наивности. Попугал и предложил обратиться к особисту, иначе могут привлечь за измену. Про себя решил, не послушается, сама виновата, доложу. Как потом оказалось, послушалась. А особист провернул контрдиверсионную многоходовку с нашумевшим результатом. Позже поблагодарил за бдительность.

Первая прогревала моторы, и я стал напряженно прислушиваться к их звуку, отклонений не услышал ни у кого. Вот и хорошо. На стоянке смирновского самолёта сообщил, что Гришу у них забирают, а пока заглянул под капоты оружейников. Постарался, не мешая им, погладить пушки и боекомплект. Вспомнилась картина сбитого истребителя. Может это я так увеличиваю мощь взрывчатки. Мысль, конечно, самонадеянная, ну а вдруг! В памяти Василия что-то было про рояли для перемещенцев, но пока статистики и времени для анализа очень мало. Увидев меня, Гриша очень обрадовался:

— Появился! А то я думал тебя на совсем забрали.

— Забрали, забрали. И тебя тоже, — и объяснил ему ситуацию и наши задачи,

— Так что будем работать в паре.

— Это — хорошо, — довольно согласился он. Для меня встреча, неожиданно, оказалась более чем приятной. Казалось бы знаю всего сутки, а прямо родной человек, рядом с которым просто хорошо. Додумать мысль не успел, появился инженер полка. Представил замену моториста, мне выдал тючёк, в котором оказался технический комбинезон. Остальное надо будет получить у старшины. Пока Гриша передавал "хозяйство", переоделся в робу, на голову пилотка — всё теперь меня не отличить от аэродромного люда, а то хожу по стоянке в гражданке как белая ворона.

Проводили на вылет 3е и 4ое звено, у начальства и помимо нас дел по горло, но вот он освободился, и мы двинулись к стоянке 2ой АЭ. Самолетов у них осталось 10, правда один самолёт и лётчика передавали в первую для комплекта. С него и начали. Всё прошло штатно, погоняли двигатель, убедились в его нормальной работе. Технический экипаж остался заканчивать подготовку. Высокое начальство посчитало своё присутствие лишним и убыло по своим делам, передав опеку начальству местному. На следующем самолете инженер эскадрильи предложил сам заменить Гришу: — Я посмотрел, как вы работаете, ничего сложного. Доказывать ничего не стал, пусть попробует.

Попробовал. Кое-что получилось. "Вот видишь, хорошо же, — ликовал он.

— Получше чем было, но это не то, — ответ его смутил. — Григорий Иванович давайте работать.

Через пятнадцать минут: — Понял, убедил, каюсь, больше мешать не буду. Пойдём на следующий?

И так до обеда по 20–30 минут на самолёт с переходом и перекуром, но всё закончили.

Села после вылета 1я АЭ. Вернулись все, но четвёртое звено потрепали. Снова на подходе к аэродрому, четвёрка мессеров-охотников ударили по ведомым замыкающего звена. От единственной атаки, почти, увернулись. На одном самолёте крыло подлатать, а вот на втором пуля 7.95 попала в мотор, придётся поковыряться. Гриша, само собой, да и я тоже воспринимали первую как свою. На второй вылет сходили: первое звено, усиленное звеньевым из второй и звено л-та Строгого. У них обошлось без боестолкновений. Матчасть отработала нормально.

После обеда встретились с полковым инженером. Доложили результаты по второй АЭ. Он предложил продолжить с третьей. У меня было встречное. Резоны такие: — третья сидит в ДС, до завтра потерпят. В первой, как раз по двигателю, не боеготовый самолёт, а с ним и звено. Давайте поможем устранить неисправность, если останется время, к Карманову, если нет, то завтра. "Подшаманим" не снижая боеготовности.

— Логично, — согласился он, — хорошо, скажите Богданову, что я послал конкретно на восстановление самолёта. "Кармановские" завтра кровь из носа. Ясно!

— Так точно, — гаркнули мы синхронно, будто долго тренировались.

С ремонтом получилось и просто, и сложно. Просто: — поврежден карбюратор и кое-что навесное. Сложно: — запчасти приготовили к перебазированию и нужные оказались упакованные и, как всегда, в низу штабеля. Решили инженерную службу пока не мучить, глянуть на списанных. Нам выделили полуторку и мы: — штатный моторист, Гриша, я и два бойца, отправились на промысел. Кроме запчастей, поездка дала еще один, неожиданный результат, незаметный другим, но прояснившим кое-что о нас с Гришей. По началу не понял, как среди рядов разрушенных, полуразобранных фюзеляжей, найти нужное? Невольно я приложил руку к борту. Возникло вИдиние: — разорванные тросы, гнутые тяги, мертвые механизмы, а вот эти как бы живые! Это вИдиние было не чётким, как в тумане, тем не менее, определиться позволяло. Приложил руку к следующему — здесь тоже не то. На третьем догнал Гриша, спросил, что я делаю и облокотился о фюзеляж. Словно ветром сдуло туман.

— Не касайся самолёта, — тот в недоумении отшатнулся. Картинка чуть потускнела, но осталась чёткой.

— Медленно отходи и считай шаги. — пожав плечами, стал медленно отсчитывать. С каждым шагом наплывал туман. На седьмом стало как было.

— Стоп! Теперь, медленно подходи и прикоснись к самолету, — Гриша, безропотно выполнил команду, ему даже в голову не пришло заподозрить подвох. Нужно, значит нужно. Теперь с каждым шагом картинка прояснялась. В итоге, даже не рентген — объёмная компьютерная графика.

— Положи руку мне на плечо, — тоже самое. Ясно! Для проявления эффекта мы должны держать один предмет, соприкоснуться или находиться на расстоянии меньше семи шагов. А не высасываю ли силу, может я энергетический вампир или, всё же, Гриша катализатор именно моих способностей.

— Я тебе позже объясню, — сказал Сашко, увидев подходящих ребят. — С этого начнём.

— С этого так с этого. — согласились те. Действительно на разбитом в хлам моторе, оказалось все что нужно в отличном состоянии. Быстро управились с разборкой-погрузкой. Не мешкали и с разгрузкой и установкой. Десять рук, растущих откуда надо, это не фунт изюма.

Подошёл Инженер эскадрильи, увидев сидящих ребят: — Что не нашли?

— Почему не нашли? Нашли, установили, немного перекурим, погоняем и доложимся, — отрапортовал моторист самолёта. На восклицание: "Не может быть!" Только пожал плечами. Перед запуском Сашко решил проверить одну догадку — отрегулировать холодный двигатель в тесном контакте. Ожидаемого результата не получили. Пришлось греть мотор и настраивать по отработанной схеме. До ужина успели отработать резервное звено третьей АЭ.

Уже на переходе в столовую: — Григорий Иванович, а как ты себя чувствуешь рядом со мной, — начал издали Александр, — может усталость, хандра, упадок сил?

— Нет, Сашко, когда ты рядом, мне наоборот хорошо, настроение поднимается, сил прибавляется, бодрость в теле и чувство что с тобой мы любую задачу решить можем. Кстати, как ты определил какой самолёт "курочить" надо и зачем ты меня шаги считать заставил?

Вот и рассказал о своих наблюдениях, выводах по этому поводу и сомнениях.

— Нет, силу ты из меня не пьёшь, это точно, может используешь, я не чувствую. А в остальном, значит мы две половинки целого — ты ум, я — сила. Хорошо, что ты нашёл меня!

Договорились, что Гриша повнимательней присмотрится к своим ощущениям, поэкспериментируем, пока об этом распространяться не будем. Ночевать, снова, пошёл к лётчикам. Сразу не уснул, да и рановато было. Прислушался со своего места, разгорался спор, как повысить маневренность звена. Все уперлось в слетанность и мастерство ведомых. Натура Василя не вынесла наивности этих рассуждений, всё-таки он встрял: — То, что у вас есть, — предел маневренности трёх самолетного звена. Для маломаневренных бомберов, ну может ещё для штурмовиков, типа ИЛ-2 — нормально. Для истребителя — пара! Ну, вы попробуйте стать три человека в шеренгу и походить с поворотами влево-вправо! Тут же расчистили полянку. Провели натурный эксперимент. В тройке ведомому всё время приходилось то останавливаться или того хуже сдавать назад, что в воздухе — никак, то оказаться на месте ведущего, а то и вовсе получалась куча мала. Было бы весело, если бы не было так грустно. В паре ведомый ходил за ведущим как нитка за иголкой: "Кроме того в паре ведомый может легко перестроиться из левого пеленга в правый и обратно, что в тройке категорически невозможно, — комментировал он. Замечание, что звеньевой должен подавать команды на маневр. — Да в бою, без радио, пока покачает крыльями, пока его поймут, половину посбивают. Это и есть предел маневренности.

— У тройки огневой потенциал выше в полтора раза, — высказал явно заученную мысль один из пилотов.

— Вопрос спорный. Дело в том, что огонь ведет ведущий звена, в основном. В шестёрке из двух звеньев — ведущих два, а в парах три, соответственно огневая мощь в полтора раза выше, при номинале в шесть единиц.

Сашко, за эти два дня приобрёл некоторый авторитет в области обслуживания самолётов, но его рассуждения по поводу тактики воздушного боя не лезли ни в какие ворота. Хотя и возразить, особо было нечего.

— Это преклонение перед тактикой врага, — выдал довод комсорг.

— Нет, это разумный подход.

— Хочешь сказать у начальства нет разума, — съехидничал он.

— Разум есть, не хватает информации, то-что очевидно в низу не всегда заметно с

высоты.

В возникшей паузе, раздался голос комэска: — Всё равно никто не позволит нарушать наставление, — и как бы противореча себе, добавил, — где взять столько ведущих?

— Ведущих у нас четыре, ещё один — звеньевой из второй, ну и одного из подготовленных летчиков. А наставления нарушать, конечно, нельзя. Взлетать как прежде в две тройки, в воздухе же перестраиваться по обстановке. Сейчас тоже парами возвращаются, мало ли что. Если, конечно, никто докладывать не помчится. Все, почему-то устали на комсорга.

Тот поёжился под взглядами, — А, я что, разве что в порядке эксперимента.

— На счёт эксперимента, это ты здорово придумал. Всё конец дебатам. Отбой, завтра легче не будет. После завтра перебазирование — вопрос решён. — распорядился Попов.

Уже засыпая, вспомнил мысль, которая царапнула на самолетной свалке: — там лежал бесхвостый немец, шмякнулся он хорошо, но не сгорел. Надо бы поковыряться.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Утро. Вновь вызвали в штаб. Обоих. У палатки стояли командир, НШ и инженер. Начал НШ: "Подписан приказ о призыве в РККА тов. Смушкевич А.Я. зачислении в штат полка в звании рядового. Документы в строевом. На построении примешь присягу, там и солдатскую получишь. Кроме того, приказом в полку создана особая группа мотористов в которую входят — старший группы сержант Киселёв Г.И. и красноармеец Смушкевич. Подчиняетесь инженеру полка." Дальше подключился командир: "Задачу вам поставят, у меня личная просьба. Мне доложили, вы вчера самолет подняли.... -он щёлкнул пальцами, не найдя сравнение, продолжил, — есть у нас спарка, дохлая, учебная, но боевая, завтра перебазирование, придётся бросить. Гляньте её может получится поднять?"

Мы кивнули. Задача группы определялась следующая: — отладка моторов на самолётах полка, набор статистики, составление графика обслуживания. Так же авральная группа на случай ЧП. Конкретно сегодня: профилактика (начать со второй АЭ, они первыми, девяткой, уходят на охрану моста ставшего стратегическим), потом доработать второе звено третьей и если ничего не будет займётесь спаркой. Инженер, явно, считал это блажью, безнадёжным делом, пустой тратой времени. А вот предложение, поискать запчасти на списанных, принял с энтузиазмом, пообещал выделит полуторку, если наберётся много.

Ну, вот, задачи определены — за работу Товарищи. Пробежались по стоянке "второй", подходили по-разному: — когда Гриша первым, когда я — результат не отличался. Не обнаружили ничего срочного, хотя механикам подсказали кое-что на будущее. Демонстративно записал в блокнот — серьёзнее отнесутся, а главное самому не забыть! Пошли в "первую". Здесь, тоже, готовились к вылету. Оказалось — регулировать холодный двигатель не выходит, а диагностика пожалуйста! Это сильно облегчило нам жизнь. На 21ом задержались. Показалось наступает откат (мы то с Гришей уже поняли, что дело не только в настройках. Сам он ничего не чувствовал, верил на слово, результат видели все). Трогать ничего не стал — надо посмотреть процесс. Кое кому придётся побыть подопытным кроликом, после вылета ещё раз заглянуть на 21й расспросить Лёшу об ощущениях. Заметил, что Попов собрал в сторонке лётчиков первых двух звеньев и, палец даю, готовят эксперимент по вчерашнему разговору. Так и есть. Мой, абсолютно-идеальный слух не напрягаясь, уловил, как они договариваются о порядке взлета тройками. Где перестроятся в пары, кто с кем, боевой порядок пар. Хотелось им подсказать про этажерку, не стал. Для неё нужна связь. Записал этот пунктик в блокнот. Теперь в "третью" и на спарку, пока "вторая" не вернулась, наверняка работы подкинут. Возле УТИ-4 нас встретила группа механиков, оказавшиеся временно свободными из-за боевой убыли материальной части. Одного сержант Киселёв послал за полуторкой. Далее раскапотировли мотор и сделали вид что полезли смотреть. На самом деле просто прижались ладонями к металлу.

— Ну как, — поинтересовался напарник.

Я понял, что он имеет в виду и показал большой палец вверх. Вначале записывал сам, а потом призвал на помощь одного из механиков. Совместными усилиями к приезду машины у нас был готов список необходимого. Бригада собралась семь человек. Хотели было уже ехать, как стали заходить на посадку вернувшиеся с задания самолёты. Завернули к ним. К счастью, мои предчувствия не оправдались. Привезли несколько пробоин фюзеляжа и

крыльев, но не критические, клей перкаль и лак, больше ничего не нужно. Вылет получился боевой, немцы вновь пытались прорваться к переправе. Лётчики в один голос хвалили новые моторы, если бы не они, могло быть намного хуже и благодарно пожимали руку... Григорию Ивановичу, а что, мало ли кто крутился у него под ногами и что-то там лепетал. Крутил то он. Гриша как-то виновато поглядывал на меня. Я же кивал ему, стоя в сторонке:

— Всё так, всё правильно.

Пробежались по стоянке списанных. Наметили, где что снимать, не забыли и пожелания начальника. Ребята занялись работой, а я пробрался на край, где лежали останки мессера. Снял, почти живую рацию без ламп, конечно, Пару приборов и ещё по мелочи. Была еще мысль, найти что-либо из вооружения. Дело в том, что на УТИ ничего не было. А вот места под пулемёты на консолях крыла были и меня, прямо свербило их туда воткнуть, как в последствии выяснилось не зря свербило. Так нашёл пять экземпляров разной убитости, которые в здравом уме не взялся бы чинить ни один оружейник, так бы оно и было, да приказ командира, я-то видел, как собрать этот конструктор. То-что некоторые в итоге были удивлены, ничего не сказать. Закончили уже ночью. Идти уже не было сил, попадали под самолётом, где кто пристроился. Проснулся с рассветом. Оказалось, не я первый. Почти все встали, всем не терпелось узреть плоды вчерашнего аврала. Тянуть не стали. Топлива мало, но на гонку хватит. Запустили. Мотор, конечно, другой, вот и посмотрим, как сработают наши методы. Прогрели, отрегулировали.

— как-то так! — хлопнули огромные ладошки. Словно по этой команде, как из-под земли материализовался Сушков:

— Сделали! — видимо у него именно к этой машине были личные нежные чувства, — Молодец, ну молодец, я в тебе не ошибся!

— Я работал не один.

— да-да, конечно. Спасибо! — Обернулся он к стоявшей, словно в строю, бригаде ремонтников, хотя видно было что он уже не здесь. — Облетать можно?

— Самолёт исправен. Нужны заправка бензина, масла, зарядить пулеметы.

— Вы и пулеметы установили! — обернулся майор к крылатому другу. Где мы их взяли его не заинтересовало. Командир есть командир, вскоре были и масло, и топливо, и патроны к пулемету. Аэродром только расчухивался, а УТИчка уже в воздухе. Облет прошёл спокойно, был не долгим. С утра планировалось полковое построение. На стоянке пилот нехотя покинул кабину.

— Как матчасть? — привычный вопрос вернул его в реальность. — отлично!

Мы стояли несколько в стороне: — Какую награду хочешь?

— А кто на перебазирование погонит спарку?

— Хотел сам, не могу. Полетит комиссар, — я удивленно поднял брови, — да он летает, правда нечасто. Хочешь с ним, — догадался майор, — хорошо. Думаю, это справедливо. Головой ответишь, если что не так. — хохотнул, явно намекая на архитекторов, становившихся под своим мостом во время испытаний.

ПЕРЕБАЗИРОВАНИЕ.

На полковом построении объявили приказ о перебазировании (хотя ночью уже отправили две колонны с хозяйством). Обнародовали необходимые для этого указания. Затем приняли у меня присягу, объявили о моем зачислении в полк. Тут же наградили устной благодарностью особую группу мотористов и приданную им команду за восстановление милой сердцу начальника авиатехники. На этом построение и закончилось. Инженер дал указание пройтись по эскадрильям, кому надо оказать помощь, готовиться к переезду. По стоянкам пробежались добросовестно, помощь никому не понадобилась, задержались у 21го. Откат стал чётко различим, не много, процента два-три, может чуть больше, пилот даже и не заметит. Однако! Записал в блокнот. Вновь делать ничего не стал. Нашли Смирнова, поинтересовались вчерашними вылетами. Ожидаемо, тот ничего не заметил в работе мотора. Проболтался о бое (это они пришли на выручку девятке из второй), ему пришлось идти с звеньевым из второй и даже в не слётанной паре маневрировать было легче, чем в слётанной тройке. Пришлось охладить его пыл по обоим вопросам. На не болтать лишнего, обиделся: — Я ж только тебе, это ведь твоя идея!

— Мало ли что я наболтал, а вы сделали. Командиру попадёт, рано ещё.

— Да понял я, он предупреждал.

— И ещё, Лёша, такое дело. Мотор на твоём самолёте начал по тихонько сдавать. Пока ты этого не чувствуешь. А нам нужно узнать, как будет проявлять себя откат. Плавно или резко мощность упадет, сколько по времени продержится. Будь готов к неожиданностям, повнимательнее, что заметишь — ко мне. Понимаю, в боевой обстановке это не дело, так получилось побыть тебе испытателем.

— Понял. Хорошо, что предупредил. Это потому, что с моего начинали?

— Да, остальные по мере надобности будем подтягивать.

— Видно дело не только в настройках? — вопрос остался без ответа.

Готовить к переезду особо нечего. Пошли в звено управления. Там два самолёта недоработанные остались. По дороге предупредил напарника, что наземным транспортом поедет без меня.

— На спарке полетишь, — догадался он, — хорошо, не переживай, доеду и за имуществом присмотрю, в общем разрешаю — лети. Улыбается.

То-что неформальный лидер в паре — я, знали немногие. Официальный начальник особой группы — сержант Киселёв (в 21 веке сказали бы — Фронтмэн). Меня устраивало, объяснил Грише резоны он согласился и, тоже, это принял.

Механики командирского звена особой радости не выказали (видимо, боялись унижения авторитета), но и не возражали. Григорий Иванович объявил стандартной процедурой. Объяснение примирило всех, даже механиков У-2. Усиление М-11 на пяток лошадиных сил особой роли не сыграет, а вот прибавка надёжности не помешает.

— Чего курочат? — поинтересовался, проходивший мимо, механик ПС-84, приданного полку на перебазирование.

— А, эти. Особая группа мотористов, придумали какую-то доработку по мотору. Мощность повышает. — ответили местные.

— И как?

— Лётчики в восторге, да и видно — получше работают, — а, что?

— Да у нас правый движок барахлит, может глянут?

— Спроси, за спрос не бьют.

Пришлось ещё и транспортником заняться. У них привычные АШ-62. Правый — действительно, дышал на ладан, чем и "обрадовали" механика.

— Левый подшаманили, будет тянуть получше, правый тоже, но не долго. Часов 10 гарантируем, потом может стать в любой момент. Ничего с ним уже не сделать, только под замену. Давно в работе?

— Прямо перед войной ресурс вышел, сейчас не до того, а налёт в разы увеличился.

— Смотрите гробанётесь — 10 часов и замена, кровь из носа. У вас выработка и со смазкой необратимые — может и загореться.

— Не пугай, и так страшно, — хохотнул он как-то не весело. На том и разошлись.

Гриша — грузиться, я — на спарку, где встретил полкового комиссара.

— Вылет через полчаса.

— Я готов.

— Хорошо. Первыми пойдут У-2, за ними ПС, дальше наша очередь. Эскадрильи через 10 минут, командир со своим звеном замыкающими.

Хочешь рассмешить бога — расскажи ему свои планы. Уже на рулении обратили внимание на нездоровую суету на стоянках. Так как никаких изменений не поступило взлетели по плану, набрали высоту и потянулись за, видневшимся вдалеке транспортником постепенно его догоняя. На земле всё пошло не по плану, пришла информация: — замечена большая группа вражеских бомбардировщиков под прикрытием истребителей. Высокое начальство поднимало всё до чего могло дотянуться. Пришёл приказ: — Всем в воздух! Перехватить! По его тону майор Сушков понял: — всё более чем серьёзно. Взлёт переиграл: — первая группа — его звено и два звена 3-ей АЭ. Далее девятка второй. Далее две шестёрки первой. Посадка по плану на новый аэродром, а не по плану куда бог даст. В этом боевом порядке никто не обратил внимание как после взлёта вся первая АЭ из четырёх звеньев перестроилась в шесть пар. Полк навели по радию, им повезло быть не первыми. Истребители противника уже были связаны боем, и они вышли в хвост большой группе сжавшихся в оборонительном строю Ю-88. Командир стрелою пронесся над ними и спикировал на ведущего первой девятки. Длинная очередь впиалась в тело Юнкера. Огромным огненным шаром накрыло и его ведомых. Зрелище было жуткое и завораживающее. Строй дрогнул. Встряхнуло и нападавших. "Ишаки" пошли в атаку, целей хватало! Через некоторое время такой же огненный шар смёл еще одну тройку на левом фланге. Это атаковал ведущий Смирнова, попал так себе, Лёша добавил. Результат видели обе противоборствующие стороны. Фашистский строй развалился. Основная задача была достигнута. Массированный налёт сорван. А юркие И-16 продолжали клевать неприятеля. Доставалось всем.

А недлинный караван разномастных самолётов продвигался своим маршрутом. ПС нагонял У-2, а УТИ — транспортник. Комиссар отлично видел всю колону. Появилась слоистая облачность. Из ровного нижнего края местами свисали прозрачные туманные космы. Василию никогда не приходилось летать в открытой кабине, ему непреодолимо захотелось потрогать облака, отлично понимая, что это просто туман, но иллюзия была настолько сильной, что Сашко попросил в переговорную трубу, так и сказав: — Хочу облака потрогать! Комиссар усмехнулся, дал газ и потянул ручку на себя. Набрал четыреста метров.

Перевёл в горизонт, проскакивая призрачные косы, цепляя нижний край. Выше подниматься откровенно боялся (пилотом он был слабым и не догадывался, что сзади сидит пилотажник на порядок сильнее, правда тоже без боевого опыта). Вместо эйфории Сашко-Василий почувствовал-увидел, как на пятьсот метров выше, чуть в стороне впереди цепляет эту облачность сверху пара враждебных призраков. Пока они нас не видят, но дальше облачность заканчивается. Что делать? Основную группу, которая должна была уже догнать, невидно.

Вариантов просматривалось два. Первый: — пробить облачность и ударить неожиданно в хвост. Минусы: — комиссар в облако не полезет, да и чего бы? Результат боя 1:1 в лучшем случае, скорее 1:0 не в нашу пользу.

Второй: — дожидаться, пойдут вниз и перехватить пока будут ещё без скорости. Вот его и попробуем. Волнение передалось в переднюю кабину, лётчик заозирался. На миллиметр подвинул вперёд газ, если держит руку на рычаге — почувствует. Молчок. Ещё, ещё. По чуть-чуть разгоняю самолёт. Пока не видит. Всё! Сквозь истончившуюся облачность враги увидели транспортный, плавно перешли на пикирование. Ору в трубу: — мессеры впереди!!!

Комиссар увидел лишь смутные пятна, пробивающие тонкую пелену, а его левая рука сама собой двинула шаг-газ вперёд до упора, правая стала отжимать ручку, переходя в пологое пикирование. Мысль, что управляют из задней кабины, не пришла как абсолютно абсурдная. Теперь была чётко видна пара "худых" неторопливо пикирующих на наш ПС (видимо те не хотели сильно разгоняться, чтобы не проскочить тихоходную цель), дистанция сокращалась. Он включил тумблер цепей вооружения, сделал перезарядку пулемётов, откинул защитный колпачок гашетки огонь. Навел прицел на ведущего пары. Палец лег на спуск. У Сашка сзади не было прицела, но он видел-чувствовал траекторию полёта пули, которая проходила ближе к ведомому. Что ж пусть будет так и поддёргнул ручку. Комиссар вдавил "огонь", но самолет дёрнулся на каком-то воздушном ухабе и очередь пошла не туда куда он рассчитывал. Вместо ведущего досталось ведомому. В доли секунды он крепче сжал ручку управления, уточнил прицел, дистанция убойная, но противник теперь знает об опасности. В один миг слились сразу три действия: цель дала резкий крен, уходя с перекрестия; уже по инерции нажата кнопка "огонь" — очередь пойдёт мимо; проваливается педаль, самолёт скольжением подворачивает нос и пули впиваются в крыло, летят обломки будто ударили не винтовочным калибром, а как, минимум, "крупняком". Всё — нежилец, с половиной крыла не полетаешь. Так, а где ведомый? Ага, здесь тоже, нормально. Мессер какое-то время летел прямо, затем накренился и от него отделилась точка, вспухшая белым одуванчиком парашюта. Повезло — выжил. Второй, кстати, тоже прохладился под куполом. С транспортного передали на землю. Там обещали изловить разбойников. Рация на ПС работала, они были предупреждены, что полк перенацелили и они остались без сопровождения. Не считать же прикрытием УТИ-4, у которого и вооружения не бывает. Как бы не наскочить, фронт близко. Лётчики завертели головами, и сопровождающий куда-то делся, а нет, вон он под облаками чешет, толку-то всё равно без рации — не предупредишь. Вспомни чёрта он и нарисуетя. Пробив тонкую облачность, заходила в атаку пара "худых". Наши их, поди, не видят, да и что могут сделать, даже таранить не догонят. Всё кажись отлетались, "а ты говорил мотор менять, вот тебе и кровь из носа" почему-то вспомнился разговор. Неожиданно спарка сделала крутой маневр, оказалась в хвосте не подозревавших подвоха фрицев и в две очереди ссадила их на землю! Ай да комиссар, ай да политрук, значит не только языком молоть! Прилетим — фляжка спирта и движок обязательно

поменяем.

Комиссара Пучкова трясло. Эти две минуты смешались в какой-то винегрет с того момента, когда, вырвавшийся, из переговорной трубы крик: "Мессеры впереди!!!" ударил словно обухом. Он ещё не понял, что за тени мелькнули в дымке, а руки уже действовали (не сам же самолёт дал полный газ и перешел на пикирование). Чёткое понимание — включить вооружение подготовиться к стрельбе, прицелиться, рывок самолёта и очередь поражает ведомого, вместо ведущего, потом и этого достаёт в немыслимом кульбите. "Так и в бога поверишь, — мысль немного успокоила, хотя дрожь в руках так и не прошла. Он даже посадку затянул, изображая прикрытие захода группы и совершенно не догадывался, что сзади готовы в любой момент подстраховать. Хорошо не пригодилось. Эмоции, излившиеся на него на земле, смутили. Оказалось бой видели все. Экипажи У-2 были готовы к тому, что мессеры после ПС займутся ими...

— Ну орёл! Ну ас! Лихо вы их! Раз! Раз! И два парашюта! — раздавалось со всех сторон ему жали руку, хлопали по спине и плечам, не взирая на чин — ещё бы, пол часа назад он спас им жизнь!

— Поздравляю с открытием боевого счёта, Фёдор Ильич! — сказал начальник штаба, прилетевший в этой группе и разделявший общую благодарность. А истинный виновник мышкой соскользнул с противоположного борта и тихонько растворился в аэродромной суете. Уже позже, когда улеглись волнения Пучков, то-ли отыскал парня, то-ли случайно наткнулся, тем не менее пожал руку:

— Спасибо!

— Мне то за что?

— За то, что пулемёты поставили.

— Ну как же, он хоть и учебный, но боевой. — вспомнил командирский каламбур Сашко.

— Да. И мессеров ты первый заметил, я мог прозевать момент.

— Да ну, как вы их здорово!

— Нет, Саша, это случайно получилось. Я, даже не думал, что людей спасаю, само собой получилось. Цену себе как лётчику — знаю, она не велика, взлет-посадка, ровненько пролететь, не больше.

— Зато комиссар вы самый настоящий! Просто — отличный! — сказал Сашко, совершенно искренне. Было опасение, что возомнит из себя асса. Сам погибнет и дров наломает. А вот и нет. Уникум.

Это было уже поздно вечером. А сейчас волнений добавила встреча полка с боевого. В сборной группе потеряли три самолёта. Два безвозвратно. Один пилот погиб, один выпрыгнул. Один сел в поле на вынужденную, вроде жив, что с самолётом не ясно. Во второй вернулись семь, из них один разбитый в хлам, летчик легко ранен. Ещё двое приземлялись на парашютах, состояние неизвестно. Первая вернулась без потерь изрядно потрёпанные. Работы не в проворот, тем более, основная масса наземных и технических служб добралась только к утру. Двое суток полк не трогали, дали время решить оргвопросы. Дело в том, что полк ранее занимавший аэродром выводили в тыл на переформирование. Оставшиеся семь самолётов отдали нам. Пополнили летный состав за их счёт.

Нам с Гришей поставили задачу проверить местную свалку битых машин. Запчастей хронически не хватало, а инженеру понравилась наша инициатива (правило: инициатива имеет инициатора, работает). Выделили ту же группу механиков. Машину. Видно, уверен в

успехе миссии. Посмотрим. Диагностику и доводку будем делать, когда более-менее подготовят самолеты.

АВГУСТ.

Прошёл месяц боевой работы. За это время ещё три раза откатывались на восток. Теряли лётчиков, самолёты, но на общем фоне выглядели прилично, поэтому пополнялись из разгромленных частей, выводимых в тыл. Без необратимых потерь работала только первая АЭ. Их стали называть "счастливчики". Они, по прежнему, в тихаря, практиковали боевой порядок пар. Как бы, два звена по три пары. Результат был, но подхватывать новшество никто не торопился. В Особой группе мотористов обязанности свелись к добыванию запчастей, помощи при авралах, ну и отладка. Выяснилась статистика. Откат начинался через три дня при активных полётах или четыре, хоть и вовсе не летай. Проходил плавно. На шестой-седьмой день достигал 50 %. На десятый 99 %. Поэтому проводили спец обслуживание раз в пять дней. Приходилось за этим следить. Обнаружился ещё один эффект нашего с Гришей симбиоза: при его прикосновении ко мне, я не только мог видеть структуру материала, но и очень медленно её менять, если чётко представлял конечный результат. Например, могли зарастить микротрещину в металле или дереве, упрочнить деталь или покрытие, и даже склеить, плотно подогнанные детали, точнее срастить. Гриша впервые воочию увидел результат наших трудов:

— И, что без меня ты так не можешь? — удивлялся он.

— Я ж, тебе объяснял, вся сила от тебя, я только инструмент.

— Здорово! — соглашался он.

За-то зарядить боеприпасы больше не получалось, причина не ясна.

Всё свободное время, в основном вечерами, я пропадал у лётчиков 1ой АЭ. Мы подружились с тех ночёвок, в самый первый день. Так сложилось, что меня опекали ребята звена Паши Строгого. Лёва Штерн, и особенно Лёша Смирнов, да и вообще в первой был своим человеком. Разговоры велись, в основном по двум направлениям: — Аэродинамика и теория полёта (они думали, что просвещают меня), техника пилотирования И-16 (здесь я много почерпнул практических моментов).

— Тактика боевого применения и вытекающая отсюда оргштатная структура эскадрильи, полка. Выше не замахивались.

По первому направлению все было более-менее ясно, а вот по второму, порой, разгорались горячие споры. Все сходились в том, что существующий порядок громоздкий, неуклюжий, ущемлённый надо менять. Дальше мнения расходились, я своё, тоже, высказывал, так как после предложения пар, все считали, что имею право голоса. Наши диспуты стали посещать пилоты и командиры соседних АЭ, а недавно заглянул командир полка с комиссаром (после двух сбитых, он стал лётчикам ближе).

— Ну, что притихли. Знаю, о чем спорите. То, что было, проверки войной не выдержало. Это понимает и начальство, будут перемены. Мне интересно до чего вы додумались? Кто выскажется? — посмотрел на меня,

— Давайте начнем с младшего.

Я поднялся: — будущее в истребительной авиации вижу за парой. Исходя из этого звено четыре самолёта: — командир, старший лётчик, два ведомых. Эскадрилья — либо три звена, комэск ведущий первого, 12 самолётов. Либо два звена и пара комэск с ведомым. Тогда 10. В полку — две-три эскадрильи и звено управления; звено связи 1–2 У-2; желательно УТИ —

понятно, для чего; ПС или типа того — раненых увезти, запчасти привезти. Что бы не клянчить каждый раз. Вот как-то так.

— Стройно, — отозвался комиссар, — только полк у тебя жидкий получился.

— Густой, — парировал я, — на одном аэродроме лакомая цель для вражеских бомбардировщиков, один налёт и полка нет. Если несколько площадок: рация не работает, провод перебит, всё потеря управления в самый не подходящий момент. "Жидкий" легче по аэродрому рассредоточить, самолёты замаскировать.

— Дааа! — почесал голову Сушков, — уста младенца истину глаголят? И налёты, и потеря управления были, верно, но 20 самолётов в полку, думаю маловато, да и с парами не всё однозначно. Какие ещё будут мнения?

Народ расслабился, посыпались предложения: три эскадрильи в полку, четыре звена в эскадрильи, ну и вариации всего этого. Любопытно, все отталкивались от звена в две пары. Марковичь всё записал в блокнот, хлопнул в ладоши: — хорошо, я вас услышал. Доложу, как инициативу снизу, узнаю, что думают сверху.

Что там думают узнали через три дня. Пришли новые штаты. Полка они почти не коснулись. У нас и так осталось три эскадрильи. Звено осталось трёх самолетным. Забрали один У-2, а прикомандированный ПС стал штатным. Да из первой отжали двух лётчиков, осталось 10: три тройки и командир (не официально пять пар). Василий помнил: официально на пары перешли только в сорок третьем.

Через две недели пришли изменения, но они касались полков, переходящих на новую технику. Нам, пока, и старой хватало. Кстати, УТИ-4 списали, он теперь находился в полку нелегально, хоть и был вполне работоспособным, для проверки пополнения, восстановления после госпиталя самое то.

ОСЕНЬ.

Прошёл сентябрь, за ним октябрь. Работы лётчикам, а значит и техникам, море. Враг рвался к Москве. В этой мясорубке на земле и в воздухе полки таяли как снег летом. Нашему везло — потери были, в основном, по матчасти. По лётному составу реже и не безвозвратные. Численность самолётов восстанавливали за счёт переформируемых частей. Вот уже две недели полк никуда не перебазировался. Аэродром находился северо-восточнее Тулы. В середине октября немцы вышли к городу, но упёрлись в глухую оборону красной армии, да и подвыдохлись уже. Василий помнил, что этот рубеж им не взять! Мы даже обжились немного на одном месте. Выкопали и оборудовали землянки (в палатках уже холодно). А особая группа мотористов отчебучила номер. То что на аэродроме в боевой обстановке образуется склад битых самолетов, с которых мы постепенно снимали всё живое — это понятно, но тут обнаружили и останки авто-мото техники, в частности ЗИС 6 несколько экземпляров (была шальная мысль собрать для себя самолёт, решил губу закатить обратно, начать с техники попроще, заодно проверить наши с Гришей возможности и отработать технологию). Иваныч идею обзавестись транспортом, принял с удовлетворением (два переезда= один пожар, известно давно. А тут всё своё везу с собой, как улитка). Нужно и интересно, расхода сил не боялся, он его не чувствовал. По поводу "силы" у меня сложилось убеждение, что напарник не резервуар, а шланг к какому-то огромному источнику, я же как насадка с краном, могу открыть больше могу меньше, ограничен его пропускной способностью, которая, кстати растёт чем больше мы практикуем. Если в начале, чтобы срастить стальной пруток в 1 см уходило полчаса, теперь около 3х минут. Получается и обратный процесс. Намечаем линию разреза, подаём "силу" и кристаллы по этой мысленной метке теряют между собой связь. Визуально ничего не происходит, просто через две-три минуты пруток распадается. Любопытно что срастить обратно этот разрез, дело нескольких секунд и не зависит от площади разреза. Специально тренажами не занимались, просто хватает повседневной работы.

Начали с того, что расчистили пяточок в глубине свалки. Вытащили туда два, подходящих ЗИСа, один тренировочный (на продажу), второй чистовой (себе). Не скажу, что это было легко, даже для Гриши. Определились с объёмом работ: что снимать, что оставлять, что ремонтировать. Много времени ушло на то, чтобы выровнять, упрочить и нарастить раму. А его (времени) и не хватало. В основном отрывали от сна, благо для некоторых операций хорошее освещение не требуется, достаточно внутреннего ВИдиния. Днём, если не было плановой или авральной работы, отмазывались поиском запчастей, которые регулярно находили, в особенности на заказ. Ещё три дня шли обложные дожди и наши дела здорово продвинулись. С первой мудрить не стали. Собрали как есть, только вместо кузова платформа. Свою мы сильно доработали. Во-первых, полностью перебрали мотор. Знаний Василия хватило, чтобы оптимизировать по конструкции. Что-то усилили, что-то облегчили, что-то видоизменили. Из принципиального: — сделали непосредственный впрыск, — форкамерное зажигание, — в три с половиной раза повысили степень сжатия (мы уже научились повышать октановое число местного бензина. По количеству мало, но на свою машину постараемся). Думаю, лошадей на триста прокачали. Повысили мощность генератора, добавили комфорта в кабину, печку, дворники, свет

внутренний и наружный. Оставили отвод для обогрева планируемого, кунга. Мощный мотор потребовал усиления коробки передач, основной и понижающей, и всего привода. Удлиненная рама — нарастить кардан. Штатный, 100литровый, бензобак оказался маленьким, справа подвесили такой же. И тому подобное, по мелочи. Смешно, не смогли поставить стартер, не был он на этом двигателе предусмотрен изначально. "Кривой" наше всё. На мои сетования, Гриша очень удивился: — А зачем он нужен? Это же не самолёт. (Наличие стартера на машине он считал за баловство) Я объяснил, как мог. Рассмеялся, и заверил, что сам так раскрутит, что ого-го. Кто бы сомневался. В общем получилась конфетка с ручным стартером (нет в жизни идеала). Дело встало из-за кунга, ничего подходящего не находилось, пока один из лётчиков в разговоре, случайно не упомянул разбитую нашу РЛС "Редут", совсем недалеко. Это, то, что надо. К этому времени мы уже выгнали первенца. Водителем и приёмщиком восхищения был, по традиции, Григорий Иванович. Инженер полка тут же решил конфисковать транспортное средство, мы упёрлись рогом (для вида), мол эта "корова" нужна самим, потом всё таки уступили, выторговав обещание: — следующая точно наша. Комбинация прошла по плану. Теперь надо ехать за будкой. Получили разрешение отлучиться. Порулили. Нашли быстро, действительно недалеко, километров десять. В таком виде показывать в полку нельзя, будет много лишних вопросов. Пришлось кунг восстанавливать на месте. Убрали остатки обвеса, устранили многочисленные повреждения, заделали не нужные технологические отверстия. "Подшаманили", найденный, тут же стол, две тумбочки, выровняли стойку для аппаратуры и тоже прихватили. Всё это хозяйство, прямо на искорёженной раме, волоком потащили назад. В полку сильно удивились, что такие хорошие вещи валялись бесхозные и нет ли там ещё. Огорчились, что нет. С помощью "Журавля", это такая кран-балка для замены двигателя на самолете и поднятия других тяжестей, кунг установили на шасси. Внутри уже доделывали, не торопясь без лишних глаз. Во-первых, утеплили. Во-вторых, упрочили стенки так, что пулей или осколком не пробить. По правому борту сделали рундук и откидную полку. По левому закрепили рабочий стол, тумбочки. Из стойки получился стеллаж. Собрали и установили на крыше водительской кабины бензогенератор на пару киловатт. Подвели обогрев от двигателя. Устроили небольшую печурку. Для этого некоторым поверхностям придали огнеупорные свойства. Под потолком оборудовали шкафчики для мелочевки. Гнёздышко получилось уютное.

Со стороны может сложиться мнение. Что мы занимались мародёркой и ублажением себя любимых. Это не так! Полк вёл напряженную боевую работу. Ежедневно по несколько раз вылетали на прикрытие войск, сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков. Несли потери в пилотах и технике. Прерывались только на нелётную погоду, а механикам хватало работы и в этом случае. В том числе и особой группе мотористов. Плановое обслуживание — само собой, замена двигателей и сложный ремонт тоже редко проходили без нашего участия. Сержант Киселёв пользовался непререкаемым авторитетом в области диагностики двигателей, его совет был указанием к действию, и ни разу он ещё не ошибся. Скажет — на списание, так и есть, хотя дефект сразу и не обнаружишь, скажет — восстановим, казалось бы, убитый мотор и утром самолёт идёт в бой. Был случай, Грише задали вопрос, какого, мол, хрена этот молокосос возле тебя отирается, мол пусть на кухню идет картошку чистить. Так он, так рявкнул, что у умника пропало всякое желание ёрничать. Старожилы не знали наверняка, но догадывались о непростых взаимоотношениях огромного сержанта и голубоглазого, белобрысого, щуплого паренька (на фоне Гриши любой будет выглядеть

щуплым).

Тем не менее "гнёздышком" обзавелись, благодаря тому, что немецкое наступление выдохлось, наши копили силы для контр наступления. Фронт на какое-то время стабилизировался и полк никуда не перемещался, даже когда фронт находился в паре десятков километров. Хорошо хоть пушки не добивали. Работа над "гнёздышком" дала богатую практику по работе с материалами и модернизации узлов и механизмов (чесались руки взяться за самолёт). Повысилась силовая отдача, скорость протекания некоторых процессов. Было и новое: — Гриша как-то повредил ноготь большого пальца, он просто треснул по длине. Не смертельно, но больно. Я машинально срастил, как обычно сращивал детали. Обрадовались. Решили попробовать на царापине. Облом. Кожа не срослась. Хорошо, хоть не навредил, с живой материей надо осторожнее! Кроме того, если я касаюсь человека, а напарник меня или его, то я в нём вижу инородные тела, типа занозу, коронки, камни в почках, в печени. Удалять не пробовал. Надо проверить на занозах (не коронки же удалять, ха-ха). Глубже лезть страшно.

Гнёздышком озаботились из-за хранения комплектующих, в особенности габаритных (тот же самолёт за неделю не соберёшь), проблем с их транспортировкой (это чудо что мы больше месяца на одном месте). Поэтому решили добавить склад на колёсах в виде прицепа. Раму взяли от полуторки, всё сняли, оставили колёса и добавили дышло с управлением передней парой и бортовую платформу с рамой под брезент. Хотели тоже кунг, не нашли, пока так. Теперь на первый план вышли две задачи. Первая — мечта. Вторая крайняя необходимость: в полку радиофицировано три самолёта, у ком полка — рация, у ком эск — приёмник, которые почти всегда выключены. Лётчиков можно понять — дикий треск в наушниках больше пары минут не выдержать. Василий, конечно, знал лекарство от этой болезни. Пришло время заняться вопросом в плотную. Старший группы поговорил с начальником связи. Доработка касалась мотора, но задача должна исходить от связистов, тем более на самолёте ком полка. Сушков, узнав, что эксперимент от особой группы, добро дал. Мы подготовили комплект экранированных проводов и защитные колпачки на свечи и всё искрящее. Сделали нарочито кустарно, что бы не было глупых вопросов, с надёжным креплением. Кроме доработок по мотору, посмотрели рацию на предмет полуокислившихся контактов, не качественной пайки, незаметно освежили катоды ламп и аккумулятор. Радист приступил к проверке. Сначала на холодном связался с КДП. Потом запустили мотор, в наушниках тишина, подумал отказ. Снова связался с дежурным. Всё отлично и никакого треска. Погоняли и так и этак. Помеха появлялась, если рядом проезжал автомобиль (естественно, не экранированный). Главный связист ушёл на доклад, вернулся с приказом срочно доработать все моторы полка, а они будут устанавливать рации (вот те номер, я думал рации придётся добывать, а их оказалось в достатке. Просто не ставили. Как ещё не выбросили), по крайней мере командирам. Пришлось охладить пыл. Помеха будет идти от ведомых, а изготовление комплектов дело не быстрое, ускорить никак не получится, так что работы нужно проводить по звеньям. Тот взглянул на Григория Ивановича, старший группы степенно кивнул, подчиненный правильно говорит, это решило дело. Тут же составили план-график работ и понесли на высокое утверждение. Пошла рутинная работа, которая была разбавлена одним инцидентом. Мы скорешившись со связистами, выцыганили запчасти и с их помощью восстановили две рации для себя. Нашу и немецкую FUG, ещё с мессера Забросили выносную антенну на самое высокое дерево, под которым пряталась наша машина. Стали прослушивать эфир. Немецкая рация брала подальше, слышно хорошо —

ничего не понять. Гриша — вообще. Василий немецкий проходил в основном, мимо, так что Сашко тоже "вообще". Язык кое как знал комиссар, но на просьбу позаниматься сказал: — толку не будет, а вот в дивизии есть офицер знающий, если неотлично, то очень хорошо и часто у нас бывающий. Я порекомендую. Ждать долго не пришлось. На занятия я уговорил пойти и Иваныча, надеялся он подхлестнёт мои способности. Оказалось, наоборот, он проявил способности к вражескому языку. Схватывал на лету. Запоминал слова и выражения. Так заинтересовал нашего учителя своим произношением, что в каждый приезд он обязательно выкраивал время для занятий. И я с ними, хотя считал, что имея идеальный слух... Халявы не получилось, пришлось впрягаться по серьёзному. Про нехватку времени говорилось сто раз. Так что разговорный практиковали во время работы, перекуров, где только возможно. Начальство не возражало, свой переводчик в полку, а тем более два, разве плохо. Инцидент произошёл в крайний день ноября. Немцы окончательно выдохлись. Красная армия готовилась к контрнаступлению. Полк тоже. Накапливали ГСМ, боеприпасы. В большой технической палатке заканчивали подготовку резервного мотора, народ уже рассосался, мы остались вдвоём и между делом практиковали немецкий. Закончили. Пошли на выход. Раскинули полы палатки и остолбенели. Нам в грудь смотрели несколько автоматов и винтовок. Вход окружал взвод роты охраны, во главе с её командиром. Из-за задних рядов визгливо командовал майор Говнюков (на самом деле фамилия была другая), человек специфический. Служил не в дивизии, где-то повыше. Знал все приказы, телефонограммы, инструкции и указания высшего начальства. Никогда не вникал в суть, требовал буквального их выполнения (в этом был смысл при низком уровне подготовки младших командиров, но тут доходило до маразма) даже если они противоречили друг другу и здравому смыслу, так даже лучше. В любом случае есть недостаток, замечание, возможность написать докладную, т. е. быть на виду у командования. А это и награды, и звания. В частях его побаивались, что ему льстило. Однако полк Сушкова был на особом счету по сбитым, по сохранности личного состава и техники, по выполненным задачам. С майором не ругались, но и не боялись. Все его ценнейшие указания тихо игнорировались, на докладные реакции не было.

— Взять их! — надрывался Говнюков.

В ступор встала охрана. Уж кого-кого, а фигуру сержанта Киселёва и по размерам, и по авторитету, знали все.

— Так стоп! Где диверсанты? — решил прояснить ситуацию, бывший здесь же, начальник штаба полка.

— Вот! — указал майор на необычную парочку, увидев недоверие в глазах окружающих, — ГОВОРИЛИ ПО НЕМЕЦКИ! — Как убойный аргумент добавил он.

— Понятно, все свободны! Киселёв после ужина находитеесь у себя до моего разрешения! — распорядился Синеватов. На вопли майора, — "Да как вы смеете! Да я вас под трибунал!" Спокойно взял того под руку, — не будем разбираться перед подчиненными.

Разбирать было нечего. Приехав в полк по своим буквоедским делам, услышал гортанную немецкую речь из палатки. Помчался в штаб лелея мысль, что обнаружил гнездо диверсантов, как утрёт нос этому зарвавшемуся Сушкову и себе плюстик в послужной. Ворвался. Поднял тревогу. Вольнить никто не стал, диверсанты дело серьёзное. Подняли дежурную охрану. Начальник штаба подключился уже по ходу движения. Трагедия превратилась в фарс. Про занятия немецким знал весь полк и даже в дивизии. Однако Говнюков не успокоился, накатал разгромную телегу. Приезжали из контрразведки. Но наш

особист парень крученный, у него шпионов и диверсантов как сбитых у лучших истребителей, в особенности после раскрученной им операции с подавальщицей из столовой, да и чином проверка была пожиже, быстро и безболезненно разобрались во всех нюансах дела. В дивизии, а может и дальше, пошла гулять, обрастая "подробностями", байка как Говнюков диверсантов поймал. Она сильно портила настроение его покровителю (не любят они такого). Майор затаил злобу, но руки были коротки. Пока, как он считал.

ЗИМА

График радиофикации исполнялся с небольшим опережением. Зная, специфику боевых порядков первой АЭ, поднапряглись в два дня. На сегодняшний день готова она и звено управления. По плану нужно ещё по три дня на вторую и третью. Ускорения не предвидится. Так как никто особо не вникает в суть дела, мы и так перестали особо шифроваться и тупо делали металлизированное напыление на провода, крышки прерывателей, колпачки, в свечи вживляли гасящий резистор. На этом резервы ускорения исчерпали.

При доработках лётчиков предупреждали, что радио, это не только помощь, но и демаскирующий признак. Как при пеленгации, так и простой прослушкой эфира. Помогло мало. Все кому не лень лезли поболтать с соседом, с земляком и так просто. Пришлось провести разъяснительную работу по сути, необходимости и задачам радиомаскировки с начальником штаба, который сам не совсем понимал этих вопросов. И уже ему с начальником связи причесать и вразумить словоохотливый народ.

— Не было печали, купила баба поросё! — выругался Гаврила Тимофеевич, но безобразия устранили, составили правила и порядок радиообмена, заставили изучить всех причастных. Ну и соответственно ответственность за нарушения.

Наличие связи между самолетами позволило протолкнуть старую идею Василия: — Этажерка. Делимся на три группы первая непосредственно в БП штурмовиков или бомберов — прикрытие, вторая 500–800 м выше — связывает боем противника, третья во главе с командиром выше на 1500, он руководит боем, группа резерв и зачистка тех, кто уходит в набор. Проталкивать не пришлось. Слово одному, пару другому. Лётчики быстро ухватили идею, развили, облагородили и забыли от кого исходила. Коллективным автором стала 1ая АЭ. Вскоре пришлось опробовать новую тактику.

Мы с Гришей чуток не успевали. Ударили одновременно. Морозы (если до этого были -3,-4, то теперь завернуло под -40) и наши армии. Началось Зимнее контрнаступление. Жизнь и до этого нельзя было назвать тихой, теперь и вовсе. Летали и полком, и по эскадрильно, и на сопровождение, и на прикрытие войск. Первый же вылет эскадрильи капитана Попова, на прикрытие группы штурмовиков, был отмечен убедительной победой. Шли по схеме 4-4-2, напавших фрицев встретила средняя группа, если кто прорывался подключалась группа прикрытия. Командир руководил, наблюдая всю обстановку сверху. Немцы, провалив первую атаку пошли за высотой, тут и попались. Попов увеличил счёт на два сбитых, его ведомый добил подранка. Больше зачетных не было, за то штурмовики отработали по плану, и все ушли домой. Наши тоже все живы и самолёты почти целы.

При -40 работать с железом, для техников сущий АД. Половина ходили обмороженные. Лётчикам в открытой кабине И-16 тоже не мёд. Но никто не роптал, даже наоборот. Мы наступали и каждый вкладывался по максимуму, не жалея ни сил, ни здоровья. Правда через три дня морозы отступили, и 0, -1 показались теплынью. Что лично для нас с Гришей было важным: — мороз на откат никак не влиял. Заряженные моторы работали отлично, к чему лётчики уже относились как к должному. Беда подступила как слёзы к глазам.

Группа уже закончила работы по радиофикации полка, появилось кое какое свободное время. Мои мысли унеслись к планам по осуществлению мечты. Я прорабатывал компоновку, двигатель. И тут слёг мой Григорий Иванович. Поднялась температура. Ничего

не болело, только температура. Поначалу ершился, мол всё пройдёт, мол никогда не болел. Когда перевалило за 39, слёг. Разместили его на рундуке в "гнездышке". Поскольку без него я почти ничего не мог меня не трогали. Гриша был без сознания или бредил. Есть самостоятельно не мог. Кормил его бульонами и отварами. С начала болезни от него перестала поступать сила, да и бог с ней лишь бы выжил. Прошло два дня без изменений. Друг горел. В третьей АЭ пришло время обслуживания. Через день звено управления затем первая, вторая. Предупредил про откат.

— да ладно, подумаете, немного хуже будет тянуть мотор, главное лётчик АС, — не приняли многие из них всерьёз. Через два дня, когда откат достиг 50 % — заволновались. Ещё через два, были уже на грани паники, ещё через два на грани паники был весь полк. Только теперь они осознали, что для полка Особая группа мотористов, и Григорий Иванович Киселёв, в частности. Некоторые самонадеянные требования восстановить, разбились о: — мотор выдаёт заводские параметры, а Гриша болеет.

— А как же он...?

— А вот так!

Самое интересное наш доктор не находил у него ничего, ни хрипов в лёгких, ни кашля, ни горла, даже соплей не было. Температура 39,7* держалась седьмой день, люди столько не выдерживают. И у такого могучего организма есть предел. Я брёл от столовой неся котелок с бульоном, одолевали мрачные мысли, не думал о себе, как дальше быть, нет! В кунге умирала часть меня! Вздохнув, взялся за ручку. Вдруг меня окатила волна силы, словно посадочный прожектор, среди ночи, лупанул по глазам. Рванул дверь. Посредине свободного пространства стоял и улыбался Григорий Иванович, мой Гриша, мой Друг, моя половина. Я сделал пару шагов и застыл. Он подошёл забрал котелок, куда-то его поставил, обнял:

— Спасибо!

— За что?

— Я всё видел, слышал, всё понимал, вот только сказать не мог! — и пошатнулся.

Помог ему снова разместиться на рундуке, теперь сидя. Потрогал лоб, вроде нормально, всяко не 39.

— Что там? — указал на посуду.

— Бульон.

— Давай, а то есть хочется, ажж... — не договорив, в два глотка оприходовал порцию. — Может принесёшь ещё чего ни будь по существеннее.

— Да! Конечно!

Новость облетела в миг. В "гнездышке" побывал, наверное, весь полк. Первым примчался доктор, ощупал, обстучал, прослушал, похмыкал, почесал голову. Констатировал слабость, прописал усиленное питание и сообщил, что пациент в его услугах не нуждается. Командир полка по интересовался, когда сможем возобновить работу. Лётчикам трудно. Гриша хотел прямо сейчас. Но Сушков, видя его состояние, приказал завтра ещё отлежаться. Логика проста: — лучше день потерпеть, чем снова сляжет.

Наконец мы остались вдвоём. Я видел, что Грише не терпится поделиться со мной, чем-то важным, и он не стал затягивать.

— Сашко, а как ты меня видишь?

Я понял о чём вопрос: — если раньше фонарь был, теперь прожектор!

— Я так и думал. Если, я как ты говорил шланг или труба, то меня раздуло в диаметре. Проход стал больше, а стенки тонкие вот я всё это время их укреплял, наращивал. Видимо

все силы организма на это уходили. Я как и прежде не вижу, не ощущаю "силу", но есть понимание, всё будет хорошо, надо только по больше кушать. Давай завтра начнём, а то совестно. Люди в бой идут, а я так подвёл.

— Ты еще слишком слаб. Хотя, — потянул я, осмысливая мелькнувшую мысль, — Есть идея. Сделаем санки по типу скандинавских. За одно силу проверим.

Метнулся в прицеп набрал подходящего материала. Принялись за работу. Начальник сидел на рундуке, что-то жевал и внимательно следил..... -за своим состоянием. Иногда прикрывал глаза, как бы осматривая себя изнутри. А я правил и гнул металл и дерево словно пластилин. В итоге получилось нечто, в роде инвалидной коляски на лыжах с длинными задниками, на которые мог стать человек.

— Пропеллера сзади не хватает, были бы аэросани, — оценил работу друг.

— Сам как?

— Отлично. Есть всё ещё хочу, — улыбается.

— Вот и хорошо! Мысль про аэросани я запомнил.

— Да это я так.

— Так, не так, а сделаем!

— Смотри сам. Ты у нас голова.

Ранним утром состоялось явление Христа народу. Гриша в ватнике, стёганных на ватине штанах, огромных валенка с двойными, проложенными промасленной бумагой портянками, ушанке и меховых варежках, восседал на санях как на троне. А его верный слуга толкал это сооружение, иногда разогнавшись, становился на полозья, и они вместе катились под уклон. Так передвигались от самолёта к самолёту. Фактически достаточно поставить санки рядом с мотором. Но что бы не портить легенду, как всегда общались на немецком: практика и со стороны кажется, что зрелый мастер руководит работой подмастерья. А грубоватый язык создавал иллюзию недовольства.

— Что не тянет подручный? — поинтересовался один из механиков.

— Нет всё отлично! Это я так, что бы не зазнавался.

— Ну ты, это, Иваныч, если хорошо, может не надо так строго! — заступился за молодого механик. Он то знал какво это, крутить железки на морозе. Оно хоть и не -30*, а всё же. Да и моторы к их приходу, оповещённые мотористы, прогревали. Процесс отладки теперь занимал минут пятнадцать, если приходилось устранять мелкие внутренние огрехи. Если чисто профилактика — десять. В более сложных случаях как бог на душу положит. Тем не менее за три дня вошли в привычный режим. На третий же день ГрИв решительно покинул свой трон, посчитав время реабилитации законченным. Санки у нас выпросили оружейники, понятное дело, им боеприпасы на самолет отвезти, оружие на ремонт или профилактику. Предложили вместо сидения ящик вроде кузова пристроить. Идея понравилась. Заказали три, ящиками обещали снабдить. Чего чего, а тары у них хватало. За ними подтянулись радисты, им аккумуляторы возить (так и есть их снимали на зарядку и ставили перед каждым вылетом). Ноу Хау оценили и другие специалисты и вскоре по аэродрому носилась стая саночников. Иногда просто катались, ну что же разрядка тоже нужна.

У меня засела идея напарника про аэросани, как первый этап создания самолёта. На нём я планировал отработать силовую установку, концепция которой всё ни как не вырисовывалась. М 62 не устраивал, схема М 82 казалась громоздкой, но чем-то цепляла.

Морозы ударившие в конце первой декады декабря значительно снизила активность

люфтваффе. Работы полку меньше не стало, а вот количество боестолкновений снизилось, почти, до нуля. Почти, но не совсем. Не повезло Лёшке Смирнову, однако сумел сесть на площадку ночных бомбардировщиков. Взлететь от туда было не реально. На эвакуацию напросилась особая группа мотористов, она же авральная команда. Возражений не последовало. В усиление выделили штатный технический экипаж самолёта N 21, запаслись дровами и бензином (улучшенным). Выехали в ночь, чтобы на место прибыть утром. Начиная движение Григорий Иванович, а когда выехали за шлагбаум поменялись местами. В тёплом кунге дрыхла механика, напарник перебрался на пассажирское сидение и вскоре тоже уснул, хотя раздача "силы" не изменилась. Я на такой подпитке видел, как днём, хотя 70 км зимних фронтовых дорог это вам не по автостраде. Прибыли до рассвета. Я завалился спать. Бригада разобралась с самолётом. Делать с ним ничего не планировали. Просто сняли винт и загрузили хвост в прицеп. Приготовились к буксировке, даже крылья снимать посчитали лишним. Выезжать решили ночью, береженного бог бережет. Народ, получив, свободное время, занялся кто чем, а меня потянуло на свалку. Полк ночников базировался на этой площадке не один месяц, их по началу бросили в дневные атаки. Они понесли большие потери. Довольно быстро высокому начальству дошло, что У-2 не для того. Но дров уже наломали. Так что свалка присутствовала и приличная. Добравшись, я осознал концепцию, не дававшегося до сих пор мотора. Пятицилиндровая тройная звезда и крупное литьё, необходимое для неё именно здесь. Присмотрев достаточное количество материала, отправил шефа к местному начальству за разрешением прибарахлиться. Те, уяснив суть вопроса предложили вывезти всю свалку. Это мы не смогли, но затарились от души. Народ недоумевал, зачем нам этот хлам, но добросовестно помогал. Наконец забрали из санчасти слегка помятого Алексея и двинули в обратный путь. Доехали без происшествий.

Рутинная работа выполнялась как бы на автопилоте. Все мои мысли занимала до деталей прояснившаяся картинка силовой установки. Я делал тройную пятицилиндровую звезду на основе М 11, сильно его переработав. Укрепил материалы, уменьшил ход поршня, увеличив его диаметр. Непосредственный впрыск, форкамерное зажигание, немислимая, в это время, степень сжатия в 17 единиц, система форсирования, принудительный наддув и щелевая схема охлаждения каждого ряда давали мотор с тягой тысячи в полторы, а то и две. Так как испытывать собирался на аэросанях (для легенды) снабдил его шестилопастным толкающим вентилятором относительно небольшого диаметра в обтекателе, который сопрягался с соплом способным отклоняться в лево-право на 15* для управления. Мотораму рассчитанную для установки на самолёт водрузил на полозья. Кабину впереди делал, тоже, самолётную типа тандем. Заднее место чисто пассажирское. Между кабиной и мотором смонтировал бензобак, с возможностью его увеличить. Конструкцию завершал скребковый тормоз. Испытания, по традиции назначили на предпоследний день года.

К этому времени красная армия здорово поднажала. Фрицы испугались окружения и вывели войска с Тульского выступа. Продвижение наших составило более ста километров. Однако для нашего полка мало что изменилось. Закончились задачи на юге и переместились на западное направление. Расстояние до фронта увеличилось мало, так что мы оставались на прежнем месте.

В выбранный день с утра был лёгкий морозец, шёл небольшой снег. Мы с Гришей выкатили агрегат подальше от любопытных глаз. Запуск прошёл штатно, прогрели, провели диагностику и настройку по горячему. Выявился ряд дефектов и недодуманностей, но в целом все системы работали нормально, а КПН (конструктивно-производственные

недостатки) — устраним. Испытать мотор, хоть как то серьёзно не получилось. Даже на малом газу тяга была такой, что скребок не держал, а без него скорость стала нарастать так быстро, что двигатель пришлось сразу выключить, а то и тормоз не помог бы. Нужно выезжать на лётное поле. Используя административный ресурс за разрешением отправился начальник группы. Попросил его глубоко в тонкости не влезать, мол сделали доработку на двигатель, поставили на полозья, надо испытать. Разрешили. Мотористы испытывают мотор, что может быть банальнее. Предупредили: " Желтая ракета — немедленно освободить полосу, зеленая — вообще чтоб духу не было." Понятно, что же тут непонятного. Гоняли по дальнему краю лётного поля. Мгновенно разогнались, долго тормозили. Управление поворотом вектора тяги было настолько чувствительным, что пару раз едва не опрокинулись. Новых КПП не выявили, сожгли невеликий запас топлива, и поскреблись устранять ранее обнаруженные. Испытания признали успешными. По итогам сформировалась идея: — самолёт делать с толкающим винтом, что вело к полной перекомпоновке. В процессе обсуждения выяснился неожиданный момент. Двухместную кабину я планировал из расчета на Гришу. В полёте он будет подпитывать меня "силой" и мы всем супостатам кааак дадим! Облом! Григорий Иванович панически боялся высоты, да и скорость недолюбливал. Короче, категорически попросил на него не рассчитывать. Не знаю, если бы посильнее надавить, никуда бы он не делся. Я это делать не стал. 31го декабря полёты были не интенсивные, врага лётчики не встретили вовсе. Это позволило заняться устранением огрехов двигателя, его систем, заготовкой материала для комплектующих, трансформированием бензина в высокооктановый, для машины и самолёта.

Последние дни декабря наступление наших армий ускорилось. Сразу после нового года фронт на нашем участке значительно продвинулся. Нам предстояло перебазирование, теперь на запад. Поэтому сани разобрали и уложили в прицеп. Туда же отправились остальные наши накопления. Третьего числа двинулись в путь с колонной передовой группы. Всё это время в голове и на бумаге вызревал облик моей мечты. Основу решил делать в виде двух параллельных коробчатых лонжеронов с двумя поперечными лонжеронами центроплана. Так как основную массу составляет мотор, то крылья (и центроплан соответственно) оттянуты к хвосту. На продольные лонжероны крепится моторама и обтекатель винта. В этом месте установим, немного в развал два киля, а также механизм управления отклонением сопла. Соответственно, набор шпангоутов. От стрингеров решил отказаться в пользу прочной несущей обшивки. Перед двигателем, между двух бронированных, жаропрочных перегородок расположится протектированный бензобак, возможно даже несущий кессон. В принципе ничего не мешает применить это решение. Форма фюзеляжа в поперечнике снизу почти плоская. Верхняя часть полуовальная. Перед баком, агрегатный отсек. Далее кабина пилота, приборная ниша и длинный, плоский уткообразный нос. На нём стабилизатор цельноповоротный или с рулём высоты. В носу оружейный отсек. ШКАС ставить точно не буду. Хотя, чего зарекаться, что смогу выцыганить у оружейников, то и поставим. У ШКАСа калибр маленький, у ШВАК боезапас. Вот бы что-либо посредине, типа под ПТРовский патрон.

На аэродром прибыли после обеда, даже ближе к вечеру. Нам хорошо заехали под ёлку натянули маск сеть, развесили антенны. Всё готовы к труду и обороне. Начальник пошёл по своим командирским делам. Я решил пробежаться по округе на предмет где, что "вкусное". Взял СУ-2 (санки универсальные на две ноги) и вперёд. На аэродроме совсем недавно базировались немцы. Самолёты у них тоже ломаются, а свалка — наше ВСЁ, и она оправдала

мои ожидания. Здесь и мессеры, и юнкеры, и даже хейнкель затесался. Снял пару приборов, которые можно было восстановить, или использовать на запчасти. У немцев с этим получше. Наши самолёты по оборудованию — бедненькие. Присмотрел металл, тяги, тросы, проводку, но это уже с Гришей надо приходить. Уже на обратном пути, за лётным полем, в сторонке, обратил внимание на не характерный сугроб из которого торчал уголок ящика. Любопытство не порок, а такое хобби. Оказался небольшой штабель. По надписи, вроде, советские авиационные пулемёты УБК. Что там на самом деле, может вопрос вооружения моего детства решится прямо здесь? Так надо срочно искать напарника. Нашёл, получил "люлей": — Ты где пропал? Работы непочатый край! Стало реально стыдно, извинился, рассказал о разведке "вкусностей". Обозвал психом (хоть не козлом), обозначил фронт работ: — подготовить полосу, заровнять десятка два воронок, из них три огромные, подготовить стоянки, жильё. Капитальных строений хоть сколько живых, не было. Восстанавливали и копали новые землянки. Мы присоединились к землекопам. С помощью Гриши выбирал места с менее промёрзшим грунтом и размягчал верхний слой, уже всей гурьбой разгребали снег. Вынимаемый грунт машинами свозила к воронкам и заравнивала другая бригада. ребята, конечно увидели, что копать в указанных нами местах значительно легче. Там где они начали, даже 20 см не пробили. Собрались уже сапёров привлечь. Попеняли нам, что раньше не подсказали (мне вновь стало стыдно, за свою мальчишескую выходку). Визуально косяк отработывал друг. Шагающий экскаватор ГрИв (с моей лёгкой руки, или длинного языка) своей огромной лопатой, чуть ли не кубометрами переправлял в кузов машины разрыхленную нами землю. Гриша вновь был герой дня. Отрыв котлован, передавали его бригаде, которая делала накат, ставила печьку, оборудовала лежанки. Мы переходили к новому месту и всё начиналось сначала. Глаза боятся, руки делают. Уже в темноте основные дела были закончены. Остались мелочи, которые будут устраняться по ходу жизни, если на долго задержимся на месте, а нет то кто-то другой. Народ умотался в край. Я тоже валился с ног, однако пересилил себя. Вылазку за ящиками откладывать не стали, пока их никто не обнаружили. В санки поместилось два ящика. Один закинули в прицеп, второй занесли в кунг. В нем, в соответствии с надписью, лежало в солидоле, промасленной бумаге, два УБК, два ЗИПа, одна инструкция. Видимо из партии для войсковых испытаний. Зрелище, как волной смыло усталость, проснулась "жаба". Поддался и уговорил напарника на ещё одну ходку. Оставшийся штабель, кое как засыпали снегом. Позёмка и небольшой снежок довершили дело. Мы потом, его "обнаружим". Нужны ли они будут, вопрос. На наших ишаках стояли по паре ШВАК и ШКАС, и так самое мощное вооружение на сегодняшний день. Удовлетворённые завалились спать.

Утром стали прибывать самолёты. Кто перелётом, кто-то попутно выполнял задачи, в основном разведки. Вот разведчики и обнаружили, километрах в семи-восьми от площадки разгромленную колонну немецких танков. Сейчас, конечно, не до них, а вообще интересно посмотреть. Такая возможность появилась через девять дней. Собралась группа любителей лыжных пробежек, отпросились и покатили. На месте сложилось впечатление, что колонна из пятнадцати "двоек", "троек" и машин сопровождения попали в тупик на лесной дороге. Горбатые их и прихватили. Причесали знатно. Кто выжил разбежались и обратно решили не возвращаться. Из всей колонны две "тройки" и четыре "двойки" имели шансы на восстановление. Обговорили с командиром роты охраны. Одну "тройку" до нормального состояния, "тройку" и "двойку" только дотащить до площадки, ещё три в приличном состоянии без двигателей. Идея заключалась в том, чтобы из них устроить неподвижные

огневые точки на КПП и вокруг аэродрома. Капитан, тот который нас "арестовывал" в истории с "Говнюковым", инициативу оценил, поддержал, обещал согласовать с командованием, поискать в роте трактористов и шофёров из довоенного призыва.

Народные приметы, основаны на статистике длительных наблюдений. Вот и эта гласит: — только дерьмо вспомнишь, уже воняет (или как-то так). Прошло около недели. Мы закончили с подготовкой танков. Я искал капитана, чтобы доложить и обговорить. Посоветовали посмотреть в районе штаба. Подхожу. Из окна полуземлянки слышу визгливый голос "говнюкова", ответы командира. Ближе не подходил, но слышал отлично, разговаривали на повышенных. Тема определилась в момент и я рванул спасать полк. В штабе майор наседавал, он привёз приказ на атаку объекта всеми силами полка. Сам по себе приказ как приказ. Но!!! Объект имел сильную, многоуровневую ПВО, для полка ИА убийственную с вероятностью выполнения задачи ноль целых и ещё меньше в периоде. Два — три месяца назад, когда долбили чем под руку попадётся — было нормально, сейчас обстановка иная, тем более без какой-то внятной поддержки. Тухлятиной несло за версту. Сушков, безрезультатно пытался призвать к разуму. Майор обвинял в трусости руководство полка и размахивал приказом, требуя немедленного его выполнения, чуть ли не с пистолетом, обещая всех арестовать. Видимо для этого он приехал с группой поддержки в виде БА-10 и взвода красноармейцев на двух тентованных полторках. Обстановка накалялась с каждой минутой. Но!!! Приказ из штаба армии! Сушков уже был готов смириться с неизбежным, как вдруг проревела ТРЕВОГА!!! К командиру ворвался дежурный: — Товарищ командир, тревога, немцы, танковая колонна выходит из леса. 25–30 минут будут здесь (где здесь не уточнил). За ним взял слово НШ: — Я поднял людей, зенитчикам приказал выдвинуться на рубеж обороны, но они слабые, сам знаешь, а там тройки.

— Ясно, — ответил Сушков, — нарежь участок обороны для майора, у них БА пушечный.

— Нет, — вскинулся побледневший говнюков, — мы немедленно уезжаем, с какой стороны танки?

НШ указал рукой. Буквально через секунды штабная колонна унеслась в противоположном направлении. Все с омерзением сплюнули и поспешили организовывать оборону. Картина на рубеже была странная. Красноармейцы, летный и технический состав занимали места в окопах, зенитчики водили стволами, проверяя сектор обстрела. На открытом месте столбом стоял красноармеец, которого отчитывал командир. Ротный пытался остановить процесс, объясняя, что тревога ложная, получил отповедь — тревога полковая, отменить может только руководство полка, хотел сосредоточиться на снятии стружки с через чур бдительного часового, перепрыгнувшего его голову. Тут заметил это самое полковое начальство, поспешил на встречу: — Это наши танки, вернее танки немецкие, люди наши. Мы хотели их расставить вокруг аэродрома как неподвижные огневые точки. Я вам докладывал, мы же согласовали!

Тут командир полка вспомнил — докладывали, сам решать не стал, связался с верхним штабом. Там инициативу поддержали, "добро" дали. С этим "говнюковым" (надо же кто-то кличку придумал) всё из головы вылетело:

— А точно наши?

— Да точно! Вы в бинокль посмотрите. — и подал его командиру. Тот навёл резкость на стоявшие в полу километре танки, на башне переднего стоял белобрый механик из особой группы мотористов и размахивал красным флагом. Ошибиться было нельзя. А

капитан продолжал: — Я ему, — указал на часового, — ты что наделал, это же наши! А он мне — танки немецкие. Я ему ты флаг видишь. А он мне — это может быть маскировка...

Иван Маркович слушал в пол уха, в голове ворочалась, становясь всё чётче мысль: — ведь этот боец своей тревогой спас полк от неминуемой гибели (кто не понимает, в армии выполняется приказ каким бы он не казался абсурдным, в планах высшего начальства он может быть вполне адекватным, подтвердить или опровергнуть может только время). Приказ уехал с гонцом, теперь можно спокойно разобраться и с тем, и с другим.

— Молодец! Всё правильно. — повернулся он к часовому, — пока полностью не убедился, считай врагом. Пожал ему руку и неожиданно обнял. Все опешили, не поняв такого выплеска эмоций. Разве только начальник штаба, ещё больше проникшийся узнав подоплёку.

А главный виновник, оставшись в тени, изнывал от неведения. Удался-ли психологический трюк. Было всё так: услышав разговор в штабе жизненный опыт Василия позволил Сашко быстро понять суть происходящего и в какой капкан попал майор Сушков со своим штабом. Нужен был нестандартный ход. И он был! Ставку Василий делал на трусливую сущность тех, кто слишком легко отправляет на смерть других. Если ошибся — это ничего не меняло. Мероприятие было запланировано. Если нет, то услышав про немецкие танки, "говнюков" умчится впереди своего визга. Подобрал, дожидаящуюся, бригаду перегонщиков, поспешили в сторону леса. На выезде тормознул, узнал что часовой сменяется не скоро, предупредил его что будем гнать немецкие танки, на всякий случай, с красным флагом. Но он должен поднять тревогу по полной схеме, объяснил как ему потом отвечать на каверзные вопросы. Пообещал, что получит благодарность за бдительность и от себя нож какого ни у кого в мире нет. "так уж ни у кого"- ухмыльнулся Степан. Пообещав не отлучаться ни под каким видом до конца этого цирка. Ничего опасного для себя не видел: — за бдительность не наказывают, даже если тревога ложная.

Колонну возглавляла самая живая "тройка" с прицепом из "двойки" и грузовика с боеприпасом. Если что, хоть они из леса высунутся. Далее полу живая "3" тянула "2", следом ещё менее живая "2" тянула совсем дохлого собрата. Замыкала колонну, несколько отстав, дабы не светиться, "гнёздышко" с немецким грузовиком на привязи, в который накидали полезного, когда ещё не торопились. Из леса выползли по плану, остановились. "Тройка" номер 2 на совсем (кстати "2" внушавшая наибольшие опасения добралась своим ходом до предназначенного ей капонира и словно отдав последние силы уснула вечным сном). Полюбовавшись на полномасштабную суету, вылез на крышу башни, помахал красным флагом. Увидел, что меня наблюдают в бинокль, помахал ещё и спустился в уже прогретое нутро дожидаться "парламентёра". В его роли прибыл командир роты охраны. Его хозяйство, ему и разбираться. Хотя что разбираться, мероприятие плановое, всё готово, только растащить по местам.

— Что же не предупредил, — были его первые слова, — такой тарарам устроили. Думал Сушков убьёт, а он как-то спокойно воспринял. Часовому даже благодарность объявил. С обниманием, понимаешь!

— Понимаю. А что "говнюков"?

— Ха! Ему предложили место в обороне, так он вместо этого умчался, задрав хвост. Только пыль столбом, если бы была. Короче струсил! — его лицо выразило медленное понимание, — Так ты из-за этого затеял...?

— Да. — Коротко ответил я, — только молчок, никому, даже себе, сам понимаешь.

— Да. Понял! Могила!

Теперь рядового красноармейца и капитана объединяла тайна, отношения перестали быть чисто военные. Оборону он организовывал согласно плана, мы лишь помогли растащить "коробочки" по местам и развезти трофейные боеприпасы по точкам. Через пару дней пришла информация по нашему куратору. Командир стал узнавать, что за приказ, почему отменили таким странным образом, или его, всё же надо выполнять. В красках описал свою версию бегства майора. В дивизии по этому поводу ничего не знали. На фронте в это время, наше наступление, по многим причинам остановилось. Наступила оперативная пауза и наш инцидент получил неожиданно громкий резонанс. Возможно он послужил запалом для каких-то интриг в высоких кабинетах, короче разбор был доскональный. Наша версия получила полное документальное подтверждение, все действия утверждены, а вот с приказом — нескладуха. Оказалось, что удар по армейским Складам ГСМ 2ой ТА планировался, но штурмовиками, с истребительным прикрытием, подавлением наземной ПВО. Сил для этого выделить не давали другие более важные задачи. Проект приказа, вернее его черновик был без указания конкретных сил. Действия "говнюкова" имели триединый смысл: — потрафить своему покровителю, который выступал за нанесение удара любыми силами. За удачу можно было выдать почти любой нанесённый складам ущерб, а это, повторюсь, должности и награды. Третье: — очень ему хотелось подложить свинью Сушкову и его выкорышам, которые имели наглость его игнорировать. Теперь не смогут (возможно, психологи определили бы этот мотив главным)! Не срослось. Его отступление расписали как позорное бегство с поля боя, которого не было. Эх, надо было остаться, каким бы героем сейчас выглядел (тогда так не думал, опасность казалась чрезмерной). Вскрылся фактический подлог с приказом. На майора спустили всех собак, не учли никаких заслуг, обозлённый покровитель выручать не стал (самому прилетело). Его понизили в звании (хоть не разжаловали в рядовые) и задвинули в дальний угол с глаз долой.

Оперативная пауза на нашем крыле фронта выразилась в приостановке продвижения на юго-западном направлении, добиванием котла у Сухиничей, неспешное наступление по направлению на Мосальск. Для нас это значило, что боевой радиус покрывает необходимую территорию. Сидим на месте. А лично для меня — могу вплотную заняться мечтой. Правда сначала должок — обещанный Степану НОЖ. Из обрезка немецкого торсиона, естественно С помощью "силы" друга сформировал два ножа, без дизайнерских заморочек, добавил только на тыльной стороне насечку в виде пилы, захват для открывания крышек. По полю одного лезвия вытравил: "за отвагу", второго — "другу". Сами лезвия упрочнил насколько это было возможно. Эргономичную рукоять — по своей руке и Гриши, чему он был рад едва ли не больше чем самому ножу. Ножны деревянные обтянутые перкалью, так же обработанные и покрытые лаком. Получился, на вид, средненький нож. Степану вручил в приватной обстановке. Тот к подарку отнёсся с прохладцей. Видимо "единственный в мире" в его понимании выглядел иначе. Я остановил его неосторожное движение: "этим ножом порезаться не получится, он сразу отхватит палец и руку вместе с костями". Для убедительности рассёк сучёк толщиной сантиметров 7–8. — "точить даже не пытайся ни к чему". Объяснил очевидное назначение пилы, не очевидное зацепа. Попросил не распространяться откуда нож.

— И что единственный в мире?

— Нет, — честно признал я, — у Григория Ивановича такой, только рукоять и надпись другие.

— Это понятно, — сказал вчитываясь в надпись, она его смутила, — да чего я такого сделал?

— По деянию и награда.

— Вот и командир полка так сказал. — Было видно что ему приятно, хотя так ничего и не понял.

Степану повезло выжить на этой страшной войне, вернуться, жениться, вырастить сына. Всегда был с ним, а после стал семейной реликвией, этот нож. С годами всё больше прояснялась его уникальность. Он не ржавел, не тупился (несколько спорыг остались с половинками своих клинков), не было даже маломальских зазубрин. Из чего же сделал его тот белобрысый паренёк? Сказал, что из немецкого торсиона. По началу прокатило, с годами стало ясно, что-то не так. Загадка так заинтересовала старшего сына, что он поступил в металлургический институт, стал учёным-металлургом. Но загадка не давалась, пока не появились новые приборы и методики исследования. Результат ошеломил исследователей и вызвал недоверие специалистов: — такого не может быть, по крайней мере на земле, разве только метеорит и то не похоже. Это трансформированная сталь. Таких методов не существует. Инопланетяне что ли? Но в разговорах с отцом, ясно говорилось, что нож СДЕЛАЛ молодой техник их полка, был и второй такой же. К сожалению паренёк погиб в сорок третьем. Ниточка оборвалась.

САМОЛЁТ — ЭКВЕЛИБРИСТ.

Контрнаступление наших армий продолжалось. Бои то затихали, то возобновлялись вновь с невероятной жестокостью. Правда в основном севернее и западнее Москвы. Наша особая группа работала в отработанном порядке. Раз в пять дней, согласно графика, проводили обслуживание двигателей на всех самолётах по очереди. Многие начали забывать, для чего это надо и так отлично работают. Но болезнь начальника группы в декабре, была оглушающим ударом по горячим головам. Больше глупых вопросов не возникало, надеюсь не возникнет и впредь. С обслуживанием, обычно, справлялись до обеда. Вторая половина дня посвящалась помощи в восстановлении повреждённых за день машин. Если случалось чудо и за день ничего крупно не повреждено, занимались моей "мечтой". Согласно официальной версии — несколько необычные аэросани. Цельная лонжеронная рама, напоминающая игру в крестики-нолики, вытянутая по фюзеляжу и короткая по центроплану. Неадекватно мощный двигатель, шестилопастной толкающий винт переменного шага в обтекателе с поворотным соплом. На законцовках лонжеронов — Кили, отклонённые в лево-право с рулями направления. Перед двигателем отсек топливной аппаратуры и навесных агрегатов. Далее вперёд цельно металлический топливный бак полу овальной формы, естественно, протектированный с усиленными стенками. Аппаратурный отсек. Кабина. Перед ней грузовой кузов с балластом для натуральных испытаний. На законцовках центроплана основные лыжи, которые будут убираться заподлицо с нижней обшивкой. Передняя лыжа управлялась педалями из кабины параллельно с рулями направления и прижималась к отсеку вооружения в носу, когда он будет. Так же на плане были передний стабилизатор, крылья, тоннели для тяг и проводки, обшивка и остальное, что всплывёт в процессе. Пока конструкция выглядела несуразной и вызывала смехи. В конце февраля обкатали без особых нареканий. По мере обрастания "мясом и кожей" она всё меньше походила на сани. Хорошо все привыкли к нашим частым пробежкам, что уже не обращали внимание на эти метаморфозы. Появились капоты на двигатель, обшивка фюзеляжа и наплывы центроплана. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Немецкая свалка заметно поредела. Гриша уже потерял интерес и частенько спал, что не мешало ему делиться силой. Меня одолевал страх, что в любой момент что-либо вмешается и моя мечта рухнет. Настал день всё было готово: — в прицепе лежали крылья в полном сборе, поворотные стабилизаторы, остальное было установлено, навешено, подогнано и проверено. Даже четыре пулемёта (хотел шесть, в ряд не поместились, утолщать отсек вооружения не стал) и боекомплект для центровки. Которая была более неустойчивой чем у И 16, зато управляемость ожидается соответствующая. Сбегал на КДП попросил разрешение на пробежку. Возражений не последовало, привыкли, тем более, что командир полка в своё время разрешил, а я не вовремя не совался.

Следующий день выдался спокойным, установили, срастив с центропланом, крылья, проложили управление. На поворотный механизм навесили стабилизатор. Самолёт напоминал голову утки с крыльями: утолщённый сзади, с усами на длинном плоском носу. Снова на КДП получил привычное "добро". С замиранием сердца запустился. Гидравлика пневматика, электрика: — стрелки приборов показывают норма. Проверил управление — отклоняется куда надо. Провожаемый другом порулил. Этот элемент отработан хорошо.

Вырулил на лётное поле. Привычно занял его дальний край. Проручил несколько раз туда-обратно, проверяя управление. На конец решился сделать несколько подлётов. Воздух самолёт держал, но управление было супер чутким, выручало чувство машины и готовность к чему-то подобному. Эх взлететь бы! Нет солнце садится, а без разрешения не хорошо.

На КДП появился взвинченный Сушков: — что за бардак на полосе! Кто разрешил!

— Вы товарищ командир. Это Сашко свою халабуду гоняет.

— С каких это пор халабуды летать начали — указал командир на очередной подлёт красно-оранжевой Машины. РП побледнел, он не особо присматривался каким образом резвится Сашко на дальнем краю лётного поля. Тот внезапно остановился, развернулся чуть ли не поперёк полосы. Рёв двигателя на полную мощность был оглушителен даже здесь, мгновение и это аэродинамическое недоразумение рвануло быстро набирая скорость. Майор проследил направление взлета, там из-за леса выскакивала четвёрка мессеров, за ней вторая:

— Твою мать!!! — заорал Сушков. Все поняли его правильно. Сигнал на взлёт дежурного звена ушёл мгновенно. НО! Запустить, хоть и прогретый двигатель — нужно время, остальным ещё больше. Не успевают! Сшибут на взлёте! В довершение заметили лапотников. Хотелось взвыть.

Да! Солнце заходит. Сашко взглянул и на его фоне увидел колонну Ю-87, курсом на аэродром. Надо срочно поднимать тревогу. Нет поздно из-за леса, на малой высоте выскочила четвёрка мессеров, наверняка не единственная, взлететь не дадут. Но я то успеваю, палюсь по полной, ну и хрен с ним, своих надо спасать, с остальным разберёмся потом! Мысли ещё молнией неслись в голове, а руки уже развернули машину в оптимальном направлении взлёта. Сашко впервые дал полный газ. Перегрузка вдавила в кресло. Пара десятков секунд и самолёт в воздухе. Немцам показалось что самолёт взлетает хвостом вперёд. Так это или нет, разбираться они не собирались, уже откинута защитные колпачки гашетки, как хвост цели вильнул и огненная струя полыхнула навстречу. Что такая же досталась ведомому фашист уже не увидел. "Готовясь убивать, будь готов быть убитым". Первая пара Мессеров огненным градом посыпалась на землю. Вторая ринулась за спасительной высотой. Атакующая четвёрка определила взлетевшего русского как наиболее опасного и пока он атаковал камрадов лихим виражом вышла ему в хвост, странная цель шла прямолинейно ускоряясь, но догнать не составило проблемы (видимо лётчик не опытный), ещё не много и дистанция будет убойная.

Майор Сушков хотел выть от бессилия. Когда первой же очередью оранжевый разобрал на запчасти пару нападавших. Появилась надежда. Уже на бегу к своему самолёту, видел как мессеры зашли тому в хвост: " Маневрируй! В вираж!" — кричал он будто его мог слышать пилот, не догадываясь, что минимум четыре рации в один голос орут в эфир практически тоже. Далее произошло то, что все смогли осознать на много позже. Оранжевый перевернулся. Не полупетля, не боевой разворот, просто перевернулся на спину, веерной очередью Хлестанул по изготовившемуся к стрельбе противнику, слитным движением провернулся дальше и ушёл в такой глубокий вираж, что о преследовании не было речи — ноги бы унести.

Вся первая АЭ (сегодня сидевшая в ДС) была в воздухе, на взлёте вторая. Сашко прикрыв взлёт первых пар развернулся в сторону приближающихся пикировщиков. Те стали в оборонительный круг, с низу их прикрывала восьмёрка истребителей. Практически патовая ситуация подтянулись наши, пока не совались. Длинная очередь с безнадёжной дистанции попала, юнкерс разорвало, круг распался и уже тут никто труса не праздновал, досталось и

тем и другим с той разницей — мы бились над своим аэродромом.

Командир полка с ведомым взлетели сразу за "первой". В толчею не полез, набрал высоту и от туда руководил боем. Благо все самолёты с рациями. Это он запретил соваться в оборонительный круг, предвидя неоправданные потери. А когда оранжевый немислимым ударом разорвал его, решительно скомандовал атаку. Цена отбитого налёта шесть сбитых, правда все выпрыгнули с парашютом. Наверняка есть раненые лётчики и самолёты среди тех кто приземлился. Но это мизер в сравнении с тем что было бы. Из фашистов мало кто ушёл. Иван Маркович не мог определиться в своём отношении к произошедшему.

Полк произвёл посадку, собрали парашютистов, отправили раненых в санчасть. Сашко мышкой шмыгнул в свой схрон. С Гришей, быстренько накинули белую маскировку и заторопились на стоянку эскадрилий, провести диагностику, определиться с ремонтом их прямая обязанность. Техники завязку боя не видели, дальше тем более было не до разглядывания. Поэтому приняли их появление как должное. Обычная практика после боевого вылета, тем более с серьёзным боестолкновением.

В управлении полка стоял кипеш. Собирались сведения, писались отчёты, докладывались доклады. Рота охраны ловила вражеских парашютистов (урожай был сытый). Докладывая ком диву обстоятельства отражения налёта, Сушков доложил: — лётчик выполнял гонку двигателей и пробежку, заметив неприятеля выполнил взлёт, в лобовой атаке умудрился сбить атакующую пару.

— Что сразу пару?

— Да! Прикрывая взлёт Дежурной, 1ой АЭ, сбил ещё один, принял участие в атаке на ставших в оборонительный круг Ю-87. Удачной очередью сбил пикировщик, смешал их оборону, что позволило разгромить врага с наименьшими потерями. Шесть самолётов, пять лётчиков с ранениями средней тяжести и лёгкие. Противник потерял семь истребителей и восемь бомбардировщиков, остальные ушли наверняка с повреждениями.

— Как ты сказал фамилия?

— Младший сержант (ну не рядовой же красноармеец) Смушкевич.

— Что из разжалованных?

— Нет, молодой совсем, из призванных.

— Давно летает?

— Первый вылет.

— Ахренеть! Герой! Жалко такие шустрые долго не живут. Представляй к ордену на своё усмотрение.

— Есть нюансы.

— Политические?

— Нет.

— Тогда сам разберись!

— Ест!

Дааа, попробуй тут разберись. Дежурному: — Пошлите за Смушкевичем, — увидев вопросительный взгляд, добавил: — из особой группы мотористов.

Сашко искали не только посыльный из штаба, но и лётчики. Искали везде, только не там где он обязан был быть — на авральном ремонте. Оранжевый самолёт заруливший куда-то в сторону обнаружили довольно быстро на площадке группы Киселёва. Рядом никого не было. Снимать накидку, посчитали неприличным, но под неё позаглядывали.

— Так вот ты какой олень северный! — раздались возгласы, смотревших на необычную

конструкцию.

— А вы видели как он двоих одной очередью срезал?

— Ну не одной, да всё равно сильно!

— А кульбит со стрельбой? Мы как раз в очереди на взлёт стояли, Я так варежку раззявил, чуть тормоза не отпустил!

— Эквилибрист!

— Кто?

— Эквилибрист! В цирке такие есть!

— Ага. А юнкерс в ключья разобрал с такого расстояния!

— Да он всех в ключья, подранков не оставил.

— А кто летал?

— Здесь Киселёв с Сашкой аэросани делали.

— Сани, не сани, кто-то же летал? — вопрос повис в воздухе.

Посыльный наконец сообразил заглянуть на ремонтную площадку и увидел цель поисков: — Срочно к командиру полка, тебя уже час ищут!

Процесс прерывать нельзя, весь труд пойдёт прахом: — Десять минут и на переход.

— Да ты.... - зашёлся праведным гневом боец и подавился словами под взглядом Григория Ивановича,

— через пятнадцать минут будет. — сказал как отрезал.

У командира полка работы достаточно, но его мысли постоянно возвращались к разбору "нюансов". Да где этот белобрысый, скоро час как отдал команду найти: — Дежурный!

— Я товарищ командир!

— Смушкевича нашли?

— Нигде нет, ищут.

— "Спрятался он что ли?" — подумал и отпустил дежурного, но тот через десять минут вернулся

— Нашли! Сказал через пятнадцать минут будет.

Бывший в полуземлянке народ притих. Сушков как командир, не был крутым, но вольности не терпел и не спускал. Предполагалась взбучка. Вышло иначе:

— Где наши?

— На площадке восстановления тяжёлых повреждений.

— А где искали?

— Везде!

— Только не там где он должен был быть. Ладно придёт, сразу ко мне.

Через, обещанные 15 минут появился вызванный красноармеец. И вместо доклада:

— Выбачайце, камандзѣ р я больш так не буду, яно само так атрымалася! яны як наляцяць, ѣ што рабѣ цѣ. Я не вѣ наваты, я больш так не буду!

Выйдя, из ступора, майор рывкнул: " Я тебе дам — не буду! Иш он не будет! Ты зачем всех немцев перебил, почему другим не оставил?"

— Няма, я не ꙋсѣ х. Я толькѣ ледзь ледзь. Астатнѣ х хлопцы забѣ лѣ !

— Ладно не всех так не всех.

— Так вы не злуйцесь? А вы бачылѣ , я як змеѣ на ѣ х наляце ꙋ, як дыхну ꙋ на ѣ х агнѣм так дваѣ х ѣ няма! Яшчэ два разы дыхну ꙋ — яшчэ дваѣ х няма!

Сейчас Сашко выглядел пацан — пацаном.

— Эх ты Змей Горыныч! — не удержался командир и сбил ему шапку на нос.

— Так все на перекур. Без команды не заходить. Тимофеич — останься. Ильич — на своё усмотрение. Ты то куда? — это уже собравшемуся слинять герою. Ещё когда доложили, что его нашли на площадке тяжёлых повреждений где и должна была быть авральная группа все (как он думал) нюансы прояснились. Когда остались вчетвером продолжил: — этому бойцу вчерашним числом, лучше позавчерашним, ну или посмотри куда лучше вписать делаешь приказ на младшего сержанта, я уже в дивизию доложил, прикрывай.

— И Григорию Ивановичу. Это его детище!

— Хорошо. По совокупности старший сержант. По наградным, этому красную звезду, остальным как договаривались.

— Понял, сделаю.

Когда остались втроем Александр неожиданно, совершенно без акцента, попросил:

— Товарищ комиссар! разрешите поговорить с командиром с глазу на глаз?

— Не доверяешь, — как бы обиделся тот.

— Оберегаю. Многие знания — многие печали.

— Так! — сказал командир, — сделаем по другому, не будем мешать работе штаба.

Пойдём пройдемся.

На выходе объявил конец перекура, сказал дежурному — где его искать, если что, и двинулся в сторону хозяйства "особистов", как тех иногда за глаза, называли.

— Покажешь своё чудо-юдо?

— Показать-то что, все увидят, тут в другом заковыка. Всем и даже вам захочется попробовать-испытать.

— Конечно! Знаешь как его окрестили — Эквилибрист!

— Почему?

— Да вертелся ты как в цирке, как вообще такое возможно?

— Никак. Ни вам, ни кому бы то ни было на нём летать нельзя. Самолёт сверх неустойчивый, центровка близка к нулевой, вы просто убьётесь даже толком не взлетев.

— А ты значит можешь. — сарказм был неприкрытый.

— Вот об этом и хотел с вами поговорить. Дело в том, что мы с Григорием Ивановичем как две половинки...

— Догадываюсь — ты голова, а он тело. — перебил майор.

— Немного не так, вернее совсем не так, он сила, я инструмент. Без меня он обычный человек, очень сильный и не более. Я без него — мало стою. Когда мы рядом я как бы заряжаюсь и начинаю видеть суть вещей. Без него способность теряется не сразу, дней пять-семь.

— Потому и обслуживание с таким интервалом?

— Не думал об этом, наверное. Так вот про вИдиние. Я понимаю, если ещё чуть затянуть резьбу, то сорвёшь, если меньше то ослабнет. Если силовой элемент перегрузить лопнет, недогрузить — не эффективно. В двигателе появилась зазубрина на детали. Пока всё хорошо, но она уже разрушает конструкцию Если сразу устранить повышается ресурс.

— Да, мне инженер говорил, вы ресурс в двое повысили. А самолёт?

— Так же, Я чувствую потоки, плавные и вихри, помогающие и мешающие, чуть перетянешь — сорвёшься. Поэтому справляюсь с эквилибристом. Вот и прошу, чтобы вы оградили от попыток его опробовать. Поверьте на слово первый кто на него сядет — убьётся сам и покалечит машину. Есть ещё один момент — захочется исследовать, разобраться, настроить чего то подобного но это тупик, будут потрачены в пустую средства,

человекочасы, ум учёных, всё то что так необходимо сейчас нашей стране. Получится не помощь, а чистое вредительство. Даже если мы сделаем за год десять самолётов, на них разобьются пилоты — опять вредительство. Вот и получается, что не надо было его делать, а уж тем более светить. Не удержался когда немцы появились, раскатали бы нас в тонкий блин. И вообще может сбитых кому ни будь записать?

— Не выйдет, уже доложили. Слышал же к ордену тебя представили. Я тебя понял, постараюсь прикрыть. Пока на земле посидишь с неделю. Самолёт перекрась в глаза бросается. Потом подумаем, без неба ведь не сможешь!

— Не смогу.

— А как обосновать, взял и полетел?

— Теорию в первой изучал, на самом деле, Лётчики подтвердят.

— В особенности звено Строгого, — ухмыльнулся командир.

— Не смейтесь, мы много занимались. А практику комиссар, он всегда давал порулить и даже один раз взлететь.

— Вот зараза! А мне ни слова. Ладно. Спаситель, договорились, выпячиваться ты ни как не собираешься?

— Так точно, все обязанности особая группа будет выполнять и впредь в полном объёме, самолёт прошу оставить при группе в качестве стенда для отработки и испытания рацпредложений, в качестве боевой единицы ни где не учитывать.

— А в личном плане?

— Вы меня обижаете! Всё что в наших силах! Правда пока вижу только Свободную охоту. В боевых порядках не удержаться ни ведомым, ни ведущим. Да. Ещё можно ночником, только радиус совсем небольшой.

— А что так?

— Григорий Иванович летать боится, он конечно полетит, но его клинит и пользы никакой, только лишний вес. Мы пробовали, с этим ничего нельзя сделать. Не дай бог сломается, вреда больше будет, чем пользы.

— Понял учту, ну показывай. Аппарат Сушкова не впечатлил, какое-то аэродинамическое безобразие, всё шиворот на выворот. А вот кабина — Это да! Широкая, просторная! Непривычно большая приборная панель, видно продуманная. Пилотажные прибор в центре, влево-право контроль двигателя и систем в зависимости от важности. Большой козырёк, под ним целый ряд сигнальных и аварийных ламп. Аварийные, так же, у некоторых приборов, всё верно — лампочка загорелась, смотри на прибор. На повал его сразил фонарь. Безрамный, цельно гнутый плексигласс с плоской передней панелью полу овальной формы. Лётчик сидевший в нём по пояс имел обзор потрясающий. Майор неизбалованный кабиной И-16 (в нем на взлёте в перёд практически ничего не видно), здесь не видел только под собой. Ха! панорамные зеркала позволяли видеть заднюю полусферу даже под собой!

— Не дашь попробовать? — уточнил вновь.

— Убьётесь! — категорический ответ задел самолюбие, но поверил. Не тот человек Сашко, чтобы бахвалиться.

Поздно вечером за рюмкой чая собрались в неформальной обстановке руководство полка.

— На повестке, — провозгласил первый тост командир, — сегодняшнее происшествие и наша ОГМ.

— А что собственно произошло? Нет я понял, был серьёзный налёт, отразили с трудом, есть потери по матчасти, раненые лётчики. Враг понёс несравнимо большие потери, причём здесь эквilibр, такое ощущение, что я что-то пропустил. — сказал инженер.

Оказалось, что сам кульбит никто не видел, даже те кто был в курсе произошедшего.

— Коротко, Сегодня существование нашего полка было под большим вопросом. Массированный налёт стал неожиданностью. Взлететь никому бы не дали. Бомбардировщики, как сказал один боец, раскатали бы здесь всё в тонкий блин! Чисто случайно на полосе выполняла обкатку экспериментальной конструкции группа старшего сержанта Киселёва. Смушкевич первым заметил врага, успел взлететь, в лобовой сбил двух мессеров, затем ещё одного который его преследовал...

— Это как?

— А вот, так! — включился от двери комэск первой, его тоже пригласили, но он чуток опоздал к началу, — перевернулся на спину, прикончил фрица, провернул дальше и полетел Юнкерс сбивать, а нет, сначала прикрыл наш взлёт, мы уже на полосе стояли. Голову даю, если бы не он порубили бы нас без высоты, без скорости. И пикировщик выцелил метров с восемьсот, если не больше. Да ещё и в бомбу ему попал, та как ахнет, круг развалился. Ещё и вторая подоспела, да и остальные. Знатная драка вышла!

— Так не летают, — снова инженер, — вообще он не лётчик, да и механик — так себе, всё на Киселёве держится.

— Что на ком держится, сейчас не обсуждаем. — сказал Сушков, — На счёт лётчика он говорит теорию давали в первой, с самого начала, девять месяцев.

Попов даже поперхнулся: "вообще-то да, с ним, в основном Строгий со своими ребятами занимался, остальные — периодически, даже я несколько раз" — стал вспоминать комэск, — ум у парня пылливый, память отличная, знания хватал на лету, книги брал. Вы знаете, — оживился лётчик, — что-то каверзное найдёт, бывалые репу чешут, а он не отстаёт, так вся эскадрилья аэродинамику и теорию полёта подтянула. Такие диспуты разгорались, не поймёшь кто кого учит. Чёрт! — хлопнул себя полбу, — он же ещё тогда обосновал, с точки зрения аэродинамики, возможность переворота. Тогда посмеялись, а в ответ мы рождены чтоб сказку сделать былью!

— Так, с теорией разобрались. Практику давал Фёдор Ильич.

Настала очередь комиссара откашляться:

— Да что я там давал? — и сам себя опроверг, — давал подержать ручку на перелётах, раз дал взлететь. Кстати довольно уверенно...

— Вот видишь, твои труды не пропали даром, без разрешения, это плохо, да ладно. Подводим итог: Ничего экстра ординарного не произошло, выпячивать героя не будем, даже наградим по тихому. Попов поговори с теми кто видел, чтобы не распространялись, мол так ничего необычного, Сашко просил. Ильич ты тоже отследи, никаких стенгазет и боевых листов на его тему, разговоры будут, просто нужно снизить их градус. Это всех присутствующих касается, ну и сами за языком следите.

Как же так! — возмутился инженер, — это же может быть оружие победы, нужно доложить, нужно исследовать!

— Если доложить, обязательно будут исследования, будут потрачены огромные материальные и людские ресурсы чтобы узнать — ТУПИК. В то время когда страна напрягает все силы, такое вредительство может оказаться фатальным! Да и мы бессмысленно лишимся группы, что было в Декабре помните, поверьте на слово, они

работают почти на пределе, ну ещё пару звеньев, больше — сломаются, потеряем всё. Так что оставим как есть. Свои обязанности группа будет выполнять в полном объёме. На сегодня к ним претензии есть? Нет? Вот и ладно. По лётному вопросу решу сам. Всё расходимся.

ЛЁТЧИК.

Прошла неделя. Ещё одна, заканчивался Март. Постепенно боевые будни сгладили эмоции, память заполнилась новыми событиями, улеглись волнения того дня. Отметили награждённых. Командир полка получил подполковника и боевик, многие лётчики получили повышения и награды. В частности Строгий — старшего лейтенанта, его пилоты стали младшими лейтенантами. Всё звено — отвагу. В ОГМ — старшего и младшего сержанта. Сашко — Красную звезду, но пока не афишировал. — как второй получу, одену сразу два. — шутил он и ждал обещанного. Не награды, разрешения на полёты!

Наконец вчера вечером его вызвали в штаб. Прибыл. Доложил. Оказалось собран консилиум по приёму зачетов на допуск к полётам. Пытались без всякого снисхождения, но в рамках необходимого. Аэродинамика, теория полёта, авиатехника (УТИ-4 и И-16), аэродромное обеспечение, штурманская подготовка, карты и район полётов, вооружение, метео обеспечение. Составили акт, всё по взрослому. Сегодня Сушков обещал, если позволит обстановка, вывозной и контрольный на УТИ. Было предложение на У-2, отказались по здравому размышлению. Дальше по результатам. Первая половина дня прошла в мандраже, в аэроклубе так не волновался. Хорошо срочной работы не было, диагностику делал на автопилоте, на качество не сказалось. Прошёл обед — тишина. Успокоился. С боевого вернулся битый в мотор борт, сразу загнали на авральную площадку, стало не до переживаний. Григорий Иванович вынул раненого лётчика из кабины, я помог и ощутил осколок в бедре, нитки в раневом канале. Всё извлёк автоматом, спохватился: медик же будет искать пулю, но не совать же обратно, получилось смешно. Доктор успел с наружи обработать рану, пациента самолётом увезли в сан бат. Обратило внимание сообщение-благодарность, что док так искусно вынул осколок грозивший неприятностями и так вычистил раневой канал что тот в глубине уже закрылся, нет ни выделений, ни воспаления. Лётчик через неделю будет в строю. Вот док и недоумевал, что он такое сотворил. Мы же лечили железного коня. За работой ни чего не замечал. Всё шабаш. Оглядываюсь, у площадки стоит командирская машина.

— Много ещё работы?

— Мы всё. Ребятам тяги заменить, да дырки залатать. А, что?

— Если всё, пойдём полетаем, — видя моё замешательство, — садись в машину.

Быстро вымылся, передел комбез, сказал Грише, то что он и так понял, юркнул на заднее сидение. Поехали. Остановились у площадки управления. Механик УТИ доложил с готовности самолёта к вылету.

— Вперёд! — хлопок по плечу. В кабину не лезу. Осматриваю, похлопываю, подёргиваю. Наконец забираюсь на переднее место, краем глаза замечаю одобрение инструктора. Проверял.

Запуск. Управление, поехали. Исполнительный. Ручка слегка стукнула по коленям, из переговорной трубы: — взлетаю я, полёт по кругу, посадка. Ты смотришь.

— Ясно. Управление отдал.

Взлетели, набор, разворот. Пара не сложных фигур: — Как самочувствие?

— Отлично!

— Заходим на посадку.

Да! Сушков пилот если не от бога, то очень близко к этому. Техника пилотирования с комиссаром не сравнить. Сел.

— Ну как?

— Божественно!

— Я не про полёт, как себя чувствуешь?

— Норма. Готов!

— Хорошо, бери управление. — Ручка снова слегка хлопнула по коленям.

— Взял! — и тоже слегка качнул ручкой влево-право.

— Давай на исполнительный.

Полёт собственно ничем не выделялся. Взлетели, набрали высоту, выполнил оговоренные фигуры (никаких мастер классов), снижение, заход, посадка. Зарулили на стоянку. Передали самолёт механику.

— Разрешите получить замечание.

— Слишком академично. Может и правильно. Показал школу, согласен. Но в бою этого слишком мало. Убьют на раз. Ты это понимаешь? — я кивнул, — Тогда завтра слетаем ещё раз, пожётче. День непонятный, давай с утра по раньше. Я механиков предупредил.

— По раньше, это во сколько?

— Как проснёшься.

— Тогда я в кабине спать буду!

— Не надо в кабине. Восход в 7.20, давай в полседьмого.

Чуть засерели сумерки я был на месте. Принял самолёт, осмотрел, проверил. Стал прогревать мотор, подошёл подполковник. Хотел выбраться, доложиться, тот махнул рукой мол сиди. Сам сделал обход, забрался в кабину.

— Проверил? Готов?

— Да, готов! — через техника передал листок.

— Что это?

— Порядок выполнения фигур. — программу я приготовил агрессивную. УТИ конечно не ЯК-18, но кое-что может, в особенности на пределе.

— Хорошо.

— Разрешите выруливать?

— Давай!

Сказать, что полёт произвёл впечатление, не сказать ничего!

Взлетели, набрали высоту и началось! Сашко не выполнил ни одной азбучной фигуры: вместо бочки размазанная кадушка, не координированные развороты, петли, полу петли, скольжения. С максимальной перегрузкой, какую могла выдержать старенькая машина. На очередной фигуре самолёт пошёл вертикально вверх, вдруг мотор затих, вместе с ним казалось остановилось сердце инструктора. Ещё немного в верх и полная остановка. Душа ушла куда-то в хвост на который стал оседать самолёт, сначала медленно, затем всё быстрее. Наконец перевернулся и..... вошёл в плоский перевёрнутый штопор. Вышел на установленной в плане высоте, плавно вписался в коробочку. Иван Маркович С силой выдохнул воздух: — я что не дышал всё время! мелькнула мысль. (Тут надо сказать пилотаж переносится легче когда выполняешь его сам и наоборот, в особенности когда фигуры не знакомы и не координированы). На земле он только и сказал: — Змей, Говоришь комиссар летать учил? Ну-ну! И пошёл в штаб. А Сашко остался стоять с глупой счастливой улыбкой. Никому ничего он не доказывал. Просто дорвался до неба.

Вечером командир вызвал к себе. В ответ на приветствие пожал руку.

— Александр Янович по вам решение такое: к полётам допускаю, самолёта пока нет, но на днях выводят соседей на перевооружение. Свои остатки перегонят нам, там тип 24 и 28, вводить их в БГ состояние будет и ОГМ, один подберёшь и оборудуешь под себя. Будешь у меня вторым ведомым

(т. е. резервным. Полк теперь полностью летает парами, в звене управления две, в эскадрильях 2 звена по 4 и пара комэска. Регулярные нападки отбивали нехваткой техники, л/с, тактических групп, другими объективными и не очень причинами. Главная индульгенция — успешная боевая работа. Больше половины лётчиков орденосцы, а "счастливчики" подобрались к геройским показателям. Штурмовики и бомбардировщики считали удачей когда в сопровождение назначался наш полк. Тем не менее желающих прищемить зарвавшихся "сушковцев" не уменьшалось, так и шла вялая пикировка. Иван Маркович на рожон не лез, обещал всё исправить как только, так сразу. Иногда, при звёздных инспекторах, даже взлетали показательно тройками, а дальше не видно. И всё оставалось на своих местах.).

Командир подошёл в плотную, взял за пуговицу, тихо, сказал: "Саша ты не имеешь права погибнуть, половина успеха полка, если не больше, ваша с Григорием Ивановичем заслуга. В декабре это поняли самые не догадливые. Как лётчик я тебя понимаю. Только заклинаю будь осторожен!" — потёр щеку, — летать будешь одиночно, даже в тактических группах. За тобой хрен удержишься и держать на хвосте нет смысла, обращаю внимание — осмотрительность, осмотрительность и ещё раз осмотрительность, верти головой на 360 постоянно. Заведи себе шёлковый шарфик."

— Зачем? — вырвалось непроизвольно, хотя сам знал ответ.

— Чтобы шея не перетёрлась. Эквилибриста не свети, пока не разрешу. Всё иди.

Заканчивался Март. К нам пригнали Одиннадцать И-16 тип 24 и 28. ОГМ под руководством инженера полка, при участии других служб их принимали, диагностировали, составляли график и объём работ по вводу в БГ состояние (двигатели, радиофикация, вооружение). По инициативе инженера (с моей подсказки), на всех свободных грузовиках съездили к соседям за запчастями, за одно вернули лётчиков, среди которых был и руксостав, обратно. Ехать в кунге "Гнёздышка" им так понравилось (ещё бы, стол, закуска, посуда, мягкий ход — вместо кузова полуторки), что нам включили режим максимального благоприствования. Забрали все их запасы (им больше не надо, перевооружаются на ЯК-1), попросили порыться на свалке. Удивились, но возражать не стали и, даже выделили людей для демонтажа. А когда набралось столько, что мы зачесали репу, как это везти, выделили транспорт. Хоть и обозвали куркулями, понимали не себе в огород, а бить фашистов! В дороге рулил Григорий Иванович и делился силой (Одно другому не мешает), я готовил высоковольтные комплекты. Запас у нас был, на М-62, а на М-63 немного, но отличается. По приезду сразу включились в аврал.

Дело в том, что на сегодняшний день в полку собрался винегрет из И-16 разных типов: — 17, 10 с М-25В; 18, 27 с М-62 27 штук. Теперь ещё одиннадцать тип 24, 28 с М-63. Поэтому командир приказал: один тип 17, два тип 10 и ещё один на своё усмотрение — вывести в резерв, остальные упорядочить по АЭ согласно типа или хотя бы двигателя. Такая первоапрельская шутка. Видимо он рассчитывал на обещанные метеослужбой три дня нелётной погоды. Метео не ошиблись, расчёт оправдался. Лётчики побурчали, мол привыкли к своим. Сушков отрубил: — привыкните к новым, с началом погоды будем

облётывать!

Механики восприняли спокойно, хотя им пришлось на ходу изучать особенности М-63.

В итоге к ясному утру пятого апреля 1я АЭ была вооружена И-16 тип 28 и тип 24 с крыльевыми ШВАК, вместо штатных ШКАС (что делало их однотипными). 10 тип 27 — 2я АЭ и 4- звено управления (по факту остались на своих). 3я АЭ получила 10 тип 18 с УБК на крыльях из памятного штабеля. Все с прокачанными моторами, рациями, незаметно усиленные и облагороженные. В резерве: 2 — тип 10; 1 — тип 17; 1 — тип 24 с наименьшим ресурсом, да и по состоянию худший (наметил его себе, всё равно переделывать).

Чуть только рассвело, командир полка посадил себя и своё звено в ДС (так как остались на своих самолётах). Первая прогрела моторы и гуськом по одному потянулись на старт. Как нововведение каждый лётчик получил программу облёта — что, как, когда делать. Как всегда поворчали, в итоге признали разумным. До обеда успели проверить ещё 6 из второй. На этом обещанный сверху покой закончился. Пришёл срочный приказ сопроводить штурмовики. Выбора нет. Из готовых только первая, им и лететь. Остальным дальше по программе.

Мы с Гришей отсыпались после бешеной скотогонки этих дней. Два дня до плановой профилактики у нас есть. Ближе к обеду перетащили резервный тип 24 на свою стоянку. Диагностика показала усталостные деформации фюзеляжа и приличный расход ресурса двигателя. Что ж выправим, усилим, а мотор так и так планировал модернизировать. После обеда боевым порядком взлетела первая. Нам приказы доводят в части касающееся, но и ослу понятно — не на прогулку. Как бы не пришлось бросать свой. Да ладно часа полтора есть. Сняли винт, его тоже облагородим, укрепим, облегчим, а пока на стол под навес. Начали готовить двигатель к съёму, тут начали заходить на посадку наши. Первый, второй... — ...десятый. Все. Почему суматоха? Куда бегут? Сердце ёкнуло, баран нет бы радиообмен послушать. Гриша рванул, я за ним. В первую! К $\perp$ 21 (самолёт другой, номер тот же)! Снова нехорошее предчувствие. Вокруг самолёта уже толпа. Лёшку на руках вынимают из кабины (он то чего лыбится), передают на землю и.... начинают подбрасывать. Толпа ревет. Тьфу ты! Отлегло. А я навывдумывал! Оказалось: сопроводили, отработали спокойно. Уже на обратном пути их перехватили. Звено Строгого, в котором Алексей уже летал ведущим пары, связали нападавших боем, и Смирнов умудрился сразить двоих. Он первый в полку пересёк рубеж "десять сбитых". Теперь у него барабанные палочки (11)! Если с земли подтвердят сбитие, герой ему корячится. Понятно ликование, сейчас к нему не пробиться.

Задела мысль, подтверждения сбитых. Есть же ФКП (фото-кино пулемёты), и наши, и немецкие. Надо будет провентилировать тему.

Разобравшись и успокоившись мы тихо ретировались. По дороге к себе попросил ребят через час помочь снять двигатель. Обещали подойти. По двигателю мысли были по отработанной схеме. Упрочить материал, за этот счёт стенки сделать тоньше, объём больше. Ход менять не стал, чтобы не менять размеры. Увеличил степень сжатия, фор кам, впрыск, уже проверены. Нужно только время.

Прошло три недели. На нашей площадке стоит в общем обычный, на вид, И-16 тип 24. Добавился вместо ПАК-1 прицел собственной конструкции с совмещённым ФКП. Всё из-за этого ФКП. Когда углубился в тему, оказалось что и наш и немецкий могут зафиксировать, что ты выстрелил в сторону цели, то что попал, если только первым снарядом и очередь была достаточно длинной чтобы он долетел. С отпуском гашетки съёмка

останавливалась и что делала цель дальше (падала или спокойно улетала) понять невозможно. Во вторых — установить так чтобы не мешал, и снимал в нужном ракурсе очень затруднительно, если не невозможно. После некоторого рассуждения установил на козырьке приборной панели телескопический прицел с механическим дублёром (для грубой наводки), широкоугольным объективом, фиксированной сеткой, полу прозрачным зеркалом для отвода изображения на камеру установленную под козырёк, затвор синхронизировал с оборотами винта в пропорции 1: 3,5, что бы не фотографировать лопасти (на плёнке получалось будь-то летишь с горизонтально остановившимся винтом). Пуск от гашетки или специальной кнопки, останов через 20 сек после прекращения огня или сразу по отпусканию кнопки. Неразрешимой проблемой стала невозможность менять настройки камеры в воздухе и трудность установки и извлечения довольно большой кассеты, придётся корячиться каждый раз. Второй трудностью было набрать нужное количество оптического стекла, облазил в его поисках всю немецкую свалку, но добыл хорошее, цейсовское. Мне-то прицел особо и не нужен, но как остальным, если кто полетит? Пусть будет.

Из оружия, решил как в третьей, моторные ШКАСы и крыльевые УБК. Их в полк оприходовали, оружейники составили акт какие номера на какие самолёты установлены и т. п. В конструкторское бюро Березина отправили отчёт. Указали и главный недостаток: полная не заменяемость комплектующих, отличный пулемёт фактически каждый штучное изделие, из двух один не соберёшь, как мы ШКАСы для УТИ-4 собирали, что для фронта не есть хорошо. Интересно, что ответят.

Отличительной особенностью стал нарисованный с двух сторон от хвоста до мотора красно-оранжевый змей горыныч (кличка змей, с лёгкой руки Сушкова уже прилипла) с раскрытой пастью изрыгающий огонь. Понятно, что все силовые элементы, сочленения восстановлены, укреплены, облегчены не нарушая центровки, баки протектированы, поверхности облагорожены и укреплены до состояния лёгкой брони. Командир сказал надо беречь меня любимого.

С рассветом разрешили облетать, позывной закрепили — змей. Заправили трансформированным топливом (с возросшей силой его приготовление перестало быть проблемой, в размерах потребностей двух самолётов и машины). Облёт оказался рутинным, отклонений не выявил, только удовольствие непосредственно от полёта. Доложил, оказалось Сушков решил ещё слетать парой (всё таки я его ведомый). Задача удержаться за хвостом ведущего, вторая часть воздушный бой. Договорились о взаимодействии и мерах безопасности. Вперёд на полосу. Взлетели. Пристроился. По радиии: "Начали". В ответ: "Понял." Понеслась душа в рай. Правда ведущий не зверствовал, строй выдержал не напрягаясь. Вновь из радиии: "Закончили. Расходимся."

— Понял.

Теперь Маркович выжимал из своей машины всё на что та способна. не помогло. Трижды зашёл ему в хвост и опробовал ФКП. Он, по моему, так ни разу атаку и не зафиксировал.

— Закончили, на посадку. Ты первым.

— Понял.

На земле: — разрешите получить замечания!

— Нормально, Змей, я чётко словить тебя не смог. А ты?

— Проявят плёнку глянем.

— Ах, да у тебя кино снимает. Добре вечером посмотрим.

Как стемнело на просмотр трёх минутного кино собрался чуть ли не весь полк. Откуда только узнали, я вообще никому слова не сказал, кроме Гриши, в нём уверен. Но командир каков! Не побоялся уронить авторитет, наоборот устроил показательный разбор. Из трёх атак, две признали безоговорочными, третья 50 на 50. Обсуждение в итоге свели к необходимости установки ФКП как для тренировки, так и для фиксации результатов атак. Был бы у Смирнова такой, не пришлось бы ждать подтверждение столько времени (кстати представление на него отправили). Желание установить всем и немедленно, пришлось охладить, и делать не быстро, главное нет оптического стекла, какое попало не подходит. Тут же было объявлено всем обращать внимание и докладывать. Я пояснил: — нужны любые оптические приборы, лучше немецкие, прицелы, бинокли, стереотрубы в любом состоянии — мятые, гнутые, ломаные, треснутые. Только без фанатизма, что бы с дуру дров не наломать.

Предложение снять с немецких танков, что в охране стоят, признали неправильным и относящимся как раз к выше обозначенной категории.

Тем не менее ручеёк потёк. Иногда в материальном виде, иногда в виде информации где без вреда можно разжиться. Одна из точек — расположенный недалеко танковый рембат. К ним притягивали битую технику, в том числе и немецкую. Договорились с ними. Целые приборы конечно никто не даст, а калеченые, пожалуйста, будут собирать за небольшое вознаграждение.

20 Апреля контр наступление остановилось. По всему фронту перешли к позиционной обороне. Мы так никуда и не перебазировались. Наслаждались тёплыми днями и комфортом обжитого места. Полётов было мало. Весенняя распутица превратила лётное поле в болото. Когда скапотировал опытный лётчик (хоть не убится, самолёт восстановили), прекратили вовсе. Пока солнце не подсушит землю. Во время затишья. Пролился дождик наград по итогам зимней компании. Главная, в полку появился герой. Алексей Смирнов сиял новенькой звездой.

Приезжали "финики", посчитали прослезилась и выплатили премиальные за сбитые (мне тоже досталось), за боевые и т. п.

Не за награды воюем, тем более не за деньги, а всё равно приятно когда твой труд оценён. Пришёл ответ из КБ Березина. Эту часть партии для войсковых испытаний считали утерянной. Очень обрадовались, благодарили руководство полка и группу вооружения за грамотную и вовремя предоставленную информацию. Сетовали, что устранить наше замечание, на сегодня не представляется возможным из-за больших допусков на обрабатывающих станках в серийном производстве.

Мы с Гришей переделали Эквilibриста под колёсное шасси. Потихоньку тренировались в трансформации, клепали новые ПИСК-1ФК (прицел истребитель Смушкевича Киселёва, первый, с фото контролем). Пытались разобраться почему пули то заряжаются то нет. К ответу подтолкнула некогда сказанная фраза, что мои способности без подпитки убывают как и откат моторов. А может у патронов откат по другому. Проверили. У взрывчатки в пулях откат оказался от 15 минут = 100 %, до 25–30 практически 0 %. Если за это время самолёт вступал в бой, что иногда случалось, Эффект был значимый. Если позже, пули становились обычными. Я своим присутствием добавлял около 40 минут. Гришу в самолёте обрезает даже при рулении по земле. Дальше мысль пошла в направлении чем заменить Гришу. Патроны заряд держат плохо, железный мотор — лучше, но от него ничего не заряжается. Я то-же, заряд слабый. А есть ли то, что может быть аккумулятором или

конденсатором? Опыты пока дают отрицательный результат. Даже металл, если это не двигатель, ведёт себя чуть лучше патронов. Единственное что скрашивает — ёмкость моего аккумулятора медленно, очень медленно, растёт. Стекло — отрицательно, может какие камни драгоценные, кристаллы да где их взять?

Ещё одна проблема — вероятное перебазирование, не в том дело, что оно возможно, а в том, что оно возможно внезапно! У нас в группе два самолёта и тягач-кунг с прицепом, приличный лётчик и хороший водитель. То-есть арифметика не складывается. Выходом посчитали изготовление трейлера под "эквilibриста". Сильно заморачиваться не стали. Сделали платформу с держателями так что бы можно было убрать шасси и при опустить фюзеляж. Крылья, кили просто обрезать и в прицеп. Предусмотрели дуги под брезент.

Оказалось торопились зря. Красная Армия севернее пыталась срезать "Демьянский выступ" — неудачно. Группа немецких армий "Центр" пыталась срезать выступ между н.п. Белый, Нелидово, Сычёвка — тоже неудачно, к сожалению успешнее они ликвидировали котлы в районе Ельни и Рославля в которые угодила группа Белова, увлёкшиеся наступлением с неприкрытыми флангами. Наши полководцы учились на практике искусству войны. Теперь войскам, неся тяжёлые потери, приходилось пробиваться обратно. Как только подсохла земля, стали вылетать на помощь прорывающимся частям. Штурмовик из "Ишака" так себе, но как говорится: — всё что могу! Несколько раз Сушков во второй половине дня брал меня в пару. Нашей задачей было прикрытие штурмующих групп. Серьёзных боестолкновений не случилось, так что проявить себя и машину возможность не представилась. Постепенно бои затихли, где-то наши прорвались, где-то немцы добились своего. Нашему полку всё чаще ставилась задача разведки. Сашко понимал, что верховное командование ожидает нового наступления на Москву и боится прозевать удар, а Василий знал, что здесь будет топтание на месте, а главный удар будет значительно южнее. Вот и выклянчил слетать на свободную охоту. Возражений было два. "Во-первых, — загибал пальцы подполковник, — твоего красного горыныча видно за сто километров, на тебя всё люфтваффе слетится!"

— Вот и хорошо, что ж мне их по одному ловить, всех сразу и перебьём!

— Вооот, чтобы всех не перебил, полетишь в паре с Поповым, это во-вторых.

— Нууу, командир, мне за ним скушно, а ему за мной не удержаться.

— Хам!

— Змей.

— Ага. Искуситель. Чёрт с тобой, полетите тройкой. Попов с ведомым, ты сам по себе, но с ними. Договоритесь о связи и взаимодействии. Первая половина дня у тебя занята, вот после обеда и поняйте (идите, летите, двигайте).

— Есть!

С Григорием Ивановичем выполнили обход согласно графика, Установили ПИСК-1ФК командиру первой и его ведомому. Так как видел траекторию полёта пуль и снарядов, настройку проводил без реальной стрельбы. Зарядили кассеты заранее приготовленные в разведотделе штаба. На занятия по работе с новым оборудованием собрались все лётчики АЭ. После обеда обговорили взаимодействие и полетели. Первый блин получился не то, чтобы комом, но около того. Встретили Ю-88 разведчик. Достать не смогли, лишь поугали. Вторая охота тоже не задалась. Видимо, даже прокачанный, И-16 для охоты не годился, надо выгонять "эквilibриста". Схитрил. Доложили: идём на третью охоту, а на чём не уточнили. Взлетели, пошли в тот район где встретили разведчика. Пара внизу, а я полез повыше. Вот и

Юнкерс, идёт прямолинейно. Ведёт съёмку, заметил меня, привычно полез на высоту. Попробуй достать! Не тут-то было. На "Эк" вмиг его настиг, дал очередь по правому мотору. Тот задымил, но не загорелся, вовремя выключили. А как теперь лететь? Пошли вниз. На моём самолёте стоит две рации, одна наша, вторая немецкая (зря что ли немецкий учил). Слышу фашист заверещал, помощь зовёт, сам к фронту тянет со снижением. Полоснул ещё разок, теперь по кабине стрелка. Всё теперь Попов добьёт, сам полез повыше встречать помощников. Те не заставили себя долго ждать, но всё равно опоздали. От Юнкерса к земле сыпались обломки. Четвёрка Ме 109 решили хотя бы отомстить. Почему, не знаю, но начали с меня. Наверно их раздражал мой почти красный цвет. Во всяком случае нечто подобное услышал в их радиообмене. Ну и зря. Заходили конечно грамотно, как-то по книжному. Я тоже не стал мудрить — крутнул размазанную кадушку, чуть пропустил вперёд и пробил обоим моторы, затем перевернулся на спину полоснул по физиономии ведущего второй пары (он качественно загорелся), довернулся, ушёл в вираж в противоположную от ведомого сторону. Тот, видя что подранков Добивают проклятые "Рагге", дал дёру Вереща на весь эфир про какого-то красного дракона, который крушит всё и вся. Огляделся по сторонам, драконов не увидел, это он меня так? Почти угадал: змей — дракон. На земле, при разборе, оказалось, что на "Эквилибристе" нет ФКП, за-то у Попова шикарное кино как разлетается на куски разведчик, а затем мессер. Такие же кадры гибели мессершмита у его ведомого. Они что-то пытались возражать, но руководство полка решило отчетность не нарушать, мне погрозило кулаком за обман. Подтверждение на моего месса так и не пришло — незачёт. Так дальше и пошло, на охоту летал на "эквилибристе", в паре с командиром на "красном драконе" с лёгкой руки фрица кличка прилипла к самолёту. Так появился Красный Дракон с позывным "Змей".

КРАСНЫЙ ДРАКОН с позывным "ЗМЕЙ"

Полк Подполковника Сушкова И. М. вновь оказался в стороне от главных событий, развернувшихся много южнее. Неудачная Харьковская наступательная операция. Оборона Воронежа и Ворошиловграда в июне-июле фашистов изматывала, но рубежей удержать не удалось. Лето, пока ещё, их время. Полководческое искусство, грамотное управление войсками всё ещё на стороне врага.

В Нашей полосе немцы избрали тактику массированных налётов авиации. От 100 до 300 бомбардировщиков в вылете, под прикрытием истребителей, наносили удары по промышленным центрам Московского региона. И если Хейнкелю-111 на морально устаревших И-16 мы могли что-то противопоставить, то Ю-88 уходили как по высоте так и по скорости. Единственная тактика дававшая хоть какой-то результат: — Я на "Эк" забирался под потолок. От туда, уворачиваясь от худых, пощипывал бомберы. В среднем 3–5 (самое большое было 9) подранков теряли высоту и скорость, за ними вниз оттягивалась и часть прикрытия. Тут уже не зевали однополчане. Не скажу что победы давались им легко. Мессеры и оборонительный огонь собирали свою дань. Чуть облегчало жизнь то, что наши Ишаки в основном пушечные, если попал — мало не будет. Также то, что бои шли на нашей стороне фронта, потеря самолёта не всегда приводила к потере лётчика. Не знаю как относилось немецкое командование к потере десятка самолётов за вылет, но они начали практиковать ночные бомбардировки. Вот это моё! Правда пришлось с помощью Сушкова и его начальников взбодрить службу ВНОС на тему бдительности в ночное время. Теперь раз в два-три дня, вернее ночи, поднимал "Эк" в поиск с результативностью 2:3. Напрягала малая ёмкость моего аккумулятора силы. Через 25–30 минут Ночное зрение заметно проседало, через 40–45 хватало только на безопасную посадку.

Лето перевалило за свою середину, с нашей стороны про Змея Горыныча ходил лишь лёгкий шепоток в узких кругах. Не удалось отвертеться от двух сбитых (теперь официально - 7, не официально — смотря как считать). Остальные были ночью, ни одного не подтвердили, а я и не предьявлял. За-то с той стороны быстро вычислили какие неприятности приносит "roter Drache", желающих подёргать его за хвост резко поубавилось. Уже несколько раз слышал в немецкой радиации: "Achtung! ein roter Drache liegt in der Luft!" А из нашей: — Что там за пугало для немцев появилось?

— Да хрен его знает, Красный дракон какой-то.

Третий голос: — может змей? на Ишаке летает, на дракона вроде не тянет.

Командирский голос: — Разговорчики в эфире!

В конце августа, неожиданно, частично, решил вопрос с аккумулятором. Забирая битые оптические приборы (источник таял, нет активных БД, нет и навара), рассчитался жидкой валютой, неожиданно получил вопрос: — Сашко, тебя всякий хлам интересует, глянь сюда. Здесь стекла нет, но может надо?

Привычно просканировал. Вроде получил отклик силы. Не понял. Ладно возьму, у себя разберусь. В "гнездышке" детально рассмотрел блочок какого-то прибора. Надписей нет, назначение непонятно. Неизвестно даже чей- наш или немецкий. Под панелью находилась металлическая плита, толщиной миллиметра три, размером 12,5 на 21 см. Цвет серо-стальной. Очень тяжёлая, больше килограмма. Вертел её в руках, не понимая чем она

привлекла внимание. Когда снаружи послышались тяжёлые шаги Гриши, Пластина ожила. Чем ближе друг подходил к кунгу, тем явственнее от неё веяло силой. Нет сомнений — на мой слабый источник была только реакция, а теперь чёткий ответ.

— Как смотался? — поинтересовался напарник.

— Стекла мало, но вот привёз любопытную вещицу, — и рассказал о своих наблюдениях. — Надо исследовать.

— От меня что надо?

— Да как всегда, побудь рядом.

— Тогда я сосну чуток, а то с твоими ночными не добрал?

— Да, конечно. Рундук свободен.

Царапать, сверлить, что бы определить металл, не стал — вдруг повредиться структура. Главное силу держит и ладно. Скорость зарядки не зависила от расстояния, но на 20 метров резко обрывалась. Взять силу во время зарядки невозможно до её окончания, либо покидания зоны в 20 метров. В обоих случаях сама пластина силу не излучала, только подпитывала меня. Её я мог использовать по своему усмотрению, как это делал с потоком от друга. Мощность слабая, хотя достаточная для поддержания заряда снарядов и пуль. Контроля не требовала, достаточно один раз проложить канал к боекомплекту. Количество каналов не ограничено, разряд пропорциональный. Дальность действия 6–7 метров. Степень заряда воспринималась как цвет силы: — тёмно красный, это минимум, фиолетовый — максимум. По времени: ночное зрение часов 10 продержит. Боекомплект подержит часа три. Цифры приблизительно, нужно ещё уточнять. Основное — без меня пластина может только заряжаться (достаточно держать вблизи от Гриши), другие действия под управлением с расстояния не больше 20 метров. То-есть только для личного пользования. Ничего не сделаешь. Если сделаешь, то не знаю как. Я не видел структуру пластины, для меня она выглядела цветным монолитом.

К ночи батарейка зарядилась до голубого уровня. На "Эк" в носовом приборном отсеке сделал временное крепление, вообще-то не дело, пластина тяжёлая, сорвётся наделает беды, тем более, что нет ничего более постоянного, чем временное. Поклялся себе: завтра днём Обязательно сделаю отдельный бардачок с креплением.

Ночь. С богом, Полетели. Сообщений от ВНОС не было. Нужно было проверить новое восприятие. Надежда не обманула. Видел как днём, даже чётче и дальше (надо будет и днём проверить). Вот взлетают соседи ночники, полетели немцев беспокоить. Немного проводил. Связался с наземным постом. Нет ли вводных. Увы или к счастью, нет. Повернул на базу.

Днём исполнил своё обещание. Конечно с помощью Григория Ивановича, слева перед кабиной врезали лючок с надёжным креплением в размер. А на "Драконе" прямо в кабине справа от сидения. Работы на технике стало поменьше. Дело в том, что с первого апреля полк ни разу не пополнялся ни самолётами, ни лётчиками. Заводы И-16 уже не делают. Большинство полков Летают на Як, МИГ и ЛАГГ. Вновь сформированные и переученны направляются на южный ТВД. Там сейчас решается судьба страны. Мы по остаточному принципу. Периферия или нет, а потери несли. Боевые и нет, выходил ресурс двигателей и планера, мы поддерживали, но бесконечно это не возможно. За лето от 38 самолётов осталось 18, один командирский и мои 2. Третья АЭ расформирована, 2я неполная. Задействованы резервные тип 10 и тип 17, так что снова всё перемешалось. Лётчиков было больше чем самолётов.

Так частенько бывает, то жизнь катит равномерно-прямолинейно, то вдруг срывается,

как в американских горах, в круговорот пике и виражей. За пять дней до конца лета я пришёл к командиру полка за разрешением облетать "Дракона" (как его ведомый и член ОГМ имел привилегию на прямое обращение) и нечаянно нарвался на совещание рук состава. Адъютант остановил меня в предбаннике, но Подполковник услышал, через открытую по случаю лета, дверь:

— Панченко! Кто там?

— Смушкевич. К вам.

— Пусть зайдёт.

Оказалось, нас решили вывести на перевооружение. В качестве поощрения за хорошую работу Командование разрешило выбрать тип для переучивания. Мозговой штурм группы в составе командиров полка, 1ой и 2ой эскадрилий, начальника штаба, инженера и трёх уважаемых лётчиков (как же без Героя) склонялся к ЯК-1 или ЯК-7, который недавно запустили в серию в модификации истребитель. Мнения разошлись, вот меня и привлекли в качестве третьей стороны. Я рассудил:

— Командир, а нельзя ЛАГГ-5, их на горьковском заводе вот-вот в серию поставят.

Все уставились на меня, словно елот заговорил. Этот вариант не рассматривался вовсе.

— Непроверенный, даже не в серии, вообще ничего хорошего о нём не слышал! Обоснуй. — предложил Сушков.

— Дело в том, что Яковлев в погоне за культурой веса, облегчил свой самолёт до предела, в том числе за счёт запаса прочности. Жёсткий стиль пилотирования наших лётчиков ЯК просто не выдержит. Запаса модернизации у него практически нет. Яковлеву придётся делать новый самолёт. Лавочкин в этом плане гораздо перспективнее, конечно придётся подшаманить, но это того стоит. Второе: — на Ла-5 стоит привычная нам звезда, но двухрядная и тоже перспективная, имеющиеся проблемы — устраним. В-третьих вооружение: пушка 120 выстрелов и пулемёт винтовочного калибра, против двух пушек с 200 патронов на ствол, согласитесь не катят!

— Ты то откуда всё знаешь, грамотей, — выразил недоверие комэск 2

— Если Александр говорит, значит так и есть, год работаем — пурги не замечал, — вступился инженер.

— В соседнем 49 полку проходят войсковые испытания.

— Я знаю. — подключился Сушков, — не сказать что удачно, потеряли половину самолётов.

— Но насбивали больше. Да я и не говорил что Ла-5...

— Почему Ла-5, ЛАГГ-5!

— Да, конечно, ЛАГГ-5 без недостатков, они есть, устраним — получится отличная машина.

Инженер знавший какое счастье эксплуатировать моторы жидкостного охлаждения в полевых условиях, горячо поддержал предложение (это он ещё не знал про сюрпризы М82).

Народ хотел задуматься, но не дали. Буквально ворвался дежурный по связи: — Тыщ пполк, из армии на связь!

Тот поднял трубку: — Разведчик (возможно ценой жизни) зафиксировал массированный взлёт авиации противника. До 30 бомбардировщиков, сопровождение не считали, идут в нашу сторону. Поднимай всё что есть. Свяжите, задержите, пока поднимем ещё кого.

— Всё, так всё! Эх мало нас!

— Командир. А вы отдайте свой самолёт ведомому, сами на "Драконе".

— Панченко! Найди Круглова!

— Я здесь, командир! — Это НШ уже объявил тревогу.

— Хорошо, Зайди. Ты полетишь на моём, я на "Драконе". 2я за мной, работаем по бомбёрам. 1я по прикрытию, эшелон на тысячу выше. Всё по самолётам! Сашко задержись.

Когда все вышли: — Ты на "Эке"?

— Да. Разрешите мне взлёт первому. Доразведая погоду и обстановку, постараюсь вас навести поточнее?

— Хорошо! Прощай!

— Что за пессимизм?

— Сдать самолёты! В тыл! Вот и сдали, вот и тыл, мало нас вернётся!

Вот паразит, испортил настроение.

Небо лечит. Мотор гудит, приборы показывают — "норма". Докладываю погоду: — облачность слоистая, нижний 2500–3000. Средний 4500–4800. Плотные ровные. Верхний 5500–5700 рваный. в облаках болтанка отсутствует.

Подпитываемый пластиной вижу отлично, кроме того появилось какое-то рентгеновское (или радиолокационное) видение, километров на 100 вокруг. Я забрался на шесть тысяч, ага вот наша цель:

— Первому, я змей!

— Змей, я первый, на связи.

— Первый цель вижу, 27 Хейнкель 111. Сопровождают 3 по 8 Ме 109. Высота 3500. Ещё 4 Ме 109 на 5000, с этими я разберусь. Вам 10 влево, выйдете в лоб основной группе.

— Понял выполняю!

Лётчики немецких тяжеловозов заворуженно наблюдали надвигающуюся на них косую линию советских истребителей, всего-то пять пар, но казалось коса смерти движется им на встречу и на её острие красный огонь, неужели красный Дракон! По натянутым нервам ударил вопль: — Hier ist der rote Drache. Er hat das Ehepaar Günther angegriffen! Oh Gott! sie brennen! Wir können nicht gehen! Oh Gott! wir springen! (Здесь красный дракон. Он напал на пару Гюнтера! О боже! они горят! Нам не уйти! О боже! мы прыгаем!) Это я подкрался к засадной четвёрке и двумя очередями срезал заднюю пару. Заряженные снаряды делали своё чёрное дело с неотвратимостью кувалды, Немецкого радиообмена не слышал (перешёл на нашу рацию), поэтому сильно удивился когда у первой пары открылись фонари, пилоты выпрыгнули и затаившимися ушли в облака, вслед за горящими обломками своих камрадов. Ну и хрен с ними. События под облаками были не менее странными. Противники сближались, ещё пара минут и нужно открывать огонь. Немцы видели надвигающееся лезвие косы во главе с со страшным Драконом. В этот миг вываливаются из облаков ярко пылая, оставляя за собой жирный, чадный след остатки сбитых мессершмитов. Струна нервов лопнула, посыпались бомбы куда бог пошлёт, самолёты стали разворачиваться. В толчее плотного строя кто-то столкнулся. Прикрытие не зная кого прикрывать бесполезно металось из стороны в сторону.

Без бомб это уже не имело смысла. Сушков дал команду на выход из боя. Горячих голов не нашлось все потянулись домой. Командир доложил на землю, что налёт отражён, идём домой. С земли включилась Рация, похоже армейская: — КАК отразили!?

— С кем говорю?

— Здесь Восемнадцатый!

— я 31001, несколько сбили, дома посчитаем, остальные беспорядочно сбросили груз и ушли за линию фронта.

— Хорошо, жду доклада по наземной, конец связи!

— Конец связи.

На земле предварительный подсчёт показал: — сбито 3 Не-111, 3 Ме-109 (два мои); 2 Не-111 столкнулись сами, 2 Ме-109 улетели без лётчиков. Эту четвёрку записали в групповую победу. Потеряли один самолёт, на посадке подломилось шасси, наверно из-за повреждения (не бывает, что бы совсем всё хорошо), неудачно — борт на списание.

Доклад в дивизию. На связи ком див: — Тебя восемнадцатый ждёт, скажи коротко, как слетали?

— Налёт отразили, 6+4, свой один.

— Хорошо подробнее потом. Не возражаешь послушаю разговор с восемнадцатым?

— Нет.

— Соединяй! — видимо связистам, — спроси разрешение послушать.

— Здесь восемнадцатый! Докладывай.

Сушков доложил в общем и по персоналиям.

— Хенкели столкнулись понятно, а чего из мессеров сиганули?

— Было похоже на панику.

— Паника, говоришь? А мне с радиоперехвата доложили, какой-то дракон там резвился?

— Не в курсе. У нас драконов нет, — слукавил подполковник,

— Есть позывной "Змей". Это он сбил первые два что прятались за облаками.

— Силён! Сколько у него?

— С этими 9 подтверждённых, есть в группе и не засчитанные.

— Награды, как фамилия?

— Красная Звезда, Смушкевич.

— Это не тот что в первом вылете четверых завалил и полк твой спас?

— Тот. Хотелось бы младшего лейтенанта ему?

— Хорошо. Пиши представление на него и остальных к наградам.

= Про переучивание и привилегию от комиссаров в курсе?

— Да!

— Я был против баловства, теперь понимаю они правы.

— Спасибо!

— Ещё не обсуждали?

— Лавочкина, ЛАГГ-5.

— Странный выбор. Точно?

— Точно.

— Раз решили, так тому и быть. Готовьтесь, приказ будет на днях.

— Конец связи. — привычное лётчикам.

— Конец связи. — квитанция.

ПЕРЕУЧИВАНИЕ-ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ.

Ещё три дня сидели в ДС, вылетали по заявкам, активно готовились покинуть насиженное место. Почти полгода насиживали, обросли барахлом как корабль ракушками. ОГМ к перебазированию готовилась с начала лета, а вот к перевооружению не очень, а зря. Теперь зная с чем придётся иметь дело, бросился на заготовку дюрала. На свалке обобрал всё что было похоже на алюминий, придал удобную для транспортировки форму. Эквилибристу обрезали крылья и кили. В прицеп грузить не стали, а разместили вместе с фюзеляжем на трейлере в специальных креплениях. Здесь же поместился и мотоцикл, и коляска (их я собрал ещё весной, когда мотался по округе за стеклом. Очень сэкономили время. Дабы не в ущерб службе). В прицеп грузили металл и расходники. Снимали с самолётов ПИСКи, укладывали в специально подготовленные ящики. С тех что ещё летают то же снимем. На все подготовленные к передаче установим штатные ПАК-1. Рации решили оставить, пусть ребятам будут. В кунг дополнительно сделали воздушный фильтр, ездить по пыльным летним дорогам ещё то удовольствие.

Наконец пришёл приказ: — Нас вывели из состава сил первой ВА, предписывали передать технику в смешной (смешанный) бомбо-штурмовой полк, аэродром и имущество ещё кому-то. Давали два дня на решение оргвопросов, ещё через два дня обещали выделить вагоны, что бы перебраться на базу Второго учебного полка на АС Савастлейка в 140 км от Горького. Там переучиться и прямо с завода получить новые Ла-5 (не ЛАГГ-5, Оказалось сегодня НКАП утвердило именно это название). Самолёты эти дни не заряжали, так что ещё два-три дня и будут крепенькие, но вполне обычные машины. Проблема только с драконом, написал подробную инструкцию по Экспериментальном мотору и топливу, будут соблюдать полетает ну, а нет так нет.

На перегонку лётчиков хватило без меня. Мы собирались ехать своим ходом, узнав об этом намерении к нам напросились оружейники со своим нехитрым скарбом в двух полуторках. Пошли договариваться с начальством. Препятствовать никто не стал. В штабе оформили проездные документы, на себя, на технику, на груз. С благословения того же начальства, ближе к вечеру, двинулись в путь. Остановились у расположения роты охраны, тепло попрощались с командирами, они оставались как и прежде охранять аэродром. Сведут ли ещё фронтовые дороги — неизвестно. На шлагбауме дежурил Степан. Попрощался и с ним. Всё больше ничего здесь не держит.

Первый перегон мы спланировали до Тулы. Минимум 150 км. На самом деле — покажет дорога. Скорость держали 30–40 км. Ещё только-только село солнце и было ещё достаточно светло. На очередном КПП, некий капитан решил отжать у нас транспорт. Документы его не впечатлили, начал брать на горло: — Всё для фронта, а вы трусы барахло в тыл вывозите. Всех под трибунал. Зачем трибунал прям здесь и расстреляю. Я понял — пахнет жареным, товарищ в неадеквате и предусмотрительно заварил застёжку кобуры его ТТ (пистолет портить не стал, а застёжку ему придётся вырезать). Капитан сильно удивился на не открывающуюся кобуру, а когда отвалились пуговицы на штанах, еле успел их подхватить и умчался в караулку. Григорий Иванович потихоньку вытащил наши документы из рук остолбеневшего бойца. Сели по машинам.

— Его действия скорее не законные, жаловаться никому не будет. — пояснил Гриша.

— А если это шпионы-диверсанты?

Остановили первый встреченный патруль, объяснили ситуацию. Те сначала тщательнейшим образом проверили нас. Мы не возражали. Потом пообещали проверить сигнал. Дальше ехали без приключений. На въезде в Тулу спросили где можно передохнуть, послали к комендатуре, там есть специальная площадка для транзитников (очень удобно, на проверку сами приезжают). Площадка оказалась оборудована удобствами: — туалет, кухня, вода, ещё и охранялась. Проверка- само собой. Отсыпались остаток ночи. Захватили часть утра. Надо было занести на оружейный завод отчёт по УБК. Народу нас было 7 человек пошли все. В комендатуре подсказали как найти, ещё и пропуск выписали. На КП завода созвонились с директором. Тот отмазался тем, что у него много чего делают и нас послал... — к начальнику цеха пулемётов, там представителя КБ найдёте. С этими ребятами разговор получился более продуктивный. КБшник забрал нас с КП, провёл в цех, в кандейку его начальника. Здесь отдали отчет по боевому применению их детища. Конструктор поблагодарил, углубился в изучение, а производственник повел фронтовиков похвастаться хозяйством. Аборигены чуть ли не открыв рот смотрели на это громыхающее, визжаще-свистящее действо. Василия резануло убожество логистических решений (а-то, 21 век), на вскидку можно было провести 3–4 правки, а если присмотреться. Он присматривался, присматривался, а когда хозяин, видя кислую физиономию, задал вопрос: — Что не нравится?

Его прорвало. Он тыкал пальцем налево-направо и говорил, говорил, говорил. Теперь начальник цеха слушал его приоткрыв рот. Здесь были очевидные вещи, которые, почему-то никто не заметил и заумь, которую он даже не пытался сходу понять. Наконец, когда Василий умолк, произнёс:

— Конечно языком молоть не мешки ворочать!

— Какие мешки, да мы тебе за пол дня и ночь производительность и качество в три раза поднимем.

— Никто не разрешит остановить цех, меня расстреляют.

— Ещё бы, а ты собрался жить вечно? А может не расстреляют, конечно не расстреляют наоборот наградят. За два часа сменная норма! Это называется оптимизация производства.

— А, была-не была! — словно шапкой оземь, — пойдём план прикинем. — они вернулись в кандейку. Сопровождавшие Александра техники ничего особенно не поняли, только Гриша свято верил, если друг сказал за два часа норма, так оно и будет! План получился просто красивый (в инженерном смысле).

— Может директору доложить? — робко предложил КБшник.

— Нет, загубит на корню.

— Точно расстреляют.

— Давай так, на расстрел идём вместе, — предложил Сашко. — когда всё получится...

— Если!

— Когда! Нас здесь не было. Вы всё сами. — уверенно завершил. — нам здесь светиться не желательно. Лады?

Начали с того, что смену закончили на час раньше, попросили оповестить вторую — сегодня не выходить, а завтра в первую на час раньше. Кто был сегодня в первую Завтра во вторую. В опустевшем цеху остались слесаря ремонтники, группа Александра (никто даже не заикнулся, типа нафиг надо. Железные люди!), начальник цеха, инженер-конструктор.

Работа закипела. Снимали, передвигали, ставили. На удивление слесарей вроде

прикипевшие гайки откручивались чуть ли не сами. Гриша работал подъёмным краном средней мощности. Сашко в тихаря шаманил станки, убирал люфты и зазоры, где надо добавлял прочности, где надо юстировал и естественно следил за общей картиной. По окончании времени второй смены примчался Директор. Ему доложили что цех не выдал ни одного ствола. Объяснений цехового не понял и понимать не хотел. Пообещал месяц расстрела и неделю повешения. Умчался докладывать, писать реляции и от всего открещиваться, всю вину взваливая на Начальника цеха, с чем сильно лажанулся. Как не хотелось, а примазаться к успеху, после таких реляций, не вышло никак. На удивление, больше их до утра не трогали. Закончили в 4 часа. Перевели дух. Стали подходить сменные рабочие. Группами и по одному с ними проводили инструктаж по новой организации производства, поскольку изменений технологии не было, все быстро втянулись. Пошли комплектующие. ОТК не находил брак. Доводчики почти не брались за напильник, комплектуя наборы к сборке. У сборщиков детали становились на место как будто всю жизнь там стояли!

В 8 00 в цех прибыл заводской особист. Понаблюдал за рабочим ритмом. Поинтересовался причиной простоя. Не особо вникая, понял главное — вчерашняя задолженность практически ликвидирована, темп нарастает. К вечеру рассчитывают 6 сменных норм.

— Вечером посмотрим, — повернулся и ушёл. Наши ребята покинули цех ещё до смены. Сашко остался посмотреть результат, теперь можно уходить, не успел. В цех нагрянула высокая комиссия, чуть ли не из главка. Разобралась в ситуации, а что разбираться если всё работает. Директору тут же досталось за верхоглядство, цехового обещали наградить по результатам. Тот то-ли забыл, то-ли выполнил обещание, но про нас не обмолвился ни полслова. Всё пора сматывать удочки. Ребята отсыпались, присоединился и я.

Вечером собрались стартовать на Рязань. Перед выездом подошёл старший группы вооружения. Поглядывая на меня, всё же обратился к Григорию Ивановичу с предложением: — если мы не сильно торопимся, заехать в село к его родителям. Это попути, за 30 км до Рязани. Мы даже не задержимся, какая разница где ночевать. Вся деревня будет рада, накормят, напоят и спать положат.

На счёт накормят выразили сомнение.

— Накормят! — решительно рубанул рукой, — последнее вынут, но накормят!

— Вот этого как раз и не надо, свои запасы имеются. А в остальном почему бы и нет, — решил старший сержант, — как село называется? Сашко глянь по карте?

Выяснилась ещё одна деталь. В группе служили четверо земляков, один- понятно, двое в соседних деревнях жили. Один 10 км ближе к городу. Старший не решился просить ещё и за них. Всё выразил тоскливый взгляд троицы, стоявших невдалеке паней.

— На месте решим! По машинам! — решил Гр Ив, видимо, беря паузу посоветоваться со мной. Так оно и оказалось. Когда уже втянулись в движение он поинтересовался моим мнением.

— Моё мнение — мы достаточно удалились от фронта. Можно не напрягаться ночной ездой. Предлагаю день погулять, ночь отоспаться, с рассветом выдвигаться. Нам нет смысла раньше наших в Савастлейку прибыть. Да и ребята дома побывают.

— Думаешь, можно местных отпустить?

— Нет на самотёк пускать не будем. Посмотрел по карте Елино 2-3км, Грачёвка 4–5 км, Дёмкино 11,5км по ходу движения. Я их на мотоцикле развезу. Им приятно и мы знать

будем где искать вдруг что. А утром ближних соберу, а третьего по ходу подберём.

На том и порешили. К селу Попадьино подъехали после трёх ночи. Оружейник подсел к Грише показывать дорогу, я не стал тесниться и в кунг не полез, пересел в полуторку, чтобы дорогу видеть. Возле нужного дома оказался небольшой пустырь, на нём и расположились, иначе всю улицу перегородили бы. Старший сержант Киселёв построил личный состав, огласил принятое решение. Возникшее оживление пресек инструктажем по правилам поведения, не слишком строгим и вполне разумным. За невыполнение пригрозил набить лицо провинившегося, показав чем будет набивать, в смысле кулак. Ближние выдали встречное предложение, мол они за пол часа сами добегут (им не объясняли какие цели преследует доставка), получили отказ и были направлены на помощь по снятию мотоцикла с трейлера. Было ещё темно, только возле кунга небольшой участок освещала переноска. Негромко гудел мотогенератор, во дворе заходились лаем собаки. Как раз к концу инструктажа появились хозяева. Как описать неожиданную встречу сына, брата, внука. Было всё: крики, охи, слёзы смех, объятия, хлопки, причитания, степенные рукопожатия, мешанина вопросов и такая же ответов. Чуть успокоившись, перешли к знакомству. Я, извинившись, предупредил что отлучусь ненадолго.

Коляску на мотоцикл навешивать не стал. На одиночке отвёз первого в Елино. Там переполох Был, примерно, такой же. Убедился что всё нормально — гость желанный, а то всякое бывает. Снял с багажника сидор, сказал завтра к восходу заберу.

— Не надо, к восходу сам приду. Здесь же рядом!

Хотели задержать. — Там ещё ребят надо развезти. — это поняли, сразу отпустили. Вернулся. Парень из Грачёвки как на иголках. Тут же вскочил на сидение. Немного притормозил его. Снял сидор, закрепил на багажник. Вот теперь поехали. Всё повторилось!

Теперь едем в Дёмкино. С ним договорились, как и планировали, заберём по ходу. Возвращался уже по светлому. Не успел остановиться, взяли в оборот. Оказалось вчера топили баню.

— Как знал, что гости будут. — хвалился хозяин, — а по честному, дед истопи, истопи кости, видишь ли у него болят. Сейчас чуть подтопили и хорош пар. Ребята сказали пока не попаримся, за стол не сядем. Давай и ты.

Стол, по случаю тёплой погоды, накрыли во дворе. Как Григорий Иванович не упирался, наши продукты не взяли. Осень, в деревне пока ещё сытно. Мяса мало, зато разносолов полный стол. Нашлось и по соточке. После завтрака, больше похожего на обед, вышли покурить на улицу, расселись на бревно лежащее вдоль забора. Если раньше вокруг нас крутились лишь ближние семейства. То теперь собрался целый митинг. Спрашивали обо всём, отвечали как могли. Гриша вперёд выдвинул меня как самого языкатого, трезвого и не курящего. Я не против. Закатил речугу, политруки прослезились бы три раза. Говорил правду ("Говорить правду легко и приятно"- цитата). О быте на фронте, о международном положении, о наших трудностях, о боях и планах, и главное:

— Мы победим! Наше дело правое! Победа будет за нами!

Скажите — шаблон! Наверное, но я чувствовал что людям нужны эти слова уверенности в нашей ПОБЕДЕ! Тем более знал, что это ПРАВДА. Было заметно, моя уверенность передалась людям. А тут ещё чуть пьяненький Гриша шепотком на всё село: — Сашко знает, что говорит! Так и будет! Погоним фрица от Волги до самого Берлина! Напоим коней в ихней Эльбе. Народ загомонил, слышались предложения за это выпить. Брожения прекратил Вопрос старшего сержанта: — А разве у вас сегодня нерабочий день? Вот война,

не война, а на халявку бухнуть желающие найдутся.

— Всё, Всё! — это хозяин, — фронтовикам с дороги надо отдохнуть!

Вдовушки зазвали наших бойцов на постой. Звали и Григория, но он предпочёл кунг. Отсыпались до вечера. Потом наш командир выделил продуктов длительного хранения и передал хозяйке, та приняла, а на возражения хозяина отрезал: — сейчас не надо, потом пригодится. Помогли по хозяйству, поужинали. Гриша принял соточку и пошёл высыпаться впрок. Ко мне подкатила Дочка хозяина, девушка, что называется в соку. Посидели поболтали на тему тяжело ли на фронте, есть ли девушка, а как же так без. Разговор скатывался на скользкую дорожку, поэтому аккуратненько свернул его. Наверное зря, сколько у неё счастья будет с этой войной.

Перед рассветом смотался в Грачёвку. Приехали, а тут целая делегация из Елино провожает земляка. Принесли пару огромных корзин с огородиной нам в дорогу. Опоздал как раз тот кто ночевал ближе всех. Пришлось посылать посыльного. Перекусили и в путь. Долгие проводы — большие слёзы. В Дёмкино проводы были не менее людные, благодарили Киселёва за разрешение на побывку родственника. Всучили таки что-то из продуктов. Тронулись. Проехали Рязань, свернули на Муром через Туму.

300 км позади.

— Это здесь Илья Муромец родился?

— Нет, в селе Карачарово, но рядом.

В гарнизон прибыли с последними лучами солнца. Наш полк прибыл ещё в первой половине дня. Орг вопросы в плане размещения, постановки на все виды довольствия и т. п. были решены. Нам осталось доложиться и влиться в текучку жизни. Мне предстояло разорваться на пополам, так как состоял в списках лётного и технического состава, планы подготовки которых никто не собирался синхронизировать. По технической программе с начала положился на конспекты Друга. К концу недели мне это надоело, взял все конспекты материалов которые преподавали мотористам. Прошгудировал и на следующий день сдал экстерном всю программу, сразив экзаменаторов вещами которые никто ещё не знает (откуда я мог знать, что они не знают. Они подумали, что только они не знают, а где-то это уже известно). Пальцев не гнул. Хорошо пообщались. Получил зачёт. Расстались вполне довольные друг другом. По лётной части произошёл казус. На меня не было никаких документов подтверждающих мои права на полёты. Повезло в том, что Сушков был шапошно знаком с командиром учебного полка. Полк занимался доподготовкой выпускников училищ, переподготовкой боевых лётчиков и техников на определённый тип, конкретно ЛАГГ-3 и ЛАГГ-5 (Ла-5), поэтому имелись некоторые юридические права. Иван Маркович объяснил знакомцу нестандартность ситуации. Тот пообещал провести проверку и по её результатам выдать соответствующие документы. Но, то-ли он сам не совсем понял, то-ли (скорее всего) на каком — то этапе сработал "испорченный телефон", мне назначили экзамены как окончившему переучивание. Нет худа без добра. Я за пол дня и ночь прошгудировал всё до чего смог добраться. На экзамене по матчасти преподаватели мотористы удивились, что я сдаю тоже самое, но уже как лётчик. Проверку посчитали не имеющей смысла, поставили пять баллов автоматом. Остальные несколько удивились и тоже с проверкой затягивать не стали. Экзамены по теории полётов, аэродинамике труда не составили. Консилиум выдал допуск на проверку лётной подготовки. Лётчик-инструктор тоже был не совсем в курсе, тщательно проверить и быть осторожнее (что он воспринял как: курсант тугой, может и убить). Внешний вид курсанта только усугубил первое впечатление — птенец, желторотее не

бывает.

— Давно летаешь?

— Самостоятельно с апреля этого года.

— Пять месяцев. Понятно. Кроме У-2 летал на чём либо? — сарказм так и струился из его слов.

— На У-2 не летал. УТИ-4 и И-16 в основном тип 24

Что-то не вязалось, вид птенца, поведение бывалого.

— Странно. На У-2 все летают.

— Так получилось.

— Ла-5 изучил?

— Да. Вот зачетка. Там стояли все пятёрки, даже у тех кто пятёрки не ставил принципиально.

— Зубрила! — вырвалось у инструктора.

— Ботаник! — тоже вырвалось, здесь это слово имеет основной смысл.

— Почему ботаник?

— Бабочек люблю. — причём здесь бабочки? хорошо углупляться не стали.

— У нас здесь есть один УТИ, — как раз подошли, видимо к нему и вёл,

— Давай на нём слетаем.

— Как скажете, кто на Ратте летал — на чём угодно полетит.

— На какой рате?

— "Крыса", так И-16 немцы называли. Ещё с Испании.

Пошёл в обход. Без Гриши мог только продиагностировать. Хорошего почти нет. Конструкция ушатана, мотор дряхлый. Так и доложил:

— Самолёт серьёзного пилотажа не выдержит.

— А ты не серьёзно. — снова вернулся сарказм.

— Хорошо, — вслух, про себя, — Достал Будет тебе не серьёзно!

Взлетели. Первая половина полёта показ школы. Всё ровненько, чистенько — отметил инструктор.

— Теперь по боевому, вы хорошо привязаны?

— Нормально!

Чёрт надо было подтянуть! — пришла умная мысль после первого каскада фигур на пределе прочности машины,

— Горизонт! — заблажил он в переговорник. Плотно подтянул ремни. — Давай дальше!" Сашко уже остыл. Без фанатизма открутил еще три каскада рассказывая перед каждым, что будет делать. Посадку выполнил академическую. Зарулили на стоянку. Пока покидал кабину инструктор отошёл подальше за хвост. Закурил. Подошёл курсант

— Разрешите получить замечания!

— У тебя какой налёт? — спросил вместо ответа.

— Чуть больше стапятидесяти.

— Боевые?

— Сорок восемь.

— Сбитые? — скорее утверждение, чем вопрос.

— Девять.

— Девять! — вскинулся инструктор недоверчиво.

— Это официально подтверждённые. — как-то виновато ответил курсант, будь-то его в

чём-то уличили.

— А не официальных сколько?

— Да кто их считает, — ушёл от ответа Сашко.

— А меня на фронт не берут, — неприкрытое отчаяние, — я пять рапортов написал!

— Кому-то птенцов учить надо.

— Да, ты меня извини. Мне невнятно сказали, я тебя за птенца принял. молодо выглядишь.

— А мне 17, - приврал. — Я тоже погорячился. Столько сарказма.

— Ещё раз извини. — пожали друг другу руки, — Михалыч. — типа представился. —

Слушай, как же вы по боевому летаете, если это был мягкий вариант и самолёт дряхлый?

— Вот переучимся, самолёты подготовим — увидишь.

— Хорошо. На Ла-5 слетаешь?

— Если можно?

— Нужно

Пошли на стоянку свежих истребителей.

— Выбирай. — широкий жест на ряд машин.

— Самолёт к полёту готов! — доложил механик.

Обошёл, позаглядывал, попросил поднять капот. Механик удивился, но просьбу исполнил. Полез для вида под мотор.

— В заднем ряду нижние цилиндры, масло натекло. Либо шатун сломается, могут цилиндры взорваться. Замените кольца. Хорошо бы поршни получше подогнать. Увидев расширенные глаза и приоткрытые в немом вопросе рты, продолжил, обращаясь к инструктору,

— Понимаешь, что бы победить нужно сначала выжить, а чтобы выжить техника должна работать так чтобы по ней швейцарские часы сверяли. Пойдём дальше.

Второй тоже забраковал, правда не по мотору. Его механик не менее круглыми глазами смотрел то на меня, то на Михалыча пока тот не рявкнул: — Что ты смотришь, записывай.

Третий удовлетворил. Связался с РП. Получил разрешение на взлёт. Пролетел по кругу, зашёл на посадку. Коснулся полосы,

— Взлёт конвейером. — Дал полный газ.

— Чего?

Поздно, уже взлетел.

— Я 16 617. Взлетел конвейером. Разрешите в зону.

— Разрешаю 617.

— Вас понял, разрешили.

В зоне покрутил простой пилотаж привыкая к машине. ВИдиние начинает подсаживаться. Третий день с Гришей не пересекаемся, надо заканчивать с его учёбой. Выполнил более сложные фигуры. Да! этого "буратину" строгать и строгать!

В конце рабочего дня, Михалыча вызвал командир полка

— Ну как проверил Смушкевича?

— Кто кого проверил?

— Что так?

— Да он из меня душу вынул, правда вернул с надеждой — побьём фашистов.

— Что силён?

— Не то слово, Это говорит я мягенько. Самолёт старенький как бы не развалился, по

фронтовому не выдержит и главное ни грамма бравады, словно извиняется.

— А, что за шорох навёл у техников?

— Да пошли на пятёрке слетать. Он на первом выкатил список дефектов, вплоть до того, что мотор взорвётся, само собой обосновал. На втором дефекты другие, но больше. Полетел на третьем. Кстати вы что-либо про взлёт конвейером слышали?

— Нет.

— Говорит, что фронтовики так заход на посадку отрабатывают. топливо экономят. Заход, полосы коснулся, сразу на взлёт.

— Ловко! Надо и у нас применить.

— Да, только никто про такое не слышал. Так вот, заставил инженер проверить. Всё подтвердилось и ещё на двух самолётах обнаружались сходные дефекты!

— Да? А мне не доложил!

— Доложит. Извините, что перед батькой влез. Вот такого фрукта мне подсунули и не предупредили. Я то думал птенец, не ловко вышло.

— Да я сам не понял. Попросил Сушков сделать документы. А то получается какой-то самоучка летает. А сегодня телега пришла, за крайний бой ему младшего лейтенанта присвоили. У меня в штабе первой ВА знакомец есть, так он мне такое рассказал и за бой и вообще! Сушковцы уже чемоданы собирали, а тут налёт: 27 Не-111 прикрывали 28 Ме-109, и поднять некого. Деваться некуда бросили как полено в костёр 20 И -16. И тут доклад: — налёт отбит, враг разгромлен и ретировался, потери один самолёт на посадке шасси подломил восстановлению не подлежит. Кстати ты у него позывной не спрашивал?

— Даже не подумал.

— Змей.

— Кажется что-то слышал.

— Так вот оказалось он так фрицев запугал, что двоих сбил, двое сами выпрыгнули. Бомбардировщики с перепугу метаться начали, двое столкнулись ещё и сбили штук шесть. Там правда не стыковка, он будь-то в двух местах сразу был. Но это не важно, история имела продолжение. Драконом немцы назвали потому что на борту змей нарисован — красный. Самолёты они передали в смешанный БШАП. И вот комэск на драконе со своим звеном полетели на разведку. Наскочили на группу 9 бомбардировщиков, 8 мессеров. Думали хана. А те увидели дракона, всё побросали и дали такого стрекача, наши только рот открыли. Раньше думали басня ходит. Теперь точно уверились!

— Чем это он их так пронял?

— Воот! есть мнение, что счёт у него к сорокезу подходит!

— Да, ну! А мне сказал девять.

— Девять это те от которых отвертеться не смог, железобетонные. Он от сбитых всячески открещивается. А ещё, сушковцы нашептали, набьёт подранков, ребята добивают, себе счета пишут, а он как бы не причём. У них какие-то ФКП новые, с прицелом совмещённые, Обещали кино показать. Там всё видно, не подкопаешься. Вот такой фрукт у нас, а с виду пацан пацаном, я даже засомневался, может не про него сказ. Ты последние сомнения снял. Дам команду Дмитричу, пусть пилотское выписывает.

Об этом разговоре Сашко, естественно не знал. Он готовил друга к сдаче экстерном. Грише учёба рассчитанная на интеллект средний и ниже надоела, идею воспринял с энтузиазмом, как и всё что предлагал Сашко. На следующий день Утро началось с сюрприза. На построении полка перед разводом на занятия Киселёву и Смушкевичу вручили

мамлейские петлицы и приказали привести форму в соответствие. Затем приватно сообщили что Киселёв допущен к экзамену досрочно. К обеду ОГМ имела документы о сдаче зачётов и экзамена, окончание будет со всем полком.

С завода пришло сообщение что вот-вот начнётся выделение самолётов для их полка. Мы подсуетились на счёт бригады приёмки прямо на заводе, обосновав тем, что в случае дефектов не надо гонять самолёт туда сюда. Военпред без энтузиазма, но согласился, позже похвалив себя за прозорливость. Бригаду назначили в составе ОГМ. Руководитель Инженер полка, поскольку он ещё переучивается, ВРИО мл. л-т Киселёв. Прибыли на завод со всем своим хозяйством. Военпред оказался вполне вменяемым, договороспособным человеком. Первый вопрос для него оказался неожиданным. Есть ли бракованные машины? Оказалось есть. На дефектной площадке находились три самолёта с которыми не знали что делать, хоть в разборку. Мы попросились на них потренироваться в обслуживании. Военпред выписал нам пропуска и разрешение базироваться на дефектной площадке. Прямо праздник какой-то. Фактически нам выделили рабочую площадку прямо на заводе, а то я переживал, где будем доводить до ума наши машины, а так как переделывать брак, то заводчане то-же будут рады радёшеньки. Мы заехали на территорию завода. Дефектная площадка была довольно большой, в данный момент на ней имелись выше означенные машины типа Ла-5 первой серии. Определились с местом для парковки нашего автопоезда, по совместительству мастерской. Натянули маскировочный брезент по совместительству навес для рабочего верстака. Вот такие мы, всё у нас по совместительству. Просканировали имеющихся претендентов, выбрали первый экземпляр, перекатали на площадку обозначенную как рабочая и на сегодня пошабашили (закончили). Захотелось пройтись по заводу, посмотреть где, как и что, если подумали — спереть, так нет! Контакттировать с заводчанами всё равно придётся. Заканчивалась вторая смена, сотрудники покидали рабочие места. И тут случилось! Потому, что в дверях одного из цехов, как позже выяснилось, по выколотке капотов (да-да, капоты выколачивались в ручную, индивидуально на каждый самолёт. ох уж это штучное производство!) столкнулись, вернее я столкнулся, фактически лоб в грудь с девушкой. Неандертальскую кровь выдавал рост (не ниже метр девяносто пять), мощноватая фигура, коротковатые ноги, длинноватые руки, не то чтобы узкий лоб, но густые черные волосы начинали расти чуть ниже чем принято. При этом лицо очень милое. На вопрос: — Здравствуйте. А что вы тут делаете? Ответила: — Я здесь работаю.

— Вообще то, я имел в виду производителе.

Её щёки так мило зарумянились, что лицо стало ещё милее. Конечно она никак не тянула на мой идеал красоты. Вот сзади со мной были не согласны. Гриша так засопел. Одного быстрого взгляда за плечо было достаточно. Друг попал! Слова сказать не может, надо спасать положение. Нет ничего проще. Слово за слово, познакомились разговорились. Звали её Екатерина, Катя, Катюша. Работала сменным мастером цеха выколотки. Производственные темы бесконечны. Проводили до проходной. Попрощались. Обещала завтра после смены заглянуть на наш бивак. Поплелись обратно к себе. Ещё поужинать надо сообразить.

— Ты чего молчал как рыба об лёд?

— Какой лёд?

— Блин горелый, Гриша не тупи (впервые назвал друга по имени).

— Аа. Да, я как гляну на неё так в голове всё перепутается. Тут ты ещё строчишь как машинка Зингер. Я пока слово придумаю, уже не в тему. А она на тебя так смотрит, аж

придушить хочется!

— Кого?

— Себя, чтобы не мешал!

— Дурак ты, Гриша. Во-первых не молчать же мне было. Во-вторых на хрен я ей сдался.

Она на тебя запала.

— Думаешь?

— Да что тут думать. В общем Гриша ты не дурак!

— А кто?

— Ты влюбился. Я за тебя рад, только не молчи, а то всё испортишь.

Утро начали с поиска "Журавля" и людей для снятия мотора. Приблуду посоветовали посмотреть у нас в углу площадки, людей спросить у дефектчиков. У них есть специальная бригада слесарей. В указанном месте действительно находились полезные приспособления. Домкраты, лебёдки, подъёмники и т. п., в том числе и "журавль" в полу разобранным виде. Собрали проверили. Люди тоже нашлись. И вот мотор уже на специальном станке, взятом там же где и подъёмник.

— Всё спасибо ребята! Дальше мы сами, будет нужно позовём.

Однако дела не заладились, и сила от Гриши какая-то взбаламученная. Промаялись до обеда. Начала проскальзывать мысль не переоценил ли я наши силы. В обед пришла Катюша. Посидели поболтали. Оказалось, она сегодня выходная, а потом три дня в первую смену. Иваныч снова молчал, я отдувался за двоих. Надоело. Пришлось пойти на хитрость. Обозначил будто занимаюсь делом, затем попросил Катю помочь.

— Вот здесь держи. Вот так облокотись, а то рука устанет. Надо подержать пока не скажу. Гриша, а ты вот здесь. Всё начали!

Что-то намазал, куда-то плюнул, короче изобразил процесс и слинял в кунг из за шпорки наблюдать, что получится. Получилось! А Григорий наш Иванович ожил. Говорят, но держат исправно. Можно заканчивать комедию. Всё отпускаю помощников и прогоняю от стенда, что бы не мешали. Катя бросила из подтишка благодарный взгляд. Вот зараза — догадалась. Ладно главное ГрИв заговорил. Ха! Сила выровнялась. Идёт ламинарным потоком. Поправились дела. Проект начал осуществляться. Через пару часов платонической любви Катя ушла. Друг подсел к верстаку на котором я занимался трансформацией элементов движка.

— Знаешь, я точно её люблю, и по моему она тоже небезразлична.

— Это она тебе сказала?

— Нет.

— О чём же вы говорили?

— Проблема у них в цеху.

— Давай угадаю? — Вот чем она его зацепила! — два капота в неделю и больше никак не выходит?

— Точно. Ты знал? Она тебе говорила?

— Знал. Не говорила.

— Я подумал, ты в Туле..., может и здесь также. Поможешь?

— Поможем, но не так. С утра займёмся.

— Спасибо.

— Дело не в тебе и не в Кате.

— Всё равно спасибо.

— Ещё вот, что: у влюблённых мозги не работают, это ты уже понял. Язык несёт всё подряд, что надо и что нет — это ты поймёшь чуть позже. Так вот постарайся не проболтаться про наши необычные возможности. Понимаешь, люди должны сами решать проблемы, халява расслабляет, перестают шевелить мозгами и руками. В итоге вместо малой пользы выходит большой вред. Если не понимаешь поверь на слово. Молчок!

— Понял, хорошо.

Утром по раньше пришли в цех. Смена ещё не началась, но мастер была на месте.

— Катя я тебе говорил- Сашка поможет. Он обязательно что ни будь придумает. Он в Туле...

— Так стоп. — прервал я славословия, — прессы вижу, три.

— Четыре, вот там ещё малый.

— Ага, идём смотреть.

Прессы вполне рабочие, хоть и не первой свежести. Походя подправили, убрали люфты, уменьшили зазоры, подровняли стол и поршень, загерметизировали гидравлику, посмотрели узлы установки пуансона и матрицы. Девушка даже не заметила.

— Старая оснастка есть?

— А зачем?

— Металл.

— Это за цехом.

— Покажешь. Гриша тебе таскать к нам под навес, пока не скажу — хватит, Катя давай лекала.

— Нам нужны.

— Я скоро верну. И вообще вам нет смысла мучаться.

— А вдруг не получится?

— Как знаешь.

Забрал Шаблоны. Вышли на улицу. Заглянули на кучу старой оснастки. Пойдёт. Катя подсказала где взять тележку. Да, так дело пойдёт веселее.

— Ты с нами можешь пойти?

— Пока нет. Пятиминутка у главного. Раздать наряды. Если ничего срочного не будет, можно подойти.

— Не можно, а нужно и не затягивай

— Хорошо.

Гриша загрузил тележку, я с лекалами и шаблонами пошли исполнять обещанное. Пока разложил на рабочем столе вторсырьё, просканировал по составу, составил портрет конечного продукта в строгом соответствии с необходимым, тележка, не сама конечно, сделала три ходки. Пока хватит.

— Водитель тележки присаживайтесь, отдохните. Вам сегодня ещё будет работа.

— Ха! Ну ты заговорил!

Катя тем временем сидела на пятиминутке у Главного. Наряду с другими вопросами была поднята проблема их цеха. Капотов не хватало уже, а с нарастанием темпа выпуска грозила перерасти в катастрофу. Начальник цеха видел решение в увеличении количества рабочих, которых ему предложили родить самому, но потребовали нарастить темп.

— А как его нарастишь? — жаловался он Екатерине, по дороге к рабочему месту.

— А если штампы? — закинула удочку.

— Хорошо бы, но прессы у нас старые, разболтанные. Замучишься подгонять. Самое

главное нет ни матриц ни пуансонов.

— А где взять?

— Негде. Цех штампов и прессформ загружен на сто лет вперёд. Туда зам главного с магарычём ходит. А мы что можем предложить. Вот разве тебя, ты у нас девушка видная, умная, не занятая.

— Во-первых уже занятая (хотелось бы думать), во-вторых спасибо за умную. А вообще решилась бы проблема?

— Да, что об этом толковать, если бы да кабы... — подошли. — Наряд проведёшь?

— Как скажете.

— Добро. Я загляну к себе и в управление. Ты за старшую.

— Хорошо. А что там оружейники про Тулу так эмоционально рассказывали?

— Вчера пушкари приехали. У их директора конфуз вышел. Начальник цеха УБС модернизацию задумал. Нет, в тихаря провёл. Знал что не разрешат. Директор узнал и всем доложил что запретил, а цеховой самолично и т. д. Те не будь дураки за ночь всё запустили. Примчалась высокая комиссия, а тут всё шуршит и кружится. К вечеру 6 сменных норм дали, к концу недели по 10, на этом остановились. Потенциал выбрали. Некоторые решили — бесконечно будет, так нет. А делов то было станки переставить и по процессу что-то, не меняя технологию. Культура производства! Там только непонятно кто придумал. Поговаривают фронтовики к ним отчёт по пулемётам завозили. После них и началось. Ой, что-то я с тобой заболтался. Всё побежал. А что за парень?

Вот чёрт лысый, не пропустил. — Увидите. Пошла проводить наряд.

На столе лежали готовые отливки. С силой опять что-то не так, грубые манипуляции идут нормально, тонкие не удаются из за лёгкой турбулентности. Вдруг сила выровнялась, даже как-то уплотнилась. Глянул на Григория, проследил за его взглядом. Кто бы сомневался! Значительная турбулентность силы наблюдалась после первого расставания с Катей. Когда друг понял, что пассия к нему не равнодушна, в её присутствии стало даже лучше. При долгой (относительно) разлуке появлялась снова, правда не так сильно. Однако мешала. Что же делать? Не держать же их обоих возле себя? Проблемка! Вслух сказал Кате что ещё нужно минут 10–15 и отправил влюблённых в кунг дабы не отвлекали. Сила шла ровным, плотным потоком. Первичный и вторичный комплекты, не требующие высокой точности были готовы. Осталось сделать чистовой комплект с функцией обрубки, чтобы готовая деталь не требовала дополнительной обрезки и обработки. Смысл этих манипуляций в том, что в прессовке я понимал лишь то, что сильно гнуть сразу нельзя. Лист может порваться. А может и нет. Поэтому будем экспериментировать. Капот Ла5 состоял из двух больших симметричных деталей и нескольких мелких. Мелкими займёмся после, думаю с ними будет проще. Пробуем большую правую деталь.

Сила шла плотным ровным потоком, думаю не спроста. Дал голубкам ещё 10 минут и сам дух перевёл. Постучал, открыл дверь. Ух как отпрянули. Целовались! Губки то красные, щёчки розовые! Извините ребята, дело не терпит. Погрузили в тележку готовые комплекты. Покатали смотреть что получилось.

Посмотрели... Штамповка сразу в чистую не прошла. Порвали первый лист. Второй порвали начав с промежуточного комплекта. На лицах наблюдающих рабочих появился скепсис, а на Катином, читалась мысль как списывать перерасход металла. Гриша успокоительно поглаживал её по плечу, вот уж кто верил безоговорочно. Наконец третий пресс выдал отличную заготовку. Сразу на второй. Теперь чистовой. Прибавившиеся

наблюдатели ахнули. Перед ними на столе лежала великолепная правая деталь. Специалисты измерили все размеры, все кривые, всё таки нашли два зазора. Сказали — фигня, в допуске (для себя решил всё таки исправить). Качество обработки краёв признали недостижимым. И это за каких то 20-25 минут с ковырянием в носу. Народ ликовал. Тут же хотели запустить процесс. Притормозил. Провели чистовую штамповку сразу после первой. В цеху витала эйфория. Но я видел места перетончённого металла и безжалостно, смяв деталь, отправил в брак. Если бы не Гриша и его святая вера в меня мог нарваться на рукоприкладство. Вывод прост: операцию можно сэкономить, сделав промежуточную пару. Так сказать 1,5. Цеховые поняли замысел и предложили провести чистовую штамповку полуготовых выколоток. Проштамповали всё что было готово более 45 %. На вид великолепно. По структуре приемлемо, браковать не стал. Этот эксперимент привёл к неожиданной мысли. Первичные заготовки правой и левой детали близки, что если делать одну общую. Надо попробовать. Сняли всю оснастку с прессов, погрузили в тележку. Екатерина волевым решением прекратила выколотку больших деталей (по правым и так недельный план сделали, теперь уже верила, что и по левым всё получится), всех посадила на мелкие, и пошла с нами. Я был только за, а за Гришу и говорить нечего. На месте Сменный мастер хотела принять участие в процессе, но я её послал... в кунг, помощника туда же, проследить что бы не подглядывала. Получилось как в анекдоте: — В кунге любовь (пока не дальше поцелуев), а чтобы была пролетарская основа, за стеной (не далее 7 метров) ковали. Хрен с ним докуём завтра — не будет, нужно сегодня. Переделывал всё. Устранил огрехи правой чистовой. Заново изваял левую чистовую пару. В завершение вылепил пару для первичных универсальных заготовок. Перевёл дух и пошёл пугать голубков. А хрен, уже не пугаются. Переместились в цех. Все бросили работу, мастер не возражала. Работяги не только смотрели, помогали, а я подробно рассказывал, показывал, объяснял что, где и как. Наконец первая штамповка. Я переживал пройдёт ли универсальная заготовка. Если нет процесс на трёх прессах затянется на переоснастку и сортировку, хотя всё равно темп будет несравнимый с нынешним. Прямо момент истины. Первая заготовка. По структуре отлично. Ну же! Правая деталь на столе. Контролёры тщательнейше вымеряют. Ну же! Вердикт: идеально, ни одного зазора (зазор проверяют прикладыванием шаблона к кривой поверхности, просветы должны быть в допуске). Проверяем левую. Заготовка. Чистовая. Контроль. Аналогично. Теперь организовываем тех процесс. Мастер где демократично, где волевым решением назначила исполнителей. Запугал всех техникой безопасности: — без пальцев, а то и без руки остаться раз плюнуть, так что СОБЛЮДАТЬ!!! В ряду прессов средний будет делать заготовки, Левый соответственно левую деталь, правый — правую. Между ними установили столы для заготовок продуманной высоты.

— Зачем, и поддона хватит!

— Чтобы оператор пресса (!) не наклоняясь перекидывал заготовку на матрицу. Причём класть их на стол строго определённым образом. А то человек за смену так накрутится, навертится спины не разогнёшь и выработка у уставшего человека падает, и брак, и опасность травмы. А делов-то. "Культура производства!" (вот оно что, догадка осветила лицо Кати. Тула, "Культура производства". Теперь точно скажут Зайка ты сама всё придумала мы не причём).

— Мы в таком плане не думали, а надо! — чесали затылки местные.

На среднем стол стоял перед станком, на нём работали двое, на боковых по одному. Суэта закончилась. Пробный пуск. Вначале медленно, затем всё быстрее и чётче процесс

пошёл. Катя всё запоминала, вникала во все тонкости, всяко ей придётся организовывать вторую смену. До обеда успели оснастить малый пресс парами пуансон- матрица для мелких деталей, их придётся переставлять по необходимости. Всё нам здесь больше делать нечего. Вышли за ворота цеха Катя прилюдно поцеловала Гришу,

— Вот так всегда, я тут кручусь юлой, а все пряники Ему, — указал пальцем, кому конкретно. Девушка наклонилась и поцеловала в щеку.

— Катя, тут такое дело, — тихо начал я.

— Догадываюсь, я всё придумала и организовала сама вас здесь не было, вы не причём?

— Тааак! и откуда такая догадливость? — гневно взглянул на товарища, тот двинул плечами, мотнул головой, мол я не при делах.

— Да о вас уже тульская легенда ходит, только не знают, что это конкретно вы.

— Плохо!

— Что же плохого! вы какие молодцы! Понимаете какое дело свершили!

— Только начнётся дай то, дай сё, привыкнут, сами работать перестанут и плевать что война, что люди гибнут.

— Это да, ведь вся загвоздка в штампах была, а в их цех на кривой козе не заедешь.

— Предложи глубокую, независимую ревизию провести и особистам подключиться.

— Ладно, совсем отмазать не получится, вся смена видела, скажу оснастку на стороне заказала, если совсем прижмут, скажу через вас, тогда уж сами выкручивайтесь. Вообще-то идея перевести стрелки на цех штампов, хорошая идея. Всё пока. Освобожусь загляну к вам, не возражаете?

— Абидет хочешь, да! — естественно с грузинским акцентом.

Наконец занялись своим вопросом. Ничего не мешало, сила лилась ровным, плотным потоком. Понадобилась чисто физическая мощь и навыки Напарника. Двигатель доводили до уровня стандартного М-82ФН с фор камерным зажиганием под стандартное сейчас топливо, соответственно комплектовали и настраивали топливную аппаратуру. Фюзеляж в плотную приблизили к Ла-7 по аэродинамике, механизации крыла (предкрылки, закрылки, управляемые триммера), подготовили место под прицел (пока не ставили), под вооружение — электро-спуск, конструкцию дутика (хвостовое колесо). Что хотели укрепили, что могли облегчили, что нужно увеличили (в частности топливные баки, за счет оптимизации пространства). Возились долго. Надеялся что отработаем технологию с остальными пойдёт легче. Катя на обед не пришла. Гриша — хоть бы что (по структуре силы вижу). Вот человек веры! НЕ смогла! Сможет придёт, ни каких сомнений. Я даже заревновал, раньше только в меня так свято верил, теперь вот...

Катю вызвали на вечернее совещание к главному. Началось с того, что к концу смены проявился начальник цеха причем сразу в своём кабинете, через личный вход. По громкой пригласил сменного с отчётом по работе. Мастер вошла и положила перед ним ведомость. Прочитал цифры по деталям, по готовым комплектам, они с трудом помещались в голове. 0 в строке брак вообще не поместился. Открыл рот, закрыл, ещё раз прочитал, снова открыл и уставился в бумагу. Катя аккуратненько пальчиком вернула челюсть на законное место. Это помогло очнуться.

— Запустили линию по механической выпрессовке, качество приемлемое (поскромничала), темп наращиваем. Сентябрьский наряд ручной выделки закрыли, Октябрьский на 3/4.

— Как запустили?

— Я же вам утром говорила (разговор действительно был), Вы не возражали, отметили трудности, мы их преодолели.

— А прессы?

— Наши.

— А оснастка?

— Я на стороне заказала.

— Уже сделали?

— Сделали, установили, помогли запустить!

— Фантастика! Самое интересное, я сегодня пол дня пытался продвинуть этот вопрос.

Меня послали, ну знаешь куда. А главный давит мы серию задерживаем. Я жалуюсь, а мне ты начальник — решай. Хоть в петлю! Пойдём покажешь!

Спустились по узкой боковой лестнице в цех. Ещё на верхней площадке, окинув панораму, не узнал помещения. Вместо стука деревянных молотков размерное уханье больших прессов, частая дробь малого. Несуточные движения подносчиков листов, откатчиков готового, контроль и формирование комплектов.

— Надо обсудить ещё вопросы.

— Давай. — на ходу согласился начальник, знакомясь с процессом.

— Там, — Указала рукой, — осталась свободная зона, Думаю под штучные заказы, всё равно будут, поэтому и чеканщиков, особенно хороших, надо сохранить,

— Разумно.

— Теперь плохое, — начальник вскинулся, — у нас перерасход, три листа. На пробе порвали, когда регулировали.

— Тфу на тебя, Катя, я уж подумал. У нас брака ноль, а ты... Кстати ноль по нашему учёту?

— Нет из сборочного.

— Тем более.

— Ещё один вопрос. У нас просили обрезки, их не много получается. Мы приспособились из больших кусков малые детали штамповать, это как бы оплата за услугу.

— Катя, о чём речь. Больше ничего?

— Вроде всё.

— Ты молодчина! дай тебя поцелую, — не дотянулся, махнул рукой, — пошли раскладки посчитаем.

Вновь поднялись в кабинет, — Тебе придётся во вторую остаться, организовать, так сказать процесс.

— Понятно. — понуро потянула та.

— Не переживай, я тебе всё проведу! — хлопнул себя по лбу, — ты же у нас тепер девушка не свободная, может отгул?

— Два.

— Втянемся в ритм, получишь.

Зазвонил телефон, — Да! Ясно. Хорошо. Понял. — положил трубку.

— На вечернее совещание к главному со мной пойдёшь.

— Понятно. — свидание откладывалось.

Пришли рабочие второй смены, слух о реорганизации к ним дошёл с кучей домыслов. Поэтому собранию перед началом работ никто не удивился. На нём присутствовали мастер и несколько рабочих 1ой смены. Мастер 2ой смены сказал что сам пока мало что знает и

предоставил Слово коллеге. Екатерина пояснила причины (всем известные), суть и технические нюансы. По сути мастера чеканщики остались пока без работы, вообще мало кто остался на своих операциях. Перераспределение шло со скрипом, то-ли дело в первой смене когда чудо произошло на глазах. Вход пошёл административный рычаг. Первыми назначили прессовщиков, по два на чистовые и малый прессы, четверых на заготовочный. Дальше распределять остался мастер смены. Катя повела десять выделенных человек показывать рабочие места. Начала, как и Александр, с техники безопасности, Пресс — это вам не молотком по пальцу, закончила то-же его словами о тех кто ходит с оторванной рукой, клянёт судьбу и начальство и никогда не признаётся, что по своей дури не соблюдал технику безопасности! Так что не взыщите, лучше я буду стерва, а вы с руками. Позже коллеге- мастеру всё повторила, добавив — следить и драть нещадно, у доброго мастера калек много. Когда распределение наконец закончилось. Рабочие первой смены показали все этапы рабочего цикла, затем 2я смена под их присмотром медленно повторила, дальше постепенно втянулись в ритм. Продукция на выходе подняла настроение всем. Катя отпустила своих рабочих, хотела сходить на бивак, но передумала и поднялась к начальнику. Тот встретил её словами: — Звонили из секретариата, совещание через полчаса, Так что пошли.

Спустились в цех, ритмичная работа не вызвала нареканий, предупредили сменного мастера. Направились в управление. Совещание началось с того, что главный объявил о пуске линии по штамповке капотов, теперь они не являются тормозом сборки, предупредил тех кто сами могут стать тормозом, и если раньше они были в тени, то теперь выходят на первый план и им надо позаботиться о наращивании темпа производства комплектующих, дабы не задержать сборку и упаси бог сорвать план. Вопросы есть? Подал голос Начальник цеха Штампов и прессформ: — А как с качеством капотов?

— А в чём дело?

— В том, что оснастку делали на стороне, чуть ли не в подвале. Чего там наляпали и какое качество я представляю.

— Это так?

— Инициатива и исполнение Екатерины Васильевны, с моего ведома. Она доложит.

Катя огласила заранее продуманный доклад. Раздалось язвительное замечание, понятно чьё и явно в расчёте смутить: — что любовник подсуетился!

— Конечно! Приходится на стороне заказывать, У вас же снега зимой не выбьешь, не то что оснастку, зажрались вы до крайности, а на фронте люди гибнут без воздушного прикрытия, видимо давно надо ревизию у вас провести, глубокую, независимую, может зашевелиться. И товарищей подключить. — Взглянула на сидевшего сбоку особиста. К удивлению тот согласно кивнул, что-то записывая в блокнот.

В большом кабинете повисла тишина, а говорун заметно побледнел.

— Так что там с качеством? — попытался разрядить обстановку Главный.

Поднялся начальник ОТК: — Качество отличное. По просьбе Екатерины Васильевны первые поступления проверяли поштучно потом всё таки перешли на выборку. Главное все сделаны как под копиру. На сборке нет необходимости в индивидуальной подгонке. Экономия сил и времени очевидная. С нашей стороны претензий никаких, ни перетяжки, ни провисов, по шаблонам вообще небывалое — ни одного просвета, если и дальше будет такое качество, то не мешало бы поощрить инициаторов.

— Хорошо понял. На сегодня заканчиваем. Помните, что сказал вначале. Свободны.

Расходились со смешанными чувствами.

— Ты нажила себе смертельного врага!

— А пусть не порочит имя честной девушки, это во-первых.

— А во-вторых?

— Сегодня услышала " собираясь убивать, будь готов, что тебя тоже могут прикончить", как то так.

— Ладно отдыхай. Завтра увидимся.

— Ну на конец то освободилась, подумала оно и заторопилась туда, куда звало сердце.

На биваке под навесом рядом с кунгом стояли два заметно отличающихся самолёта. Вчерашний с мотором на мотораме, двигатель второго установлен на станок. Ребят не видно. Мельком взглянув на эту картину, постучала в дверь. Парни готовили ужин, праздничный.

— Я тебе говорил Раньше начнём, раньше прибежит, на запах!

— Ох и язва ты Саша! — сказала беззлобно гостя.

— Что есть, то есть! — согласился тот, — присаживайся, ещё чуток и всё готово, цветов только не нашли, если честно и не искали, извини некогда было. Второй закатывали. Видела?

— Ага.

— Давай рассказывай как у вас там, карусель закрутилась?

— Не то слово! — начала описывать события сегодняшнего дня подруга.

Слушая её закончили сервировать стол, расселись.

— Предлагаю по пият за удачное завершение, — Предложил Сашко.

— А, давай! — махнула рукой девушка, — хотя ещё ничего не закончилось.

— Вина тоже не нашли по той же причине, — сказал разливая водку, себе из другой бутылки, — чем богаты, тем и рады.

Повторили за Сталина, за победу. Душевно посидели. Саша извинился: — У меня ещё работы, часа на три, может и больше. А вы не торопитесь, но кто последний тот и убирает. — сообщил убегая. Пусть вместе побудут, а сам принялся заканчивать с первым. Полчаса сила шла ровным плотным потоком, как всегда было, когда Катя была с Гришей. Теперь ток толчками начал усиливаться всё сильнее и сильнее. Оглянулся на кунг — окно закрыто светомаскировочной шторой. Видно сладилось у голубков и это отразилось на мощности потока. Это была Ниагара силы. Всё получалось чуть ли не на щелчок пальцев. Задуманное и проверенное на первом экземпляре провернул чуть больше чем за три часа. Остановился лишь когда открылись двери кунга. Катя безуспешно пыталась спрятать счастливые глаза, от кавалера веяло нежностью. Они даже не заметили, что под навесом стоят самолёты похожие как две капли воды. Влюблённые потопали провожаться, а я на откидную полку. Возвращения соседа не слышал, но безжалостно поднял ни свет ни заря. На него было возложено добыть слесарей и возглавить установку готового мотора на второй экземпляр. Сам пошёл искать военпреда. Нужно было решать вопрос с приёмкой, перегоном, бумажным сопровождением того и другого. В общем освободить место под навесом, и искать новых кандидатов на обработку (а то один остался). Подполковник нашёлся быстро: — Что значит вы берёте бракованные?

— Ну, они уже не бракованные, мы их слегка переделали под себя, так что всё в порядке.

— Нет, всё равно так не пойдёт. Сначала их должны принять в ОТК. Оформить бумаги. Затем заводской испытатель должен облетать, кто бы ещё согласился их облётывать.

— А если я сам?

— Ты то каким боком?

— Я лётчик, все документы есть, вообще мне на одном из них фрицев бить. Так сказать для себя стараюсь.

— Ладно, до всего этого ещё дело должно дойти. Пойдём покажешь, чего вы там на ваяли.

Заливистый свист и сбитая на затылок фуражка в полной мере показали отношение к увиденному. Первый стоял полностью готов, на втором подчищали мелочи, пара часов и будет готов. Военпред хоть и списанный, но лётчик, всё оценил. Долго ходил, щупал, гладил, заглядывал, наконец спросил: — Говоришь для себя делал, уверен в нём.

— Уверен, но подлетнуть не помешает.

— Хорошо. Пойдём бумаги делать.

С ОТК проблем не было, раз военка приняла, им в плюс. Подписали не глядя. В ЛИС возникла проблема. Никто не хотел облётывать дефектную машину. Наконец уговорили Павла Анатольевича хотя бы посмотреть. Фуражка уползла на затылок, правда, без свиста. Осмотр занял минут десять.

— Хорошо, подавай заявку.

— Оба облёта разрешены. Заявка у диспетчера. Самолёты заправлены готовы. Сейчас вызову тягач. Военспец пошёл за тягачём, за одно попросил дать заявку на перелёт. На Савастлейку.

Пока ехал тягач. Испытатель сидел в кабине привыкая к ОУ, я висел на борту всё подробно рассказывая. Думал будет гонор показывать, оказалось нет. Пришёл тягач, на нём передали парашют, планшет, шлемофон с ларингами, перчатки, в общем лётческую приблуду. Выкатили на полосу. Опытный испытатель сделал пробежку, пару подлётов и наконец взлетел. Не убирая механизацию прошёл по кругу сел. Про-рулил. Взлетел. Почти час полноценной проверки. Мы пока подогнали второй. Сел. Выбрался из кабины, на лице смятение

— Это точно была пятёрка?

— Точно, я же говорил под себя вылизывали.

— Второй такой же?

— Ага. Анатольич ты пожалуйста не распространяйся.

Тот покривился: — не спросят — промолчу, спросят — таить не стану. Пошли второй смотреть.

Всё повторилось в точности. А мы приготовили первый на перегон. Бумаги, парашют, прямо к полосе привёз подполковник. Все визы стояли. Расписался и выпускающий испытатель. С Гришей договорились, отгону и вернусь на мотоцикле. Он пока готовит на перелёт второй. Перелёт прошёл штатно. Савастлейка встретила сюрпризом, Сушкова забрали на повышение. Полком командует Майор Попов. Фух. Хоть не варяг. А то начнёт мести новая метла.

Командир встретил первый самолёт чуть ли не на полосе: — Это Ла-5?

— Ага.

— Здесь не такие.

— Во-первых с повышением.

— Спасибо.

— Во-вторых, конечно не такие. В этом и проблема.

— Попытаются отжать?

— Обязательно, а если дашь кому-то слетать, в особенности начальству, отжмут сто процентов. Поэтому зачехлить, не показывать, самим не пробовать. Мол пятёрка, что её смотреть, вон их сколько. И вообще нам на них фрицев побеждать, нечего ресурс выбивать. В таком духе. Короче держись на смерть.

— Краски не сгущаешь?

— Как бы не наоборот, на заводе не утаишь, слух пойдёт. Ладно поеду, хочу успеть второй пригнать. Чехлов хватит?

— Хватит. На неделе полковой комплект пришёл. А как по самолётам, Нам учиться неделю осталось. Пара дней на экзамены.

— Всё что в моих силах. Кстати нам двухэскадрильный состав утвердили?

— Да. На новых у всех так.

— 24 постараямся успеть.

— 22 — звено управления 2

— Легче конечно, только себе опять в поле собирать придётся, а это долго. Ладно война план покажет. Давай до вечера.

— Давай. — неформальные отношения с комэском первой у нас установились давно. но и теперь он не дал повода, что-то менять.

Три часа езды на "мацаклетке", час на формальности, 15 минут полёта с заходом. Первый стоит на дальней площадке уже в чехле. Подогнал туда же и свой. Техники встречают наши, Чехол приготовлен. А Витёк-то проникся, молоток.

Вечером обсудили ещё одно соображение. Я по факту потерял сегодня день.

— на административную часть начальник штаба, инженер тоже готов.

— Нет у Тимофеича и у вас работы хватит, а Палыч как раз, он и так у нас официальный руководитель группы приёмки.

— Да? Не знал, тогда сам бог велел. Пару техников вам в помощь?

— Не помешают, но чтоб работать, а не, ну сам знаешь. И радиста желательно. Ещё, Сергеич, лётчиков на перегонку, человека четыре, не больше. Готовых нету? Понятно по бумагам.

— Завтра определимся. Утром рано У-2 на завод летит, я договорился, тебя захватит, так что спать.

— Вот за это спасибо!

Утром ни свет ни зоря, я на рабочем месте.

ХА! Под навесом стоят два красавца, перед ними на станках моторы снятые. Один понятно, второй откуда?

— Военпред сказал, вы договорились, проблемные нам можно. Я и приготовил к работе, как обычно.

— Молодца, дружище. Ты абсолютно прав. Мне хвост накрутили, время уже поджимает. Сегодня должна группа поддержки прибыть. Если будут перегонщики, вообще класс. Ещё одна задача для тебя, надо сделать штору вокруг рабочей зоны. И хотелось бы ещё одну зону с другой стороны, или эту расширить, либо удлинить под ещё одну пару. По поводу брезента попроси Катю, она здесь свой человек нам в займы с отдачей. На неделю надо или чуть больше.

— Как на неделю?

— А ты на всегда остаться хочешь? Война кончится — оставайся, а сейчас сам

понимаешь!

— Мы с Катей решили расписаться.

— Это вы здорово придумали. На фронт ты не собираешься, погибать тоже. Ты о ней подумал?

— И Здесь можно под бомбу угодить.

— Так-то оно так, но времени не дам, полчаса, час, ночью.

— Ага.

— Что ага, только в кунге, не дальше 10 метров от меня.

— Подслушивать будешь, — ещё и стебается гад.

— Нужны вы мне! Всё дуй к невесте, Узнай на счёт брезента, Сделай ей официальное предложение. Как смена заканчивается, ни секунды задержки мчитесь в ЗАГС. Там смотри будут на испытательный срок настаивать, Говори мне на фронт, таким без испытательного можно. — поднялись в кунг, — вот деньги...

— у меня есть.

— Это мой подарок, купишь цветов, вина, конфет, может что ещё присмотрите. И Гриша, Христом богом и ЦК ВКПб заклинаю немедленно обратно. Свадебный ужин и брачная ночь здесь, обещаю не мешать.

Пока жених ковырялся в своей заначке, тут же на рабочем столе сварганил из модифицированного металла два обручальных кольца под золото, размер на глаз, маленькое не будет, а большое скатаю, и изящный по моим понятиям перстень со стразиком-стекляшкой (откуда камням взяться).

— Это на роспись, а это на помолвку. Смотри договоритесь и сразу обратно, про брезент не забудь, Лучше сразу этот вопрос реши, а то подумает что приданное требуешь. Всё иди. Не благодари.

Сам достал пластину аккумулятор (от постоянного контакта, сила в ней была скорее чёрной, чем фиолетовой), надел сумочку через плечо и пошёл размечать контуры машин по отработанной технологии. Гриша вернулся примерно через час с тележкой полной алюминиевой обрезки. Сверху лежала скатка брезента. На одну штору достаточно.

— Это было у них в цеху, для второго места обещала раздобыть. По второму вопросу ответ положительный, на всё согласна. Обещала расцеловать автора такого замечательного перстенька. Подошёл на средний палец, на безымянный великоват. Я тут же подкорректировал обручальное.

Наконец занялись самолётами. По отработанной технологии и проведённой разметке, благодаря спокойной и могучей, как сам парник силе, дела пошли уверенно. Ближе к обеду появилась группа поддержки. Пришлось прерваться. Радисту поставил задачу по оснащению изделий рациями (у нас был в запасе десяток, но этого мало), а пока попросил помочь механикам во главе с Григорием Ивановичем развесить штору и подготовить второе рабочее место. Это сейчас важнее. Лётчики обещали прибыть завтра. Грише поставил задачу распределить работы, а самому исполнять поставленную утром задачу, так как первая смена заканчивается. Сам повёл старшего группы представляться местному начальству, заодно налаживать контакты. Всё же не с нуля начинать. В военной приёмке обрадовали ещё парой кандидатов, в принципе рабочие машины. Заводские канючат, мол в допусках, на самом деле за и местами не слабо.

— Если вы возьмёте мы упираться не будем.

— Мы то возьмём, взяли и хуже. Смотрите разбалуετε. Нам 22 самолёта выделили и

лафа кончится. Брак другим совать начёте, а у них такой как у нас возможности нет.

— Понимаем. И ты пойми, серия отлаживается, войдут в ритм такого уже не будет, сейчас продержаться. Со всех сторон давят. Вы как волшебники явились. Вчера пара дополнительно в сводку пошла, Говорят, это вы в капотный оснастку добыли, там вообще праздник труда. Завтра, послезавтра ещё пару доведёте. Заводским хоть чуток роздых им и так не сладко.

— Пара будет сегодня. Темп придётся наращивать. Через неделю полк должен быть укомплектован. Что можете предложить?

— Сейчас выкатывают 7–8, максимум 9 машин, но они все расписаны.

— Мы тоже в заявке есть!

— Вообще-то, да.

— Надо! кривых, хромых, главное в комплекте, 4 штуки в день. Пал Палыч это будет ваша забота, ещё связиста, по рациям, авторитетом поддержите.

— Да у тебя, самого смотрю авторитет, дай бог.

— Если по четыре выбьете мне в гору глянуть некогда будет.

— Что по сегодняшней паре?

— Нам самим забрать?

— Зачем? прикатят!

— Хорошо. Заявку на утро. Облёт четырёх и перелёт на Савастлейку.

— Всех? А успеете?

— Должны. Нет обязаны! Товарищи командиры оставляю вас, побежал.

На биваке самолёты были зашгорены, второе место оборудовано, даже стояли два станка под моторы, не было брезента. Появился Гриша. Один.

— Что случилось?

— Всё в порядке.

— А где Катя?

— Будет к ужину.

— Как прошло?

— Отлично, спасибо что предупредил про испытательный срок, пригодилось.

— Кольцо подошло?

— Как в аптеке на весах!

— В аптеке кольца не делают.

Вот так с шутками-прибаутками установили двигатели на моторамы.

Пал Палыч решил вопрос с размещением и питанием, ребята ушли размещаться и питаться, обещали ещё вернуться. Прикатили два борта. Поставили на пока открытую рабочую площадку подготовили демонтаж моторов. Попробовал работать с моторами, не снимая. Неудобно. Оставил затею. Пришли Механики. Общими усилиями переместили двигатели на станки. Подкрался ужин. Появилась Катя с подружкой (видимо для меня), не угадала. Кроме жениха ещё пять парней, переигрывать поздно. Быстренько накрыли чем бог послал, типа свадебного стола. Поели, попили, даже попели. Я злой не потому что трезвый, а потому что дело стоит. Волевым решением, предельно аккуратно отправил четверых провожать одну девушку, предупредив что бы с петухами (очень рано) были здесь. Девушку это не касалось. Новобрачных отправил заниматься любовью. Себя на рабочую площадку, в надежде, что те дадут жару. Надежда оправдалась. Чего они там давали не знаю, но к пяти утра осталось установить двигатели на место. Нагло разбудил молодожёна. Поставил задачу

на утро. Залез на полку и потерял сознание на четыре часа. За это время невеста слиняла, два самолёта заправлены и полностью готовы к облёту. На других осталось зачистить мелочёвку. Чем и занялись. Через час, почти одновременно, появились перегонщики и испытатель. Пока Анатолич облётывал первую пару, подкатили вторую. Тот не на шутку разошёлся, что по четыре в день облётывать не подписывался. Захотелось дать в лицо. По пять шесть боевых в день, это можно, а четыре считай прогулочных ему не по чину. Пригрозили, что обойдёмся без сопливых. Назревающий конфликт вылился в пшик. Слушок о необычных переделках пошёл. Подтянулись другие испытатели. В общем облетали. Перегонщики улетели. К вечеру или утром вернутся. Пал Палыч ел свой хлеб не зря. Не успели проводить. Привезли брезент. Не успели развесить, тягачи притащили поочерёдно новую четвёрку. Радиста послали добывать рации. Оказалось нам по норме полагается 7 раций, 14 приёмников и ещё одно что ни будь. Заводские хотели что бы "что ни будь" был приёмник, нам нужны рации. Поменяли что ни будь и 14 приёмников на 6 раций. Но это без меня. Пока Гриша руководил распаковкой и перемещением моторов, дреманул ещё часика три. Потом к напарнику на минуточку забежала сменный мастер цеха капотов, по какому-то важному вопросу и на двух самолётах двигатели можно было возвращать на место, чем и занялась группа механиков под руководством младшего лейтенанта. Я перебрался на вторую площадку. Народ на меня недобро косился, моя роль в деле была совершенно непонятна, Вот Григорий Иванович Это да. Чего собственно я всегда добивался. В общем конвейер заработал во всю.

На Савастлейке Попову удавалось сохранять инкогнито, по заводу поползли слухи, хорошо без последствий. Когда мы отправляли заключительную четвёрку, поинтересовался у военпреда,

— Что за самолёт стоит в углу лётного поля на отшибе?

— Заметил! Я так и знал, заинтересуешься, ещё вчера вопрос провентилировал. Это один из первых предсерийных экземпляров. На нем технологию отработывали, по оборудованию экспериментировали. Фюзеляж ушатанный. Мотор, тоже из первых, ресурс закончился. Списан полностью и подчистую.

— А как с комплектацией, всё растащили?

— Не без того, но не всё. Короче можешь взять в подарок от завода. Вы здорово помогли, своими самолётами план закрыли, за это время, без дёрганья процесс отладили. Заметил, крайние экземпляры совсем приличные к вам пришли.

— Да. Хорошо. Спасибо. Беру!

— На него даже документы оформлять не надо, он нигде не числится. Будет твой личный, в штате полка светиться не будет, а то ведь и отобрать могут. По комплектации помогу, чего не будет хватать, скажешь. Как у вас место освободиться, прикатят, я распоряжусь.

Вот и мой самолёт обозначился.

— Я подготовил отчёт по нашим доработкам, самолёт и двигатель очень перспективные. Получилось вроде ответного подарка. Просьба не светить авторство. Нам это не к чему. Хоть себе его запиши.

— Ты за кого меня принимаешь!?

— Извини, я не это имел в виду, тем более не хотел обидеть.

— Ладно понял. — пожали руки.

Лётчики улетели. Механики убрали следы нашего пребывания. Возвращали взятые в долг оборудование и материалы. Молодожёны любили как в последний раз (может и в

самом деле последний — война). Я в закутке доводил до идеала самолёт на фюзеляже которого с обеих сторон от хвоста до капота был нарисован змей горыныч, извергающий пламя. Подразумевалось личный состав отправить на нашем автопоезде. В обед пришла Катя показала письмо от родителей. В ответ на сообщение о скоропалительном замужестве поворчали и пригласили в гости, хоть жениха показать. Движение мысли привело к заключению: — А зачем Гриша нужен в Савастлейке до отъезда полка? Правильно не нужен. Родители невесты живут в деревне в районе Вачи, т. е. почти рядом. Радиосвязь есть. Отгулы у мастера имеются, желательно добавить на свадьбу (хоть сколько, думаю у жениха максимум дня три — четыре). Девушка умчалась выбивать отпуск. Группу поддержки оповестили, что они добираются своим ходом. Те не сильно расстроились и довольно быстро исчезли. К вечеру появилась Катя с нехитрыми пожитками и отпуском. Неделю её обязанности будет исполнять сам начальник. Отъезд решили наутро не откладывать. Был обцелован, облит слезами, осыпан заверениями, что я самый лучший друг её и мужа, может будет время заскочить к родителям (это вряд ли), договорились о связи и наш тягач с значительно полегчавшим прицепом и трейлером покинули территорию завода. Площадка ставшая привычной, опустела. Лишь заправленный по боевому Дракон, укутанный в брезент, сиротливо стоял в сторонке. Переночевал по знакомству в кабинете у военпреда. С утра по раньше простился. Брезент вернул местным и хотел незаметно слинять. Не вышло. Только вырулил на старт, завыли ревуны воздушной тревоги. Оказалось, что именно на этот день немцы спланировали массированный налёт на промышленный центр Горький. Ну не оставаться же в стороне. Около трёх тысяч сил, молниеносно, вознесли в голубую высь красную машину. Картина была впечатляющая, но не радостная. Больше полусотни бомбардировщиков, прикрытия не видно (может радиуса не хватило). Что ж сами виноваты, как говорится, никто вас сюда силком не тянул. Собираясь убивать, будь готов на ответку. Доложил диспетчеру ПВО: — Я "Змей" взлетел с завода, Наблюдаю колонну бомбардировщиков врага, около полусотни, пеленг 240–250 градусов, Дальность 30 км, высота 3–3,500.

— Змей! Я "клубба" тебя наблюдаем, информацию приняли, пока один, поднимаем что сможем, Ближе 15 зона артиллерии не заходи.

— "Клубба" я "змей" вас понял ближе 15 не заходить.

Блин, наблюдают, Ну и ладно. Вперёд. Протянул линии силы от пластины к патронам. Прицела нет съёмки не будет. Подхожу к рубежу огня. Краем восприятия фиксирую взлёт наших истребителей, вот и помощь, а пока... траектория цели и снаряда пересеклись. Залп. Четыре заряженных снаряда разнесли юнкерс в клочья (может и бомбы сдетонировали). Ещё залп и его ведомый отправился догонять первого. Свечой вверх. Переворот. Заход. Залп. Ведущий правой девятки осыпается обломками на землю, залп — у ведомого стал двигатель. Уход в низ и в бок. Боевой разворот. Атака. Ещё один идёт к земле. Двое дымят убитыми моторами. Подоспела кавалерия сейчас пойдёт дело веселее. Организовал ещё трёх подранков.

— "Змей" Я "клубба" вошёл в зону, Выходи из боя.

Вот чёрт, увлёкся: — Я "змей" понял. Выхожу.

— "Змей" Я "клубба" лихо работаешь. Подтверждаю четыре. Следуй по плану.

— Понял "клубба". Я Змей" следую по плану, подтвердили четыре.

Сто пятьдесят км на самолёте, не успеешь моргнуть.

Связь с РП: — Я "Змей" разрешите проход над полосой.

— Проход разрешаю.

— Разрешили.

Скорость 450, Четыре бочки над полосой, Боевой разворот, Афганский заход и по полосе бежит необычная машина с красным драконом на фюзеляже.

На КДП: — Это называется проход?

Михалыч: — Вот Змей, обещал показать — показал.

— А что за самолёт, Вроде Ла, вроде нет?

— Змей! У него всё не по людски. А проход называется четыре сбитых. Дракон вернулся, КРАСНЫЙ!

Дракон вернулся!

Полк получил предписание в 16 ВА, #83 ИАД, Донской Фронт. Не восьмая ВА, но замес в этот раз крутой. Донской Фронт атаковал Северо-восточный фланг наступающих на Сталинград войск фашистской германии. Атака была сколь необходима, столь и слабо обеспечена. Главная задача оттянуть на себя силы врага от главной цели. Цена велика. Не прикрытых ни авиацией, ни артиллерией, немцы перемалывали наши части, сами несли значительные потери, были вынуждены оттягивать и оттягивать силы от города Сталина. В этой обстановке решение усилить 16 ВА закалённым в боях, с репутацией, на новой технике полком, выглядело более чем убедительно.

Вчера на транспортнике улетела передовая группа во главе с Нач штаба принимать площадку, готовить встречу (методика отработана). Сегодня техники расчехлили самолёты (шифроваться больше нет смысла). Готовят к облёту, параллельно имущество к перебазированию. Местные сильно удивлены, они-то считали, под чехлами стоят обычные лавочки, а тут вроде Ла, но разительно отличаются от привычных уже Ла-5

— Что за тип?

— Ла-5 СК. Экспериментальная серия.

— Ааа! (что ааа, всё равно ничего не понятно).

С утра облёты. Начала 1я, под руководством Ст. л-та Строгого. Пробежка, подлёт, круг и конвейером в зону. В воздухе и на земле словно рой шмелей вьётся. У бедного РП голова кругом. Хорошо вчера Поповцы (теперь уже) помогли планшет сделать. Большой стол с кроками аэродрома. На нём самолётики с флажками задачи. Два бойца их двигают, так, что сразу видно кто где, что ему нужно (светлая голова придумала, вроде какой-то японец). И конвеер действительно время экономит.

Подполковник Акуленко стоял за спиной РП, готов помочь в любую секунду, но тот справлялся уверенно, так что он просто наблюдал деловую кутерьму уже бывших учеников. Фронтовая закалка чувствовалась. Перед КДП собрался практически весь постоянный состав полка, как будто чего-то ждали. А тот кого все подспудно ждали, летать то и не собирался. До обеда успели облетать, соответственно каждый свой самолёт, управление полка и второй эскадрильи. На вторую половину смены осталось 8 машин. Гости и хозяйка потянулись в столовую. Продолжили, пообедавшие ранее лётчики второй АЭ. После принятия пищи Михалыч и пара его сослуживцев перехватили Александра на выходе из пищеблока.

— Саш, а ты когда облётывать будешь? Ты же обещал показать как надо летать, что бы выжить!

— Мне вообще-то не надо, я на заводе облетал, даже со стрельбой, — народ одобрительно загомонил, понимая о чём речь, это подтянулись любопытные, — Меня и в плане на полёты нет. Да и вчера вроде показал.

— Вчера не все видели. А в план Семёныч своей рукой впишет, гарантирую.

— Хорошо, — не стал ломаться Сашко, — первая часть, боевые хитрости, вторя просто показательная программа. Цирк для боя почти негодный. Попросите командира, после окончания облётов. Дело прежде всего.

Весть, что поповцы цирк будут показывать облетела гарнизон со скоростью недоступной звуку, возможно и свету.

Приземлился замыкающий, борт приняли заботливые руки механика, Сашко выждал 15 минут, понимая, что всем будет интересно посмотреть аэрошоу (слово пока неизвестное).

— Парта, я Змей. Запуск.

— Змей, я Парта, запуск разрешил. — Подполковник решил руководить самолично.

— Разрешили.

— Парта, Я Змей, На полосу.

— Разрешаю.

— Парта, Я Змей, Взлёт.

— Змей, Я Парта. Включил громкую, комментируй.

— Понял.

— Взлёт разрешил.

— Взлетаю.

Взлетел, набрал 300, развернулся с обратным курсом: — Проход на бреющем с максимальной скоростью, боевой разворот.

Шаг газ на полную, над полем высота метров 10, скорость под 800. Над торцом боевой разворот, косой в право. Лётчики прекрасно понимали, какую перегрузку должен испытывать лётчик, чтобы выполнить такую фигуру. Если бы у него на хвосте сейчас висел враг, удержаться у него не было ни какой возможности. Дальше пошла размазанная, не симметричная кадушка, различные скольжения, некоординированные развороты и т. п. имеющие целью сбросить с хвоста противника. Эстэты бы покривились, Лётчики заворуженно наблюдали эту варварскую красоту. Первая часть закончилась. Дальше начался цирк. Пошли классические каскады фигур высшего пилотажа. Самолёт позволял такое, о чём сейчас даже не помышляли. Конечно для кобры нужен эквилибрист, но колокол получился изумительный. С земли это выглядело так: самолёт практически над центром полосы свечой ушёл в верх. Ни горкой, ни переворотом не завершилось. Просто начал замедляться сохраняя вертикальное положение, пока полностью не остановился. Повисел казалось минуту, и начал падать хвостом вперёд. Кто-то просто зажмурился, "ах", "твою мать", "убьётся" были самыми мягкими восклицаниями. Но машина плавно перевернулась в подобающее положение, взревев мотором перешла в горизонтальный полёт, развернулась и зашла на посадку.

— Парта, Я Змей задание закончил. Посадку. — Раздалось из громкоговорителя в абсолютной тишине, казалось исчезли даже звуки природы. Ничего не получив в ответ, Змей всё же приземлился.

— Ты... Ты.. — Подполковника перебил другой голос, — Змей, ты что творишь!?! — все поняли, что Попов тоже в шоке.

— Как что, я же сказал "Колокол"!

— Убью гада! — Слушатели громкой были полностью согласны с майором.

Вот тебе на, повеселил народ!

Только Михалыч на общем фоне выглядел невозмутимо:

— Змей, есть Змей. Что с него возьмёшь!?

Строгать меня не дал, командир учебного полка. Пожал руку:

— Правильно сказал Михалыч. Вынул душу, вернул уверенность побьём фашиста! Но ты так больше не шути, а то наши начнут повторять и побьются с дуру. Всё пошло, цирк закончился.

Я пошёл проводить после полётную, Обслуживание дракона доверить было некому. Ещё

в полёте вышел на связь ГриИв, коротко: "выезжаю вечером". Хотел сам вызывать, а тут. Или телепат, или что-то случилось, или и то и другое.

Друг добрался по тёмному. Встретил. Действительно случилось. Оказывается Катя ещё на заводе хотела уволиться и ехать с нами. Не отпустили, ценный кадр. Решила дома через военкомат слинять, а те связались с заводом. Там не слава богу. Погиб во время бомбёжки её начальник, не на заводе. Вообще в городе. Ей срочно ехать принимать цех. Таким образом медовый месяц уложился в две ночи, один день (День приезда, день отъезда не считать). Отвёз жену на мотоцикле в Павлово, посадил на поезд, и вот он здесь.

Я довёл до него план на завтра.

— Основная группа техников и наземных служб отправлены сегодня железнодорожным транспортом. Остался минимум, чтобы завтра выпустить самолёты. Все готовы кроме моего, случился не плановый расход бензина. Ждал тебя, нужно модифицировать. Обещали с утра подвезти автомобильный неэтилированный в бочках. За одно и тебя пополним. Вам 750–800 км пилить. Как думаешь 10 человек в кунге поместятся? Ехать дня три-четыре.

— Не девочки, потерпят.

— Старшим у вас будет комиссар. У него все документы. Да, ещё надо будет пробежаться движки зарядить, мало ли что на перелёте, опять же экономия топлива.

— Всех не успеем.

— Успеем. От тебя такая силища прёт! Вот что делает с "людьми любов".

— Болтун.

— Нет на самом деле, ты как в Катю влюбился, на уровень поднялся, даже выше, чем тогда в декабре.

С утра, как ни странно, всё прошло по плану. Бензин привезли вовремя, спокойно обработали. Были у меня сомнения как Гришина сила поведёт себя без Кати, оказалось практически без изменений, Ниагара низвергалась с прежней мощью (видимо дело в вере). Пластина за ночь вновь стала фиолетово-чёрной. Заправили самолёт, довели запас на сцепке до 800 литров (4 бочки), ну и расходные заправили.

Механики готовят самолёты. Местные и службы обеспечения — помогают. От машины к машине, легкой трусцой бегут, всем известный со вчерашнего дня, паренёк и приметный младший лейтенант. При их приближении Механик спешно открывал капот двигателя, те замирали на минуту-полторы и потрусили к следующему, там так же заранее, открывается капот, всё повторяется.

— Это чего они? — Удивляются местные.

— Ритуал у нас такой. Змей с Григорием Ивановичем Удачей делятся.

— И как помогает? — скептически хмыкнул, кто-то из местных.

— У нас тоже были сомневающиеся. Дело было в декабре, Слёг Киселёв на неделю думали помрёт, а они друг без друга никак. На третий день самые легковуры заголосили. Когда выздоровел его чуть не на руках носили.

— Такого понесёшь! — с сомнением.

— Ну не на руках на саночках возили от самолёта к самолёту, только бы удачу вернуть.

— Не вероятно!

— А то! Но сам посуди. У нас все лётчики с начала войны летают, в полку все орденосцы, Лёшка Смирнов — герой. Вот и думай, может такое быть без удачи! То-то!

Ранний завтрак и в путь.

— От винта! — командую другу. Запуск. Прогрев. Отмашка, выруливаю вслед за

Кругловым. Теперь он прикрывает хвост новому командиру. И я тут рядышком. Поехали.

— 11601 я парта.

— Парта, 6,01 слушаю?

— 6, 01 твои вышли все, счастливого пути.

— Принял 6, 01. Спасибо.

— Конец связи.

— Конец связи.

— 6, 02 пристроиться справа.

— Справа разрешил.

— 6, 03 позицию занял.

— Принял.

— 6, 10 мои собрались.

— Принял.

— 6, 21 собрались, вас и десятого наблюдаю.

— Принял.

Дальше шли в радио молчании. Подпитываемый пластиной, видел весь боевой порядок. Высоту держал 2000 над ним. При подлёте, на пределе видимости, зафиксировал воздушный бой. Никаких указаний с земли не было, Да мы и так шли с минимальным остатком.

Встретил нас не ласково какой-то пропагандист, то-ли армейский, то-ли дивизионный, собрал в довольно большом зале уцелевшего здания не успевших толком ноги размять лётчиков и начал втирать в уши какие мы Г (в смысле резиновые изделия, не подумайте, что галоши). Тут все Героически геройствуют, а мы в тылу отъедались — отсыпались, никуда не торопились, по бабам шлялись. Попов тактично молчал. Не выдержал Строгий, высказал в своём стиле:

— Вы товарищ политрук что-то геройствуете за 100 км от фронта и вместо того, чтобы дать лётчикам принять пищу и готовиться к полётам, несёте полный бред,

— Это я бред несу!?! — грозно надвинулся он.

— Конечно. — спокойно продолжил Паша, — Мы выполняли приказ главнокомандующего. И вы считаете, что он не знает кого, куда и когда посылать?

Не ожидавший такого разворота политрук быстренько свернул выступление и свалил. Перед лётчиками вышел Синеватов: — Раз мы здесь собрались, доведу обстановку. Донской фронт продолжает наносить удары. Продвижение минимальны, успехи сомнительны, польза несомненная, враг оттягивает к нам всё больше сил и резервов. Несёт потери. Это на земле. В воздухе нам противостоят Ком ВВС "ДОН" и части четвёртого ВФ люфтваффэ. Превосходят во всём, в качестве (ну не нас персонально, а в общем), в количестве, в организации. У нас пока всё в стадии утряски и усушки. Количество постов ВНОС и качество их работы неудовлетворительны, наведение в близи линии фронта практически отсутствует. Работа ведётся, когда будет результат неизвестно. Вот в общем всё. Размещаться в уцелевших зданиях считаю опасным разве что на ночь. Постараемся как можно скорее отрыть землянки и полу землянки. Ощущаются трудности со строй материалами. От предыдущих хозяев мало чего осталось, по причине больших потерь. Сточили практически за полторы недели. Всем на обед. Командир тебе нужно выйти на связь с дивизией. Штаб пока в палатке, там и узел связи пойдём покажу.

— Сергеич, — Сашко пошёл рядом с майором, — пока Григорий Иванович не прибудет, на меня не рассчитывай, разве что подменным лётчиком на чей-то самолёт.

— По топливу?

— Ага, Гриша присадки везёт. — соврал, стыдно, объяснять долго и не объяснишь, результат тот же.

— Хорошо буду иметь в виду. Всё равно ты у нас сверх штата.

Дракона зачехлил и замаскировал. Два дня бездельничал, относительно. Подобрал приличное место для нашего автопоезда — мастерской, которое вряд ли кто догадается занять. Овражек на открытом месте, если чуть углубить и расширить, натянуть над ним маскировку, то сверху никто и не подумает сюда бомбу бросать, разве что случайно. Также принимал участие в земляных работах. Но толку от меня без напарника мизер. Только пластину на половину разрядил. А тут потребовался вылет. У Лёшки Смирнова, он теперь лейтенант, командир звена, Лёва Штерн ведущий второй пары. Так вот ведомый то-ли отравился, то-ли дизентерию подхватил, короче приболел. Взлетели, Задача — патрулирование, прикрытие войск. Ага звеном мы наприкрываем. Скепсис оказался неуместным. Благодаря пластине обстановку наблюдал на значительном расстоянии, что позволило вовремя заметить две тройки Ю-87, приближающихся к позициям нашей пехоты. Прикрытие видимо по вызову. А успеете? — злорадствую. Алексей их не видит, подсказываю, в том числе и манёвр, как нам выйти им в хвост и снизу. Лёва сразу вкурил, одобрительно гукает. Разошлись, Маскируясь на предельно малых. Сошлись ножницами. От задней тройки остался один ведомый, который сбросил бомбы на головы своих и теперь улепётывает. Первая тройка заметалась, втроем круг не построишь. Чувствую вызывают Мессеров, но тем лететь километров 50–60, то-есть 5–6 минут. А мы уже заходим. Снова ножницы. Я дальним одиночным выстрелом пробиваю кабину стрелка, Лёша этого не замечает и в упор разбирает юнкерс на запчасти (потом рассуждал, чего это стрелок молчал. Наверное пулемёт заел. Конечно заел, осколками головы стрелка заклинило). Лёва своего простил, Его ведомый нет. Фашист ловко увернулся от очереди ведущего и практически сам влез в прицел. Туда ему и дорога. Вторым ведомым немцев сегодня удача — бомбой по своим и драпать. Углубляться на чужую территорию не стали. Покрутились ещё над своими. Вышел на связь ГрИв. Они днюют за сто км. Ночью придут. Это хорошо. Будет топливо и эквилибрист, тогда держитесь фашики, будет вам превосходство.

Приехал друг ближе к двенадцати, три часа езды после дневного отсыпа, его не сильно утомили. Поэтому остаток ночи модернизировали овраг, укрепляли стены, натягивали маскировку. Въездов получилось два, через один мог выехать тягач, через второй планировал выкатывать "Эк". Трал частично разобрали и поставили сбоку "на попа". Маскировку сделали так что основное пространство накрыто все время, что бы не демаскировали въезды на них раскатывали убираемые лепестки. Всё спать — скоро утро. Главное замаскировались, остальное завтра, вернее уже сегодня. Где тут моя любимая полка!

С первыми лучами солнца, кстати не так уже и рано, пробежались по стоянкам. Самолёты четыре дня без зарядки. С такой силищей работать одно удовольствие.

Война, войной, а завтрак по распорядку.

Подошёл к командиру полка. Тот, естественно знал о прибытии остатков полка на базу.

— Привёз Киселёв присадки?

— Да. За час набодяжим. Заправимся, Буду боеготов.

— Хорошо. Задач пока нет. Занимайтесь. Кстати по профилактике...

— С утра провели. Были проблемы?

— Нет, по времени пора.

— Сергееч, у меня предложение, по использованию дракона и меня. Оповещение работает плохо, а я хорошо вижу в даль. Предлагаю использовать меня для дальнего обнаружения и наведения. По крайней мере пока.

— Хорошо, подумаем.

Для модификации желателен не этилированный бензин, на нём ездят машины, его мало. При обработке авиационного на дне бочки оседали присадки. Для ускорения процесса, сделали установку из трёх бочек. Одну установили на высокие ножки, вниз труба с краном для слива в подставленную бочку осадка. На высоте сантиметров 20 от дна в бок отходила труба для слива модифицированного топлива. Справлялись исключительно благодаря могучей физической силе друга, Ведь на вылет заготавливали не меньше пяти бочек.

В дальнейшем договорились с базой ГСМ, где используя присадки готовили авиационное топливо, сдавать им отстой с инструкцией как использовать, те напрягли своих химиков, которые признали положительный эффект и предложили не морочить голову себе и людям, если нам нужен не этилированный бензин, написать заявку. Лучше по отдельной ведомости чтобы не путаться. Занятия тяжёлой атлетикой для Гриши несколько уменьшились, так как наше топливо приходило всё равно в бочках, а не заправщиком.

Правда потом доработали насос, сначала, ручной затем электрический с мотоблоком И жизнь у напарника вновь стала прекрасна, хотя он и до этого не жаловался, в особенности когда приходили письма, в том числе с приветом для меня.

Это потом. Сейчас, не успели заправиться, посыльный из штаба.

Прибыл. У командира Смирнов и Строгий.

— Задача. Нам выделили зону прикрытия. Требуют непрерывного присутствия над зоной. Лапотники замучили пехоту до икоты. Первая АЭ, когда звеном, когда парой висите там. Режим смены и очередность определишь сам. Но первый вылет тебе Алексей, с вами пойдёт Змей, вы уже взаимодействовали, с этих соображений. Попробуем его в роли наблюдения, оповещения, по возможности наведения. Взаимодействие обговорите сами. Связист — Каналы.

— Согласно таблиц. Изменений нет. Позывные прежние.

— Метео — погоду...

Летим, погода — Золотая Осень. Я залез повыше. На подходе вижу тройку Ю-87. В наглую идут в направлении нашего квадрата. Осталось километров 60. Оповестил своих. Предложил маневр для атаки снизу. Смысл, немцы привыкли к тому что наши в наборе теряют скорость, догнать не могут, атака отсюда маловероятна, а мы то можем. Второе сверху Ю-87 прикрывает стрелок, третье на большой высоте наверняка заметит служба слежения немцев и предупредит. Правда возрастает опасность МЗА, но они попадают когда массированно и хорошо прицелятся. Одиночно, внезапно, врядли, хотя бывает всякое. Зашли отработали. У фрицев стало на три юнкерса меньше, а на их позиции посыпались их же бомбы и обломки.

У немцев сбор и анализ информации на высоте. Скоро разберутся, а пока приёмчик возьмём на вооружение. По болтались, сожгли топливо. Ни в близи ни в дали целей больше не наблюдалось. Отпустил звено на отдых и заправку. Сам остался. Я летал на экономичном режиме, да и запас топлива у "дракона" побольше.

С земли, несколько заполошно передали, что высылают замену. Порекомендовал не торопиться. Целей нет. Пока барражировал зафиксировал три аэродрома на пределе видимости (принадлежность определяю, если кто-то взлетит), и четыре места очень

напоминающие площадки подскока, сейчас пусты. Зафиксировал. Также нанёс на карту всё, что рассмотрел по наземным войскам. Особенно нехорошо выглядела танковая колонна. В пыли количества не видно, до передовой им ещё километров сто. Пришёл Строгий парой, связался на подходе, доложил обстановку, то бишь отсутствие целей в обозримом пространстве. Предупредил, что пошёл на заправку. Вернулся минут через сорок пять. Всё спокойно, но не долго. Проявили себя обнаруженные аэродромы, взлетает 6 лаптёжников и 8 мессеров. Видимо доделывать работу сбитого смирновцами звена. Лететь им минут пятнадцать. У Строгого как раз закончится бензин и смена. Вызвал землю, предложил срочно поднимать не меньше эскадрильи и на всех парах мчаться сюда. Пока взлетят, пять минут лёту должны успеть. У Строгого было большое желание по сражаться, не было бензина, как и смысла оставаться дальше. 2я АЭ уже начала под моим руководством строить маневр по эффективному уничтожению врага. С земли выглядело будто пара драпанула, заметив противника. Возможно и немцы отвлеклись подумав также. Удар наших ястребков получивший дополнительный элемент неожиданности был весьма эффективным. Всех не побили, однако все наши ведущие пар счёт пополнили. Будут крутиться бочки над полосой. Преследование посчитал не рациональным. Один супер горячий боец добил подранка, который и так скорее всего не долетел бы, Получил пробоину от МЗА (надо же понимать разницу внезапного пролёта и когда за боем наблюдают тысячи глаз с мечтой всадить что-либо железное) Задымил. Не факт, что теперь долетит сам.

Бой проходил над территорией противника. Хорошо, что у нас есть фотоконтроль. С земли мало что подтвердят. Горячий боец всё же долетел, фотоконтроль показал, что стрелял по уже горящему мессеру. Поступок Геройский, но в данной ситуации размен не уместный. Победу записали в групповые. Побед насчитали 5 безоговорочных. Две не зафиксировано падение, хотя я их подтвердил, моё мнение посчитали предвзятым. Сбитые Смирновцами признали все три. Там ни каких сусликов. Всё таки две пушки — сила! Если ещё и стреляют кучно. А наши ШВАКи — очень кучно с сегодняшнего дня. Вопрос эффективности стрельбы занимал с первого дня. Решал его насыщая силой, обойти нюансы не удалось. Способ остался только для личного пользования. Озарило когда в паре со Смирновым прицеливался в юнкерс. При стрельбе очередью пучок трасс напоминает воронку. Трудно сказать сколько раз её видел, понимал, это из за принципиальной невозможности, тем более при сложившейся технологии, сделать хотя бы два абсолютно одинаковых выстрела. Лишняя крупица пороха, грамм заряда или снаряда и уже имеем расхождение траекторий, тем более заметное, при увеличении дистанции и при ухудшении качества выстрелов. Сегодня на утреннем обходе, кроме работы с двигателем, стандартизировал все выстрелы в боеукладке. Теперь самая точная аппаратура не обнаружит расхождений. Воронка, без учёта вибраций самой пушки, сузилась до +/- 25 см на дистанции 800 м, а 30 % вообще шли по одной линии. Теперь надо будет решить вопрос со стандартизацией всех боеприпасов на нашем складе, что бы не бегать по самолётам при каждой зарядке. С "пушкарями" отношения отличные, проблем не возникнет.

На разборе полётов также проанализировали мои диспетчерские функции. Признали задумку более чем удачной. Пример пары Строгого показал, что держать группу со мной нет смысла, Лучше дежурить в готовности к немедленному вылету и подменять на время дозаправки. Подменять как минимум звеном, немцы получили по сопатке и малыми силами теперь не полезут. Дежурным не геройствовать сразу вызывать подкрепление. Синеватов на большой карте района показал разведанные аэродромы и площадки, Направления вероятного

появления противника. Разошлись, кто отдыхать, нам с Гришей ещё есть чем заняться. Сегодня топлива хватило в притык, а способ его приготовления пока ещё медленный. Напарник молодец уже всё приготовил, дело за мной. Потом ещё заправиться. Вопрос по снарядам видимо отложим на завтра, сегодня надо хотя бы договориться.

Утро встретил в воздухе. Опасались что немцы могут использовать раннее время. Опасения оказались напрасными, видимо эксперты не выпив кофэ, не съев бутерброд не летают. Они вообще кажется летают по вызову. Где наши зашевелятся тут же туда прилетают лаптёжники успокаивать непоседливых русских. Есть смысл пробивать оповещение о предстоящих действиях. Толк от вылета был только для разведки. Запросил подмену. Пока Гриша заправлял дракона, Плотно перекусил. Время дежурства звена заканчивалось, надо лететь. В соседней зоне зашевелились наши наземные части, немного постреляла артиллерия поднялась пехота. Квадрат не наш, Но рядом и главное люди наши, а к ним идёт девятка юнкеров. Прикрывают 12 мессеров и ещё 4 на площадке подскока. Вызываю наших, нюанс с квадратами умалчиваю. Подняли первую и звено управления, 3 четвёрки. Можно бы и больше, но нужен и резерв. Две четвёрки навалились сверху, две пары завёл сзади снизу. Снова прокатило. Сбили в общей сложности 3,5, немного, главное ни одна бомба не упала на наших солдат. Наши все живы, самолёты дома посмотрят, я пока остался на дежурстве. Через 25–30 минут появилась пара Як-1. Связь установить не удалось (тоже на заметку, почему?). Покружили минут 20 и свалили. Вот так прикрытие! Хотя, что я знаю о их положении, может это половина самолётов полка.

Всё. Время, вызываю подмену. Третий вылет как и первый в прогулочном ритме, вроде не воевал, спокойно покатался, а притомился. Отдых не предвидится, снова заправка. Договорились патроны отрихтовать. Кстати в бою было видно кто стреляет обычными, а у кого рихтованные остались. На разборе признали тактику оправданной. Вскрылось, конечно, что работали не в своём квадрате.

Попов сказал, на войне чужие квадраты за линией фронта с этой стороны все наши. Нач штаба и связи поставил задачу проработать вопросы взаимодействия с соседями и наземными войсками. Мне подготовить докладную по разведанным с крайнего вылета (блин ещё и это).

С оружейниками всё получилось проще простого. На вооружении у нас только пушки. Пулемёты, РС, бомбы — отсутствуют. Поэтому в углубленном капонире имелся только штабель ящиков с 20мм выстрелами. Отрихтовали их все под единый стандарт. Григорий Иванович (как и договаривались) попросил ящики отмаркировать и с новыми поступлениями не смешивать, когда их накопится примерно такое же количество подать ему сигнал, что бы их тоже подшаманить. Товарищи совсем не поняли, что здесь происходило и происходило ли что-либо вообще, Гришу очень уважали, особенно после автопробега с побывкой. Так что обещали исполнить всё в точности.

Рано вылетать посчитали бессмысленным, а когда наконец меня выпустили и добрался до зоны почуял неладное. На трёх площадках из четырёх находились по 8 хорошо замаскированных Me-109, когда они здесь появились теперь уже не важно. Всё это очень походило на засаду. Осталось запустить Живца. Зуб даю будет небольшая группа лапотников без прикрытия. Типа наши радостно набрасываются, а эти тихо взлетают и в тыл наших всех колошматят. Хороший замысел. 24 истребителя не фунт изюма. Что же будем ждать гостей. Пока вызываю на связь командира, план есть, осталось распределить роли. Что-то долго ищут.

Тем временем в "кабинет" командира полка, расположенный в полуземлянке штаба ворвался подполковник и с порога начал распекать Попова:

— в чём дело майор, почему все самолёты на земле. Вы получили приказ на прикрытие района $\frac{1}{2}$. почему не выполняете? — вопросы были в виде обвинительного приговора в трибунале.

— Мы выполняем. — Этого человека Попов узнал сразу, а вот "говнюков" его не помнил. Вспылил ещё больше,

— Выполняют они. — Достал блокнот и начал зачитывать,

— Позавчера 4 Ла-5 вошли в зону пробыли несколько минут и скрылись в неизвестном направлении. Вернулись примерно через 20 минут по болтались без толку и убрались восвояси на 4 минуты раньше оговоренных нормативов. Хорошо в это время не было налёта. Прибывшая пара, также полезно провела 40–50 минут, а увидев неприятеля просто удрала. Повезло, проходившая мимо большая группа истребителей отразила налёт. Больше прикрытие в этот день не видели. Вчера прикрытие наблюдали два раза по 40–50 минут, налётов не было. Вот так вы прикрываете. А ваши соседи всего двумя самолётами отразили большой налёт! Правильно Жуков приказал организовать штрафные полки, может там вас научат дисциплине. Вам вообще не штрафбат грозит, а расстрел. Немедленно поднимайте истребители.

Зашёл Синеватов: — Извините товарищ подполковник. Командир Змей на связь вызывает.

Попов не Сушков, упираться не стал, пошёл другим путём:

— Есть поднимать! — Тимофеичу, — товарищ капитан, Товарищ подполковник прибыл к нам помочь организовать прикрытие выделенной зоны. Разработайте совместно план, порядок вылетов, замены, обеспечения, всё что положено.

Говнюков узнал начштаба ненавистного Сушкова, поэтому фраза: " Я проверяю исполнение, а не составляю планы!" застряла в горле, в голове вертелась мысль: — откуда здесь выкормыш, он один или весь полк, но командир какой-то Попов, что делать, могут спалить. Что было не далеко от планов того же Попова. Первым делом написал записку НШ:

— Слушать, кивать, никакие приказы не выполнять, ждите меня.

Отдал дежурному передать незаметно для гостя. Попросил найти особиста. И пошёл в узел связи. На ловца и зверь бежит, там решал свои вопросы искомый человек, майор попросил его не уходить. Вышел на связь. Змей доложил обстановку и план действий: — полку сидеть в готовности к немедленному вылету. При появлении живца демонстративная пара на перехват и по три пары заблокировать взлёт засады, раньше нет смысла самолёты рассредоточены, замаскированы. Позже, понятно, совсем плохо. Особист показывает большой палец, оценил. Майор думал: — поднять всех или как предлагал Сашко, оставить пару в резерве. Утвердил план без изменений. Приказал собрать лётный состав. Подробно поставить задачу каждой группе время было. Пока отошли в сторонку и он подробно описал особисту все перепетии отношений с "говнюковым" для понимания. Был бы старый, тому и объяснять ничего не надо было бы, этот прикомандирован уже здесь. Попросил по своим каналам узнать, каким образом пониженный в должности и звании стал подполковником, представителем штаба ВА.

Увидев массовый взлёт, подполковник успокоился — как Попова проняло, всех поднял, то-то будет знать. Даа, не Сушков. От воспоминания его передёрнуло и не зря. В особый отдел армии поступил звонок от сотрудника (конечно по ВЧ). Взять личное дело, дело

минутное. Никаких следов об инциденте не нашли, уж понижение в должности и звании были бы отражены, хотя по опросу свидетелей имели место. Запрос телеграфом в 1ю ВА и уже на следующий день приглашение на собеседование, а там такой же делец, но от НКВД, уже шьёт измену родине, вредительство, саботаж и в самом конце подделку документов. Оказалось капитан Г несколькими горизонтальными перемещениями убрался от мест где его хоть сколько знали, в процессе сумел подчистить личное дело, а уж нравиться начальству умел лучше всего. Не повезло. Больше о нём не слышали, но помянули.

Сашко больше всего боялся, что вылет "живца" совпадёт с пересменкой, почти так и получилось. Он уже поглядывал на остаток топлива когда с ближнего аэродрома взлетела тройка Ю-87, без прикрытия. Они. Лететь минут 10. Сигнал на базу, взлёт демонстративной группы через 5 минут, остальные по плану. Бензин, кажется, уходит в три раза быстрее! Зашевелились фрицы на площадках, снимают маскировку. Прошла наша пара. Мессы выруливают на взлёт. Они все кучненько на полосе. Удар. Не взлетел ни один. Бензина последние капли. Передал управление 6, 01. Тихенько тихенько на базу. Шёл по вышке, вдруг планировать придётся. Обошлось. Мотор заглох уже на стоянке. Проверяющего не застал, удовлетворённый, он уже отбыл по, несомненно, важным делам. Ну и хрен с ним. Оказалось не хрен, а сотрудник НКВД. Заправился и в воздух. Возможно у немцев это была операция по расчистке перед ударом, а у нас в полку межполётная. Готова лишь пара. Может и было у них что-то на плане, однако затихли на три дня. Наземным войскам помогло относительно, Значительно усилились арт обстрелы (видимо компенсация). Предложили наводить штурмовики, в отсутствии немецкой авиации могли их прикрывать с аэродрома (у нас в полку практически только у меня были не боевые вылеты. Остальные в холостую почти не летали. При такой организации нагрузка на лётчиков снизилась, эффективность возросла. Как бы не разбаловались). ШАД согласились на эксперимент. Эксперимент удался. Ещё бы. Разворачивается батарея, выложили снаряды ещё не сделали ни одного выстрела, а тут парикмахеры ИЛ-2 причёсывают так что волос не соберёшь. У илюхи одиночка мощнее спарки и по нагрузке и по радиусу, слабость в обороне. В этих условиях, самое то, тем более я их оперативно наводил не только на стационарные цели, но и на подвижные. Получая ориентиры хорошо видимые сверху (а не с земли, чем частенько грешили наземные наводчики, тем более откуда им взяться за линией фронта в достаточном количестве) наши ребята резвились во всю. Три дня. Знаете за что наши не любили Фокер 189 (Кто не знает — "рама")? Вот и немцам не понравился одиночный самолёт, постоянно болтающийся над передовой. Сложили 2+2. Неудачи авиации, разгром артиллерии (прихватили ещё танковую колонну, а нехрен днём ездить) повлекли за собой отступление пехоты. Началась охота, только Дракон это вам не графин с крыльями. Первая пара скорее всего рассчитывала отогнать подальше, но разведчик вместо ретирады развернулся на встречу и сшиб их на глазах у всех. Отвертеться никак. Пятнашка. Надеюсь с представлением спешить не будут, количество не обязон. Или орденом отделаюсь. Не вышло. Фашики обиделись и на следующий день прислали Экспертов. 8 штук (не Ю-87) Me 109 свежей модификации. Они ребята, конечно, крутые, но собачей свалки не любят, им бы наскочить, рубануть и уйти в пике или набор. Ни то, ни другое против меня не катит, за маневр и говорить нечего. Потеряли двоих. За 600 км юго-восточнее прежних мест в эфире прозвучало: "hier ist der rote Drache!".

Взять в лоб не получилось. Но ведь придумают какую-нибудь пакость. Либо лучшее пво — танки на полосе, скорее всего ковровое бомбометание. Надо готовиться.

Приготовления не пригодились, вчера Гитлер издал приказ перейти к стратегической обороне, противник на нашем участке затих. Нам пришло распоряжение экономить топливо и боеприпасы. Видимо выдохлись, посчитали все. Сашко, а с ним и Гриша знали: — Готовится парад планет, Уран, Сатурн, Марс (название наступательных операций в рамках Сталинградской битвы).

— При чём здесь астрономия, — но болтун уже прикусил свой длинный не в меру язык.

Затихли и мы. В самом Сталинграде ещё шли ожесточённые бои, немцы не оставляли надежды выйти на берег Волги и закрепиться. Топливо нам чуть чуть выделяли на разведку и без ограничений наоборот, то есть борьбу с разведчиками. Количество постов ВНОС и качество работы всей системы оповещения и наведения вознеслось до небес. Наши способности по перехвату признали самыми подходящими. От Попова требовали, что бы ни один немецкий разведчик не увёз плёнку за линию фронта. С удовлетворением могу сказать, эту задачу мы выполняли на 100 %. Думаю у них разведчики кончаются, а то мы летать совсем перестали, но не сегодня. Пришло оповещение: — разведчик Ю-88, прикрытия 4 Ме - 109. Попов решил размяться сам, взял пару из второй и "змея" для усиления, координации, на всякий случай, а случай бывает всякий. Небо закрыто переменной облачностью, поэтому с земли дали квадрат и примерное направление. Мой радар в порядке, быстро обнаружили нарушителей, они шли на 4500 по верхней довольно ровной кромке облачности. Возникла шальная мысль вывести наших прикрытых облачностью в хвост мессерам, а оставшегося без прикрытия Юнкерса посадить. Надо только не забыть отстрелить ему антенну, дабы не болтал лишнего в эфире.

Взлёт пятёрки наблюдал от КПП Полковник, вяло переругиваясь с караульным, не пропускавшим его на аэродром.

— Извините товарищ полковник, мне сразу трибунал и штрафную. Нач кар скоро придёт.

Прибыл на полуторке Начальник штаба, потребовал документы и предписание. Гость хотел возмутиться, но остыл вспомнив какие строгости с секретностью развели в штабе армии, хотя чего там секретничать — пехота выдохлась, наступление планируют севернее Москвы, там и части свежие, всем известно. Нет гайки закручивают.

Пригласил капитана в ЭМку.

— Что за полёты, вроде топливо экономим?

— Майор Попов и капитан Карманов парами пошли разведчика сбивать.

— Так облачность, где они его найдут?

— Так с ними Змей. — как будто это всё объясняло.

— Давай сначала на КДП.

КДП находился в просторной будке на колёсах приподнятой на довольно высокие пеньки с большим фонарём вместо крыши, прикрытой масксетью на высоких шестах.

— Удобно.

— Да есть у нас два умельца, подсуетились. — уже входя, — Товарищи командиры! Полковник Крикун, боевой отдел штаба армии.

— Временно исполняющий комполка Капитан Строгий.

— Эта фамилия такой. Извините. Это присказка о моей фамилии. Вам тоже подходит. Здравствуйте.

Пожали руки. Атмосфера разрядилась.

— 6, 01 я 6, 03. - раздалось из динамика.

— Слушаю 6, 01.

— Цель 20, выше две. Предлагаю атаковать худых из облаков, Корову посадить.

— Может по рации информацию дать.

— Антенну отстрелю.

— Принимается.

На КДП: — как антенну отстрелю? как из облаков?

— Так ЗМЕЙ.

— И снова никто ничего не объясняет, всем и так ясно, кроме меня, — отметил про себя полковник, размышления прервал голос из динамика: -6, 01 вправо 20, набор до команды.

— Принял 6,01 вправо 20 набор до команды.

— 6, 21 вправо 10. -после паузы. — Набор до команды.

— 6, 21 Принял, вправо 10 набор до команды.

— 6, 01 Горизонт.

— 6, 01 принял, иду по верхней кромке, будет видно.

— Снижение 50, влево 10.

— принял.

— 6, 21 горизонт, влево 1-2. (- ОН что в облаках видит? — и ночью тоже, ЗМЕЙ)

— приготовились, дистанция 500, превышение 100. Работаем одиночно, цель на курсе... — пауза, — АТАКА!

Лётчики Юнкерса увидели как полыхнули горящими обломками сопровождавшие самолёты и веером влево- право разошлись тени краснозвёздных: "hier ist der rote Drache!", — последнее, что он успел выкрикнуть в эфир. Очередь снесла кончик вертикального оперения и бесполезный обрывок антенны начал хлестать по остеклению кабины, добавляя ужаса. Над правой плоскостью завис самолёт с драконом во весь фюзеляж. Экипаж разведчика был наслышан о тех кому не повезло попасть ему на зуб, так что мысли, дёрнуться, даже не возникло, а на предложение присесть куда укажут моментально согласился, пока этот монстр не передумал.

на КДП: — пусть на "каретный" ведут.

— 6, 01. База.

— Ответил 6, 01.

— Здесь с Каретного предлагают туда его отвести.

— Согласен.6, 03, 6, 21, 6, 22 — на базу, 6, 02 со мной.

— Я База подтвердил.

Вышли на воздух: — Ну что товарищи капитаны, где у вас можно спокойно поговорить?

— Давайте в штаб, на улице прохладно, а в столовую рано.

— Хорошо. Ведите. А что это 603 командовал, будто он командир группы, а там ведь Попов, командир полка?

— Вы не правильно поняли, он предлагал, а принял решение майор и утвердил.

— И часто утверждает? — сарказм.

— Всегда! — серьёзно, — Все кто получают предложения всегда утверждают. Вы не подумайте, что он ходит и раздаёт указания на лево и на право, но если уж предложит — думаем, анализируем, прикидываем и всё получается как он сказал. Вот Паша, капитан Строгий, не даст соврать, Сашко его и всю первую АЭ парой летать подбил ещё в начале

июля 41, когда об этом и думать не могли, а мы весь полк втихаря...

— А штатную структуру полка предлагал, тогда посмеялись, а сейчас к этому вся ИА пришла, кстати на трёх эскадрильный полк не будем переходить? — задал вопрос комэск.

— Не слышал, а что?

— Змей сказал.

Они уже подошли. Разместились в кабинете (если так можно назвать выгородку в полуземлянке штаба).

— Товарищ полковник разрешите удалиться, дел много, документы если какие надо адъютант представит или меня вызовет.

— Хорошо, идите. — когда НШ вышел, — что у вас Змей, да Змей и как бы этим всё сказано?

— Так и есть. Человек не обычный. — видя вопросительный взгляд, продолжил. — Сушков, тогда командир полка, прочувствовал, создал особую группу мотористов, два человека всего, они так инженерную службу подняли, на них лётчики молились и техники, включая инженера полка.

— А разве... он же лётчик? И почему Змей?

— И я о том. Полгода у нас в эскадрильи ошивался, про науки лётные выпытывал, книжки-учебники все перечитал, втихаря с комиссаром подлётывал на УТИ-4. Ему разрешили пробежку на боевом, а тут налёт, он погазам и... в общем 4 сбил, прикрыл взлёт остальных, в общем спас полк. А как сел думал ругать его будут, за взлёт без разрешения. Там вообще смешно получилось. Извините, я больше не буду. А Сушков ему — Я те дам не буду, ещё как будешь. Ну понял, что ругать не будут, стал хвалиться, говорит: " я как змей горыныч дохнул на них огнём, они сторели". Так и стал Змей, Теперь это его постоянный позывной. Так и летал полгода самоучкой. Только в сентябре в учебном полку документы получил.

— Сбивает?

— Бывает, только не любит это дело...

— Фашистов жалеет!?

— Не в том дело, он как бы на ребят работает. То подранков настреляет, то маневром выведет, вот как сегодня. Всё он сделал, а плюсики получают другие, дело сделано он и рад.

— Ну доказать трудно будет, за облаками не видно.

— Доказать как раз легче лёгкого, кстати тоже изобретение ОГМ и его в том числе. ПИСК-1ФК.

— Что за зверь?

— Прицел истребителя Смушкевича Киселёва, первый, с фотоконтролем. Камера снимает через прицел. Всё видно, куда целился, куда стрелял. Это на самолёте смотреть надо, а кино как стемнеет.

— Я понял 4 у него было, а сейчас?

— Железобетонно подтверждённых 19.

Круглее сделать глаза Крикун не мог: — 19, а есть ещё и не подтверждённые?

— На свободной охоте и в ночных наверняка сбивал, но ничего не заявил, есть ещё и в группе, и странные...

— Что за странные?

— да был случай, два немца просто выпрыгнули с парашютом. Записывать отказался, мол в них не стрелял, они сами.

— Да странно, ну хоть приблизительно?

— Наши считают за сорок

Полковник только что считал круглее глаз не сделать, ошибался.

— На счёт представления это к НШ. - предугадал Паша следующий вопрос, — ты полковник, а вы из за Змея приехали?

— Приехал я проверить сигнал от инспекторского отдела, оказался он в папке несрочные, сразу было не до того, теперь решено разобраться. Сигнал в том, что в полку бардак, командует кто хочет, приказы по прикрытию войск игнорируются, лётчики проявляя трусость бегут от противника. Заинтересовался почему такая бумага оказалась в не срочных. Посмотрел данные по полку, что-то не сходится. Либо приписки. Либо надо посмотреть.

— А чей сигнал конкретно?

— Там обезличено, отдел инспекторов. Есть предположения?

— Есть, — и Паша рассказал историю с майором-подполковником "Г"

— Вот значит как. Ладно пойдём я ещё с людьми поговорю, ну и Змея покажешь.

— Может пообедаем, как раз время подошло?

— Неплохо бы, после обеда и люди разговорчивее.

На ловца и Змей идёт. Перед столовой встретили экстравагантную пару

— Вон он. — кивнул капитан.

— Да, такой сам какого хочешь змея в бараний рог скрутит!

Паша посмотрел туда-сюда, потом ещё: — Да нет! Большой это Григорий Иванович, младший лейтенант Киселёв начальник ОГМ! Змей который маленький.

— Вот как! А сколько же ему лет?

— 17. Но лётчик от бога.

— Я понял, но представлял по крупнее.

— Рядом с Киселёвым все кажутся мелкими,

— Наверное да.

Донской фронт.

Погода испортилась совсем. Наши сидят на земле. Я мог бы слетать, но смысла нет. Немцы тоже не летают, разведку в таких условиях не проведёшь. Поддерживаем матчасть в боеготовом состоянии. Теперь это проще, раз в четыре дня, полтора-два часа всех делов. Проводим невилировку вновь поступающих боеприпасов. Для эквилибриста заказал патроны 12,7, пока нет. У меня остались только те что заряжены, запаса нет совсем. "Эк" так и стоит полуразобранный, отчасти "лавочка" получилась очень уж хороша, отчасти из за отсутствия задач, он в основном для ночи. Его время на подходе, скоро будем терзать воздушный мост к окруженной 6 армии вермахта. Отметим день Великой Октябрьской. Пока все уверены, что наступать будут западный фронт и северо-западный. А я делаю вид что верю. Погода скверная. Редкие вылеты во время нечастых прояснений. Приказ категоричен: не пропустить ни одного разведчика, но немцы активности не проявляют более обычного. За пленение разведчика, по совокупности Попова представили к "герою". Видимо получили очень важную инфу и я догадываюсь какую. Остальных четверых к орденам. Больше такой лафы не обломилось. Поздно вечером 18го неожиданно объявили построение полка. Народ в недоумении. Круглов подначил: — Сашко что скажешь, чего переполох?

Чёрт дёрнул, на автомате ответил: — Фашистов погоним поближе к Берлину, на их земле добывать сподручнее.

Развить тему не дали вышедшие перед строем командир, НШ, подполковник из дивизии в сопровождении двух "малиновых". Представитель штаба АД посмотрел на часы, Вынул из планшета приличного размера пакет. Показал печати нашим и "Малиновым", сломал и вскрыл его. Было видно что содержимое и для него — тайна. Пробежал глазами по тексту. Достал из него ещё один и стал зачитывать текст приказа. В двух словах утром начинается наступление силами трёх фронтов, которое должно привести к коренному перелому в войне. Было сказано положенное количество призывов отдать все силы и саму жизнь, вручён конверт с приказом конкретно нашему полку. Жизнь части взбурлила крутым кипятком. Штаб изучал приказ, разрабатывал боевые документы. Мы то (ОГМ) готовы на все 100 %, внеочередной обход сделали после обеда.

— Гриш пошли спать.

— Как спать, тут такие дела! — возмутился стоявший в строю рядом, Круглов.

— Да ни чем мы не сможем помочь. — я имел в виду всех и погоду. А ведомый воспринял как намёк, ему всё равно болтаться за хвостом у командира, а это лучше делать выспавшись. Утренний туман и низкая облачность сделали большую часть ночной работы штаба бессмысленной. Вызвали к НШ.

— Есть мысли?

— В обед, всяко будут окна, можно штурмовиков навести, не много, 1–2 звена.

— Ну хоть что-то. — оживился Синеватов, — Сейчас свяжусь, готовься.

— Всегда готов!

После памятной трёхдневки командир ШАП сразу согласился. В дивизии выразили глубокие сомнения, но рады были хоть какой активности, подсказали районы где нужна помощь больше всего, умоляли в тумане не пострелять своих, лучше никуда.

Взлетал при видимости метров 100. Окном и не пахло, зато оно было над площадкой

илов. На 1200 нашлась прослойка в облаках, по ней их и повёл. Над целью пробили до 400, видимость 5–6, достаточно. Проштурмовали позицию гаубиц. Только соседи успели приземлиться, окно сместилось, всё сегодня больше не взлетят. Сам сел без проблем. Подумал и предложил сводить Бомбардировщиков. Бомбить из за облаков по команде. Если вижу траекторию снаряда, может и бомбу увижу. В БАПе высмеяли и отказались на отрез. Вмешались из штаба ВА. Наступление Донского фронта здорово буксовало. Нужна любая помощь. Выделили 3 ПЕ-2, 30 ФАБ 100. Базировался БАП за Волгой, погода у них была несколько лучше, у нас сплошная облачность до 4500. Пешки шли на 4800.

— База я Большой.

— На связи База.

— Ну и где ваш лидер? — сарказм не только в каждой букве, но и между ними.

— Посмотри впереди справа. — голос другой.

Экипаж бомбера перевёл взгляд в указанном направлении — никого. В этот момент из облаков чуть справа и впереди выметнулся в крутой горке Ястребок с красным змеем во весь фюзеляж. Пилот пешки невольно дёрнулся влево.

— Не бойсь Большой, я вас наблюдаю.

— 6,03, я База. Не хулигань.

— База 6,03, Группу принял. Большие следуйте за мной.

За линией фронта попросил ведущего включить бомбовое оборудование. Включили. Никакой траектории не вижу, вот облом, а гонору было, даже припотел от отчаяния и стыда. На всякий случай спросил: — всё включил?

— Всё. Остались только "Главный" и сброс (главный включают непосредственно перед сбросом, последний предохранитель).

— Не надо сброс. Главный включи.

— Включил.

Фух, отлегло. Десять траекторий образовали на земле вытянутый по полёту овал. Наблюдать его сзади себя было не удобно придётся пристраиваться в хвост и наводить. Вёл их на давно разведанный склад боеприпасов. По приметам найдём, а вот что-то новое идентифицировать не получится.

— Большой, вооружение в исходное. Держите этот курс, ближе к цели подкорректируем.

Косой петлёй переместился в тыл группе. Представил пятна падений. Выходило, что они слишком перекрывают друг друга.

— Большой 2, Большой 3, разомкнуться. Интервал от ведущего 70 метров.

Выполнили безропотно. 5 минут.

— Большие 5 градусов влево. Рубеж! — траекторий не вижу, ах да, — Включить Главный (по их меркам рано, а как мне целиться?)

Вот, другое дело: — Ещё чуть в лево. Так держать.

Чувствую они там охреневают, под нами сплошное белое покрывало: — ещё чуть в лево, приготовились... — пятно траекторий напоззло на склад, — СБРОС!

Три тонны фугасок отправились творить своё чёрное дело. Для экипажей в белый свет как в копеечку. Под толстым слоем облаков совершенно не видно как бя армия врага лишилась приличного запаса боеприпасов. Разворачиваемся домой. Оглядываю горизонт. Как интересно! Несколько в стороне от нас пробивают облачность две пары с приличным интервалом. А вот ведомые прилипли в плотную, что бы не потеряться. Видимо

запеленговали нашу болтовню, а может радар у них? Неважно, встретим. Жестом показал Большим- ни слова, махнул рукой вперёд. Сам пошёл к тому месту где вынырнет из пелены ближняя пара. Выровнял направление и скорость, жду.

Экипажи ПЕ-2 были в недоумении. Чего это прервал странным образом радиообмен, теперь будь-то крадётся по верхней кромке, неожиданно прямо перед истребителем из белой мути выскочила пара "худых" и он явно был к этому готов — очередь, очередь. Горящие обломки тут же скрыла пелена из которой в стороне выскочила ещё одна пара, как раз что бы увидеть гибель камрадов. Шарахнулась, развалила тщательно сохранявшийся строй и скрылась туда откуда появилась. Снова белый покой нарушал лишь звук собственных двигателей.

И что это было? Ответ был бы проще, если бы они слышали на немецкой волне, ставшее нарицательным: "hier ist der rote Drache!"

Поскольку ни какой результат зафиксирован не был, то вылет даже боевым не засчитали. Продолжения не последовало. А вот штурмовикам понравилось и как только позволяла погода, приглашали (в смысле заказывали) нас в прикрытие.

Сталинградский и юго-западный фронты взломали оборону венгерской и румынской армий, вышли на оперативный простор и 24 ноября замкнули кольцо окружения. Донскому фронту противостояла более укреплённая оборона немецких частей, прорвать её и значительно продвинуться не удалось. Конечно действия фронта сковали немецкие части, потребовали привлечение резервов, так необходимых гитлеровцам на других участках, тем не менее стратегическая задача по расчленению и быстрому уничтожению окруженной группировки выполнена не была. Верховное командование исходя из реального положения приняло решение о наращивании сил на внешнем фронте и сжимании кольца окружения вокруг 6 ой армии, которая продолжала, по приказу Гитлера, удерживать большую часть Сталинграда, в твёрдой уверенности, что их деблокируют, а пока обеспечат все что нужно по воздуху. По крайней мере Геринг дал обещание. А мы старались, что бы оно не воплотилось в жизнь. Регулярные полёты транспортников в зону окружения начались буквально через 2–3 дня после замыкания кольца окружения.

Пришло известие о введении в штат ИАП третьей эскадрильи. Нас пока не тронули, зато привлекли к воздушной блокаде. Приказ был категоричен: ни одна тонна груза не должна попасть к Паулюсу! Ну да, ну да, как издавший приказ себе это представляет? Тем не менее веселуха началась. Немцы собрали все что могло возить груз, всего около пятисот машин. В основном Ю-52, поменьше He-111, остальное ещё меньше, вплоть до экзотики — 6 двух фюзеляжных цвилингов He-111Z. Если кто думает, что сбить тихоходную "тётушку Ю", как два пальца об асфальт, сильно заблуждаются. Во-первых самолёт очень живуч, летит даже на одном двигателе из трёх, попадания в фюзеляж для него не критичны (был случай когда внутри взорвался снаряд авиационной пушки, были убитые и раненые, но самолёт вернулся на свой аэродром). Во-вторых на них устанавливали до четырёх огневых точек калибра 7,95 и 13 мм. Конечно он мог только обороняться, но беззащитным его назвать язык не повернётся. Тем не менее набили мы их, да и других, прилично. Летали они большими группами с прикрытием и одиночками без оного. При наличии облаков, прятались в них. Ахилесову пяту (строго по оси сзади снизу) прикрывали прижимаясь к земле, но тогда попадали под артиллерию ПВО. Короче всем несладко и им и нашим. Лётчикам полка было полегче в том плане, что я наводил как на группы, так и на одиночек и эффективно стреляли мы на больших, чем принято дистанциях. А когда транспортник прятался в облаке наставало

моё время. Мне даже хорошо, стрелки не видят и никто не видит, а у 4 ВФ ещё один без вести пропавший. Большие потери вынудили немцев перейти к ночным полётам. Пришла пора У-2, которые кошмарили Фрицев на аэродромах в котле, и моя на свободной охоте. Ставку сделал на "эквивалиста" из за большего боезапаса (эффективность заряженных снарядов меньшего калибра была достаточной) и продолжительности полёта и просто хотелось его взбодрить. Проблему калибра 12,7 помогли решить штурмовики, к ним стали поступать двухместные ИЛ-2 с УБТ в задней кабине и соответственно снаряды к ним, которыми со мной делились по доброй памяти. Чуть по позже наладился и официальный канал. Открытие сезона ночной охоты состоялось с 17 на 18. День выдался нелётный, что позволило подготовить

машину. К ночи облачность несколько поднялась. Фашисты обязательно этим воспользуются. За разрешением дело не стало. Так что летим. Всё вышло банально просто. Взлетел, набрал высоту, обнаружил цепочку юнкерсов с интервалом километров 15–25, входят в нашу зону ответственности. Меня скрывала ночь и облачность. Зашёл на первого. Помня про живучесть, счетверённая очередь по кабине и среднему мотору. Загорелся, накренился, всё не жилец. Плавная петля и за ним отправился второй, затем третий, четвёртый, замыкающий. Что вокруг? На пределе обнаружения ещё одна цепочка. Почти проскочили, приближаются к зоне ЗА. Догнал, поджжёт замыкающего, дальше не полез, дабы от своих не огрести. Думаю артиллеристы факел увидели, теперь на чеку и свою дань соберут. На базе заявил один сбитый, тот что видели зенитчики. Остальные пропали без вести. Неплохо для одного, мало в сравнении с сотней прорвавшихся. Да ничего, как говорится курочка по зёрнышку. Сколько их ещё без вести пропадёт. Ладно, на отдых, погода держится, днём ещё слетаем. Утром объявили перебазирование поближе к зоне ответственности. Всё верно. А то Туда 15 минут, обратно столько же, на перехват хватает, если я навожу. А на самостоятельный поиск — считай ничего. Теперь немцам придётся прямо над головой летать. Ходит байка, гвардейцы так умудрились подстрелить, что юнкерс с шоколадом прямо к столовой приземлили. Может и правда, ну не к столовой, а в радиусе километров пять, уже зачёт. Вообще-то немцы в основном тащат топливо и снаряды, продукты до сих пор возили в десять раз меньше. Транспортным самолётом отправили передовую группу на новую площадку. Напросился сопроводить их. За одно и осмотреться. При подлёте на нас наскочила четвёрка мессеров, я их видел и своих предупредил. Скорее всего это группа отвлечения. По замыслу они связывают перехватчиков, а где-то сторонкой проскакивает группа транспортников. Эти решили по ходу и "сладкую" добычу на счёт записать, меня пока не видят. Базе предложил за нас не беспокоиться, а приготовиться к перехвату каравана.

— 603 Я База. Точно один справишься?

— Уже справился, одного приземлил, трое разбежались но не уходят, толстый сел нормально. — я опасался что могут проштурмовать уже на земле, но попыток не было. Теперь они действительно лишь отвлекали внимание. У них бы получилось, но не со мной. На пределе обнаружения появилась группа, скорее всего He-111, пока вижу 7 и 4 "худых", нет ещё 2 толстых

— База, я 603. Наблюдаю караван. 9 толстых, 4 худых, идут по второму коридору, лидер проходит первый репер. Рекомендую поднимать 10 пар. — по факту весь полк и пара в резерве.

— Принял База. — через пару минут, — Рекомендацию утвердили. Работаем по плану.

На предварительной подготовке штаб проработал несколько наиболее вероятных маршрутов пролёта транспортников противника, на каждом из них проставлены контрольные точки — репера, относительно которых давал положение целей. В данном случае лидер каравана шёл точно по одному из маршрутов, по крайней мере до первой точки. Руководить боем отсюда не смогу, но на перехват выведу, а там уж сами не маленькие (хотя истребителей в авиации как раз и называют маленькими). Покружил над площадкой, убедился что фрицы убрались восвояси и сам потянул на базу, надо "Эк" готовить к переезду (блин только собрали).

Переезд ничем примечательным не ознаменовался. Обживаемся, днём шиплем фашиков всем полком, ночью свободная охота. Так как зимнее солнцестояние, успеваю сделать пару вылетов ещё отдохнуть перед днём. Количество пропавших безвести немецких транспортников растёт, официально у меня теперь 21 — очко! Из наград — три ордена, за первый вылет, за отражение массированного налёта и здесь за разведчика. Обещали ещё за защиту завода дать, но то-ли забыли, то-ли где-то ходит. Ну и ладно. Последняя неделя года выдалась хлопотная. Немцы гнали до сотни самолётов в сутки. Мы что-то перехватывали, но с задачей полностью перекрыть мост снабжения, явно не справлялись. Пришло известие, что наши танкисты показали пример лучшего ПВО, в смысле покатались по аэродрому, потоптали за день столько как вся авиация за месяц набивала. Кого не придавили те разбежались кто куда.

К новому году пришла посылка от Кати, так и написано для Гриши и Саши. Тёплые носки, варежки, красиво вышитый кисет. Подруга пишет: "знаю что не курите, но это подарок от наших девушек с завода, они старались. Если самим не надо, можете передарить." Презентовали Алексею, он хоть и не заядлый, но курит. В ночь с 30 на 31е удалось аккуратненько приземлить "Тётушку" не вдалеке от нашей площадки. Просто несколько раз шугнул его в нужном направлении, а потом прострелил ему все двигатели, от вынужденной никуда не деться. Правда в пятикилометровый круг не вписался. Синеватов подсуетился, естественно по моей наводке, посмотреть нет ли чего вкусного, да и лётчиков собрать. Посадка без двигателей получилась достаточно грубой, так что раненый и побитый экипаж был очень рад сдать в плен, а не замерзнуть на морозе. Повезло и то, что борт был продуктовый (как сказали потом фрицы, перед новым годом большинство бортов шло как раз продуктовые, видимо хотели порадовать своих бойцов. Ничего мы за них порадуемся). Французские вина и коньяк к новогоднему столу были как раз. Шнапс тоже выливать не стали. Разбавили рацион рыбные и мясные консервы. Мне как главному виновнику торжественно вписали 22, выдали по бутылке коньяка и вина, разрешили взять консервов сколько совесть позволит. Позволила. Уговорил друга всё отправить жене, раз к новому году не догадались с подарком, пусть будет к старому новому, ну или когда дойдёт. Так с шутками-прибаутками перебрались в 1943 год. В первых числах года нас решили переформировать по новому штату, т. е. в трёх эскадрильный вариант. Однако выводить нас в тыл не разумно, то решили просто пополнить численность самолётов и пилотов до нормы. Самолёты должны были пригнать заводские перегонщики. На плане уже стояло 6 бортов. Меня вызвал к себе Командир: — Саша что будем по самолётам делать? В полевых условиях сможете довести до ума? может что нужно по материалам или людей в помощь?

— Во первых время.

— Это понятно, ОГМ освободим, без наводчика будет туго, но перекрутимся.

— Второе у нас два борта битые перебитые, предлагаю их списать и пустить на

расходные.

— Принимается, думаю проблем не будет, у нас и так за два месяца без потерь, никто слова не скажет.

— Что ещё? Площадку подготовим, Брезент для навеса и на шторы. По оборудованию с Пал Палычем решим.

— Хорошо, готовьтесь, вот-вот должны начаться поступления.

— Сначала, я так понимаю, компенсируем свои потери, а дальше как.

— А ты как мыслишь? — майор лукаво взглянул на собеседника.

— Я думаю сразу 12 самолётов и 10 лётчиков нам не дадут. Может это и к лучшему. Третью АЭ пока не создавать, Добавить третье звено в наших. Новички притрутся, слетаются, так сказать проникнутся духом нашей части, да просто сформируются. Тогда можно будет взять эти два звена, добавить управление и пожалуйста сразу боеготовая эскадрилья.

— Саш ну как у тебя ловко получается по полкам раскладывать. Мы с комэсками, тоже пришли к тому же, но вот так четко... ладно в другой раз сразу тебя спрошу. Кстати на тебя представление написали. Мы с твоего саженца по ящику коньяка и вина в дивизию и в армию заслали вместе с пленным экипажем. Те обстоятельства своего пленения описали и ещё добавили что за две недели у них в части много самолётов пропало без вести и именно ночью и в этой округе. А наши наземные части "жалуются", что по ночам горящие обломки с неба сыпятся. Ничего не хочешь сказать?

— Ночники наверное сбивают.

— Ну да, ну да. Ночники на ишаках. Ещё вопрос: оказалось немецкие лётчики до дрожи в коленях боятся рот какого-то дракона, если ему попался, говорят, лучше сразу прыгай или перед собой садись, всё равно не отпустит и нигде от него не скрыться?

— Что с них взять, дикари суеверные.

— Ага. Корче, начальство решило — быть тебе героем. Отговорки не принимаются.

— Ну хоть бы месяц подождали пока Паулюс сдастся.

— Да он быстрее замёрзнет.

— Хорошо бы. — сказал Сашко, помянув не злым тихим словом свой язык.

— Идею полковник Крикун из боевого отдела армии протолкнул. Ты с ним где пересекался?

— Вообще не знаю кто это.

Площадку оборудовали на два рабочих места. На двух натянутых накрест тросах положили брезент, на таких же тросах натянутых по периметру развесили шторы. Подготовили Журавля и два станка под двигатели. Посетили с Гришей местную свалку. После завода я практически не занимался творчеством и не пополнял запасы расходных материалов. Аэродром переходил из рук в руки, так что здесь присутствовала техника обеих сторон. С немцев сдирали дюраль и оптику, с наших — приборы и тот же алюминий. Мы готовы. Не заставила себя ждать и техника.

Агааа!! Приятно видеть! Мои предложения приняли к сведению. Заметны изменения. Первыми бросаются в глаза заниженный гаргрот и заднее остекление кабины, предкрылки надеюсь без детской болезни не синхронности. Мотор, ещё не ФН, но уже Ф, Проблемная головка цилиндров заменена, форкамерное зажигание — вообще молодцы, пока ещё карбюраторный. Фв-190 уже устарел, ещё до производства.

Как бы ни были хороши прибывшие, наши лучше, так что потрудимся, джентльмены.

Через три дня пригнали ещё пару, и прибыли шесть мамлеев выпускники училища прошедшие подготовку во втором ЗИАП. Формировать из них звено — верх безрассудства. Поэтому ОГМ занялась техникой, под чутким руководством инженерного начальства. А руководство было действительно чутким. С Пал Палычем мы сработались давно, а на заводе отточили взаимодействие на модернизации, скорректировались на полевые условия и процесс быстро вошёл в ритм.

Штабу пришлось поломать голову, нужно распределить новичков по звеньям так, что бы сохранить боеспособность эскадрилий пока не введём в строй молодёжь, ведь боевых задач никто не снимал, наоборот стало труднее. Привыкли полагаться на ДРЛО в моём лице, а как известно с хорошим это происходит быстро, как бы люди не осознавали. Сохранили пары Строгого, Смирнова и Штерна (он стал командиром третьего звена). Ведомый Скорика перешёл ведущим пары к Смирнову, второго ведомого забрал Попов, а Круглов стал ведущим пары в третьем звене у Штерна. Вакансии вторых ведомых в 1 и 3, а также обе во втором заполнили новички.

Во 2 АЭ старший лётчик первого звена и второй ведомый второго звена составили единственную пока пару третьего. Образовавшиеся пустоты заполнили прибывшие. Все шестеро рассчитывали, что тут же сядут в боевые машины и помчатся громить Люфтваффе. Но первые две машины пошли на замену списанных, две следующих ещё не готовы, да их никто бы и не пустил. Всё таки наши сильно отличаются от того на чём летали бывшие курсанты, хотя они, самоуверенно, об этом не догадывались. Ворчали вновь усаживаясь за импровизированные парты. Спесь слетела на первом же занятии.

Через три дня пригнали теперь уже четвёрку. Ещё столько и будет комплект. Один борт пригнал знакомый испытатель Павел Анатолич. Выклянчил у Попова слетать на охоту, я был против. Дурной пример заразителен, но командир посочувствовал и выделил меня в сопровождение. Блин ну вот, и так дел не в проворот, а тут с этим нянчиться. Однако приказ есть, выполним. Полетел он на только что пригнанном. Наверное испытатель он нормальный, боевого опыта, явно нет. Повезло вывести на одиночного хейнкеля. Опыта реальных стрельб тоже нет, влез под оборонительный огонь, чуть не убили. Плюнул и под его очередь развалил сто одиннадцатого. Всё, хватит экзотики, домой. Оказалось Паша всё понял, но от сбитого не отказался. Чёрт дёрнул этого Попова разрешить, точно не сам догадался! Боюсь пройдёт слух, начнётся паломничество на сафари. Командира предупредил категорически — никаких! Есть у кого желание самоутвердиться, достаточно власти приказать, флаг в руки, барабан на шею и вперёд, сами искать, сами сбивать, а нагребут полный рот земли, так она в дурной голове не помеха. Тот удивился моему эмоциональному выплеску. Пришлось пояснить, что не собираюсь делать таким заманчивым способом карьеру и ему не обломится. Вот теперь понял и послал.... шаманствовать.

Молодёжь расписанная по подразделениям занималась в одной группе под руководством Круглова. Сегодня они начали практические занятия. Как положено, начали с руления, затем подскоки, наконец первый взлетел и выполнил полноценный круг. Так как спарок в полку не наблюдалось от слова совсем, сразу начинали самостоятельно. Зарулив на стоянку и покинув кабину птенец дико возмущался: — что вы нас пугали-дурачили!? Самолёт прекрасный, лёгкий, послушный, пилотирование проще наверное только на У-2. А вы тут развели! — горячился он.

— Вот ты, птенец, сейчас самый опасный лётчик, — спокойно произнёс Круглов.

Тот выпятил грудь: — А то!

— Для себя. — группа беззлобно хохотнула, а герой поник. — Тебе кажется всё легко, ты ухватил бога за бороду и теряешь бдительность, осторожность, здоровую подстраховку. Думаешь ты АС, а на самом деле ты всё ещё желторотик. Так что ребята максимальная собранность, концентрация и дисциплина. А тебе друг милый, на сегодня всё.

Парень поник, остальные не решились вступить, хотя и не поняли за что, собственно, наказание.

— Куда побрёл, смотреть, учиться!

Птенцы по очереди делали пробежки, подскоки и полёт по кругу. Вот и шестой зарулил на стоянку. Семён в общем был доволен, сделал по мелочи кое какие подсказки. Нюансы касающиеся конкретно площадки

— Вопросы?

— А за что вы Серёгу наказали?

— Я? Наказал?

— Ну вы же сказали, что ему на сегодня всё.

— Так и всем на сегодня всё, разве кто-то слетал больше?

Все загомонили, получилось, что наказания собственно и нет.

— Так ребята, завтра в зону. Сегодня переварите ощущения, повторите программу полёта, доведите до автоматизма. И как говорит один товарищ: Ради бога и ЦК ВКПб ни какой самодеятельности. До высшего пилотажа мы ещё дойдём.

— Высший пилотаж тоже будет?

— А как же, без него нельзя, хотя это показуха, но от него переход к боевому пилотированию, а это уже другой уровень.

— Выше высшего?

— Не выше, не ниже — в сторону продления жизни. Понимаете, что бы победить, сначала нужно выжить, не любой ценой конечно, если мы все погибнем кто тогда Родину защитит. Погибнуть должны наши враги. Вот этому и будем учиться.

— А вы сильный пилотажник? у вас, вон ордена!

— В полку слабаков нет, на этом держимся и на выручке, конечно.

— А кто самый сильный?

— Есть у нас один. Уникум. Увидите ещё. Хотя то, что он показал в учебном полку на Савастлейке, хрен где увидишь.

— Это не Змей ли? Нам рассказывали. Говорят его командир своими руками убить грозился, так всех напугал, что хотели помочь.

— Ага! Главное дело с невинной рожей, мол, а чего такого-то. Так. Всё. Разойтись.

Пригнали недостающую четвёрку машин, стапеля свободны. пара сразу на обработку. Гонщики приступили к командиру, слетать на охоту (растрезвонил Паша). Попов упёрся рогом и те быстренько убрались не солоно хлебавши. За самолётами подтянулись три лётчика-фронтовика. Их определили к Круглову на обучение. На фоне молодняка гонорились, но когда побольше узнали то поняли на фоне количества боевых, сбитых, наград (два героя и один представлен, а уж орденов) их показатели не катят. В учёбе проявили старание, а боевой опыт позволил быстро нагнать вчерашних курсантов. Двое из них были слётанной парой, попросили их не разбивать. Возможность пойти навстречу была, определили в третье звено 2 АЭ. Третий будет ведомым у пока не назначенного комэска. Склонялись к тому, что Строгий, как более опытный, возьмёт третью, на первую поставит Скорика. Карманов останется на второй. Шла третья неделя января. Новички из

фронтовиков уже летали на боевые задания. Птенцы отрабатывали слётанность пар, привлекались на боевые дежурства и рвались в бой. Старики осаживали — войны на всех хватит. Жизнь на аэродроме стала принимать некий упорядоченный вид. Немецкий воздушный мост хирел на глазах. Юнкеров становилось всё меньше. Чаще попадались хейнкели. Мы их щипали, иногда бодались с мессерами. Всё всколыхнула глупая, бездарная смерть Попова. С НШ повезли в дивизию представлять новое штатное расписание. Тимофеич остался утрясать нюансы, а Попов решил вернуться на подвернувшейся попутке днём. Глупо, но назад не вернёшь. Случайный мессер взял и причесал. Да, АСы гибнут на земле. По крайней мере похоронили по человечески, а то ведь лётчики улетают и не возвращаются. Я на пластине модифицированного металла вытравил ФИО, даты, кое-что из личных данных. Но не прикрепил к памятнику как многие предлагали, а вложил в руки т. е. внутри гроба. Так лучше сохранится. В этот же день к вечеру прибыло пополнение в лице майора Хижняк. В предыдущем полку у него что-то не сложилось и его перевели к нам в расчёте на вакантную должность комэска. Узнав, что майор Попов погиб и теперь он старший офицер в полку, неприлично обрадовался. Решил, что должность у него в кармане, попытался навести порядок по своему разумению, вмешивался в управление, ни о каком переучивании слышать не хотел. А в полку временно исполнял обязанности капитан Строгий, которого перед отъездом назначил Попов. Все попытки узурпации власти были пресечены. Хижняк бушевал два дня пока не приехал представитель дивизии, привёз приказ об утверждении Строгого в должности. В приватной беседе посоветовал майору заткнуться, принимать эскадрилью и начинать работать. Такого унижения тот не перенёс, запил и через пару дней вовсе исчез. В полку снова два самолёта остались без лётчиков.

Мост практически угас, в котле больше не осталось мест для посадки и транспортники сбрасывали груз на парашютах. Был один курьёзный случай. Видимо один хитро-мудрый экипаж не захотел лететь в пекло, сбросил груз и безопасно убрался к себе. Вот такой тюк на парашюте занесло к нам на аэродром. Набит был шубами, причём женскими. Присутствовала и сопроводилка, типа доблестным воинам от женщин германии. Я предложил самую большую выделить Грише и что удивительно подходящая нашлась. Готовим посылку, хотя ещё не известно, дошла ли первая. Шубу подшаманил на предмет прочности, теперь оно за одно бронежилет, по крайней мере нож или осколок выдержит.

Подходит к завершению январь. Судьба котла предрешена. Внешний фронт ушёл далеко на запад. Мы снова готовимся к переезду.

Центральный.

Перебазирование нам задержали почти на три недели. Связано с тем, что Донской фронт, завершивший ликвидацию Сталинградского котла, было решено упразднить. Силы объединить с частями из резерва ВГК, сформировав Центральный Фронт (2), под командованием того же Рокоссовского, куда вошла и наша 16 ВА.

За выдавшееся время натаскивали молодняк. Утрясли штат. Любопытным было возвращение Хижняка. На утреннем построении из машины стоящей на виду строя "малиновые" вывели двух бойцов без знаков различия, в одном из них узнали, теперь уже бывшего майора. "Допрыгался" и "расстреляют перед строем" — первая мысль пришедшая многим, была верной на половину. Первую половину. Обвинение в дезертирстве с него сняли, иначе точно расстреляли бы. Всеми виной был зелёный змей. После в полку появилась шутка: "теперь у нас два змея красный и зелёный" Сейчас он перед строем каялся, просил простить и взять на поруки, обещал приложить все силы и саму жизнь, не посрамить полка. С таким же обещанием выступил и второй, правда взять на поруки не просил (с ним было проще. Не поделил ППЖ со старшим по званию. Досталось обоим. Конкретно Свиридова разжаловали. Упросил дать возможность искупить вину по специальности. Ожидая приговор познакомился с Хижняком, так их вместе и направили к нам, в звании рядовых красноармейцев, типа на перевоспитание). Вопрос с ними начальством, видимо, уже был решён. Определили пока в распоряжение Круглова. Семён у нас стал признанным инструктором по переучиванию, Лётчик ещё довоенной выучки, на фронте с первого дня, имеет 7 сбитых, два ордена, Личный вдовый командир полка (Сушкова, потом Попова) имел серьёзный авторитет и, как выяснилось, педагогический талант. Разжалованные рьяно взялись за учёбу, были сильно удивлены значительными отличиями наших самолетов от того, что видели раньше, причём оба, чему удивлены были уже мы. Получается за пьянкой Хижняк даже не заметил отличий матчасти. Теперь всё по другому. Опыт не пропьёшь и прищлые быстро нагнав в подготовке новичков, влились в боевой состав. В итоге всех этих пертрубаций ком полка стал капитан Строгий. Комэск 1 — лейтенант Смирнов, который со своим ведомым составляли единственную слётанную пару в 1ой АЭ. Командиры звеньев л-ты Штерн и Круглов. Все ведомые были "птенцы", задача их подготовки стояла на первом месте. 2я АЭ к-на Карманова оказалась наиболее боеготовой, но и у них было два "птенца".

Третьей АЭ — ст. л-т Скорик. Ему достались трое из первой (включая его самого), двое из второй, трое фронтовиков, двое разжалованных (из за них погоняло АЭ стало штрафбат). Слётанными были пара из второй и пара фронтовиков, но не было птенцов. Уровень подготовки был пока не понятен. Так что во время передышки интенсивность учебных полётов была, даже выше чем боевых. И не напрасно, в середине февраля боеготовность части поднялась на очень приличный уровень. Надеюсь экзамен, который у нас будут принимать немцы, им сильно не понравится!

Кроме учёбы все службы полка готовились к перебазированию. В основном планировалось перемещение ЖД транспортом, но собрался и авто караван. Головной машиной традиционно определили Автопоезд ОГМ, старшим — комиссара Пучкова, зам — мл. л-та Киселёва имеющего опыт как дальних, так и зимних вояжей. Дальний и зимний одновременно внове. Ориентировочный район Елец. Маршрут проложили через Тамбов с

уточнением конечной точки. Узнав об этом к нам начали подтягиваться те, чьи дома находились в полосе маршрута, обещали ночлег и прокорм. Всех предупреждали — специально заезжать и даже останавливаться не будут, может лучше и не травить душу? Но комиссар посчитал, что если боец хоть на час заскочит домой, это должно сильно повысить моральный дух. Поэтому распорядился собрать сведения, согласно которым разбили маршрут на участки. Кому-то повезёт переночевать дома, кому-то лишь на часик заскочить пока остальные разминают ноги или обедают. На продукты местных рассчитывать не собирались (как бы наоборот не получилось), а вот ночь провести в нормальных условиях, дело хорошее. Таким образом получалось четыре этапа по 200 км с одной-двумя дневными остановками. Обескрыленный Эквilibрист уже установлен на трейлер и зачехлён. В прицепе пять бочек модифицированного топлива и три обычного на всякий случай. Так же там разместились остатки расходников. При оборудовании новых самолётов возникла проблема ПИСКов, из за отсутствия оптики. Снятая, когда удалось наладить контакт с трофейщиками. Техники в Сталинграде осталась тьма, так что набрались с запасом стекла и металлов. Переработали в удобную для транспортировки форму. Сюда же загрузили запас боеприпасов 12,7 для УБК на "Эк" е. В завершение нашего пребывания в составе Донского Фронта произошёл курьёз. За самые низкие потери и высокие показатели в уничтожении врага Руководство полка отметили наградами, в том числе и командира приступившего к руководству всего ничего. Тот возражал, но награды правительственные, представления переписывать некогда и некому, фронт упразднён, сказали аванс- отработаешь! Про второй курьёз, рассказал намного позже п-к Крикун. В захваченных немецких документах обнаружили жалобу на гнусных советских бомбардировщиков, которые в дым разнесли месячный запас боеприпасов и теперь их артиллерии нечем стрелять. Посмотрели у себя, оказалось в этот день из за погоды был только один вылет на бомбометание по наводке истребителя. Так и написано: — "сбросили в белый свет, Ла-5 стрелял по облакам, там что-то полыхнуло, выскочившие 2 Ме-109 разомкнулись и ушли в низ, больше до посадки ничего не происходило. Эксперимент считать не удачным." Оказалось не совсем так.

Наконец оргпериод закончился, заработал новый штаб фронта. Основная задача — перебазирование частей, в том числе воздушной армии и нашего полка в частности. По отработанной схеме транспортным самолётом улетела передовая группа во главе с НШ, вторым этапом по железке отправили основную часть наземных служб, остались лётчики и минимум механиков, который их выпустит. Уедут с автоколонной. Прощай обжитое место, как там будет на новом? Да так же как и всегда. Задач полку пока не ставили, потому с перелётом не торопились, пока не получили сообщение, что основная группа прибыла, обустриваются. Выдержали ещё сутки. Пора. Через час после взлёта замыкающего в путь выдвинулась и автоколонна. На перелёте Паша поставил меня между второй и третьей АЭ. Я рассчитывал идти в голове, смотреть в перёд. Он опасался что в сложных метеоусловиях кто-то может отбиться, заблудиться, в общем потеряться. Оказался прав. Один из птенцов второй умудрился потерять ведущего, как на зло на его самолёте стояла не полноценная рация, а только приёмник. Хорошо хоть включённый. Парень запаниковал, начал метаться. Аккуратненько успокоил, дал курс, тот понял что его видят, очнулся включил мозг, восстановил ориентировку. По тому, как перестал метаться и занял правильный курс, понял что меня слышит, подвёл к положенному месту. Теперь он сам начал маневрировать, видимо увидел ведущего пристроился. Тот слышал мои команды, но свои пять копеек вставлять не стал. Лишь на земле поблагодарил, обещал птенцу хвост выщипать. Посоветовал этого не

делать:

— Как без хвоста, твой хвост защищать будет?

— Я чуть чуть.

— Тогда другое дело! — посмеялись, смотрю у стоявшего здесь же виновника отлегло. — метео действительно было не простым, опыта маловато, в развороте облако зацепил, всего чуть, а выход прозевал. Ладно разбирайтесь. Буквально через пару часов вызвал Строгий.

— Надо слетать на разведку, думаю лучше тебе. Карманов со звеньевыми будет на подстраховке, сам видишь птенцов рано выпускать.

— Как скажешь командир, Что смотреть конкретно говорили?

— Разведка в интересах пехоты, так что общее положение, скопления войск, техники. Ну и для себя аэродромы посмотри, площадки.

— Якши.

— чего?

— Хорошо, по татарски.

— Господи и ЦК ВКПб, ты где этого набрался? — а вот сам где набрался я знаю.

— Да, ещё своих посмотри, всё что заметишь.

По итогам разведки заполнил три карты: одну на немцев — ничего особенного, вторую на наших — тоже ничего, а вот третью на наших если очень-очень внимательно присмотреться, напрашиваются выводы. Будет наступление и очень скоро. Думаю немцы этого не заметят, маскировка на уровне, хотя пределов совершенства не бывает, подсказал несколько тонких моментов. Вечером объявили благодарность лично от Рокосовского за качество разведанных. Приказали с утра повторить. Интересно, утро у них во сколько? И на чём лететь, небольшой запас модифицированного бензина который удалось отправить по ЖД ушёл. Баки не пустые, на 10–15 минут если что над аэродромом. Придётся пудрить мозги Строгому про присадки. Отозвал его в сторонку:

— Тщ капитан у меня проблемы с топливом, обычный бензин не идёт, запас кончился, а присадки с Григорием Ивановичем едут, без них никак "дракона" не поднять.

— Что ж ты запас отправил, а присадки не догадался? — смотрит лукаво. Не прокатило. Что же так стыдно, молчу.

— Вот, Саша! Зачем ты боевому товарищу, другу, голову морочишь? Гришка тебе нужен, а не присадки и мастерскую на колёсах ты кроме него никому доверить не можешь. Все старики знают, вы в самом деле шаманите, все эти танцы с бубном не просто так и друг без друга вы обычные люди. Были желающие, и я в том числе, поставить ваш дар на службу Родине, всему трудовому народу, да умные люди подсказали, что может делает, больше — вред будет. Так что не переживай, старики поддерживают вашу легенду, в глубь вопроса не лезут и новичкам не дают. Полетишь на 02. Я дал команду с утра подготовят. На дежурстве Скорик с фронтовиками. Всё, иди отдыхай, сам понял горячие деньки на носу.

А я то думал хорошо замаскировался. Глупо было думать — не заметят. Если Ишаки внешних изменений не имели, то наши Лавочки сильно отличаются от серийных.

Вот так получилось, что на начало наступления я остался безлошадным. Ещё и слепым, заряда пластины хватило на два вылета. Дальновидение потребовало зарядку, а сила в пути.

Обоз прибыл в предпоследний день февраля. А на 28е уже запланировано перебраться 80 км западнее вслед за наступающими армиями. Грише пришлось напрячься на остаток дня и начало ночи. Первым делом навесил на него планшет с пластиной, дальше пошли по

самолётам с профилактикой, потом готовили топливо для дракона. Хоть на машину не надо, осталось достаточно. В завершение заглянули на склад боепитания, отнивиловали снаряды. Что-то завтра зарядят, что-то с собой возьмут, остальное всё равно нашим останется, отступить не собираемся. Блин — накаркал.

Дело в том, что наступление нашего фронта планировалось как развитие успеха Воронежского фронта наступавшего по плану сталинградской операции, но из за трудностей передислокации, задержавшееся больше чем на неделю. Воронежцы выдохлись и остановились. У нас хорошо пошло левое плечо в направлении на запад. Более менее на северо-запад. Совсем никуда не пошло на север.

Перебазировались достаточно быстро. Перелёт я совместил с дальним разведывательным рейдом. Пока наши пёрли от души, но уж больно узким клином с не понятным мне стратегическим замыслом. Если бы на окружение, кому-то на встречу. Без поддержки с флангов, а её нет так как воронежский стоит и наши справа тоже, это удар рапирой которую надо будет вынимать обратно. Но 2 гв Кав Корпус упрямо продвигался на запад. Однополчане уже засобирались перемещаться западнее. Из каждой разведки я привозил сведения всё более тревожные: — фланги растягиваются, справа в них уже появились разрывы. Я наносил свежие данные по только состоявшемуся вылету. Подошёл к столу командир, подождал разглядывая как мы с НШ и разведчиком рисуем синие стрелы предполагаемых немецких контрударов. Я выпрямился и ясно увидел знакомые очертания выступа, позже названного "Курская дуга".

— Что думаете?

— По нашим данным получается либо Кав корпус надо немедленно останавливать и переходить в оборону, даже если они выйдут на Десну позиций не удержат. Либо нужны серьёзные резервы для укрепления флангов. — выдал справку Синеватов.

— По нашему полку, — добавил я, — Двигать на запад, да и драпать на восток врядли придётся, а вот укрепить оборону аэродрома не помешает, вернее обязательно нужно (а то иш полководцы, за себя подумайте. Дааа, танков бы с десятков, как тот раз, да где их взять).

Выкладки доморощенных стратегов оказались близкими к действительности, Конников осадили. В середине марта немцы попытались отыграться. Наши несколько попятнулись и встали в глухую оборону, по бодались до конца месяца и обе стороны успокоились пережидая весеннюю распутицу. Курская дуга сформировалась. Павда была более вытянута на запад. Так как своевременно остановленный прорыв и переход к обороне позволили закрепиться на достигнутых рубежах и отразить немецкое контрнаступление.

Работа полка особой интенсивностью не отметилась: кроме разведки, летали на сопровождение штурмовиков и бомберов, немного воздушных боёв, ещё меньше воздушных побед, совсем ни каких потерь (что радовало). В общем отличная обстановка для натаскивания молодняка. Теперь и вовсе лётная жизнь затихла. Летали только те кому достались аэродромы с хоть каким-либо покрытием, нам такого счастья не выпало. Копили боеприпасы, запасались топливом. Василию вспомнился послевоенный фильм с Михаилом Жаровым в главной роли, "Беспокойное хозяйство". Подкатил к Паше с "рацухой". Прямо по курсу взлёта километрах в 10–12 из под снега всплыло то-ли болото, то-ли сильно заросшее озерко. Даже сейчас открытой воды не было. Мысль организовать там ложный аэродром, всем показалась здоровой. Складывалась возможность взлетать здесь, а высоту набирать над ложным. Глядишь и прокатит, даже один раз — хорошо, а не один — ещё лучше. Выдвинулись на тягаче с трейлером, на который навалили всё, что мало-мальски

напоминало самолёт, обрывки маск сетей, аэродромный мусор, бочки. Это должно было придать достоверности нашей приманке. Пока добрались два раза застряли, выручила лебёдка. Провозились три дня, придавая достоверный вид. Где торчал плохо замаскированный хвост, где крыло, подразумевалось, что остального не видно под маскировкой, где штабель бочек или ящиков. Обустроили зенитные ячейки из деревянных пушек. В общем подошли творчески. Как только будет возможность посмотрим сверху, если что подкорректируем.

К 22 апреля меня направили в Москву, для вручения звёздочки. Выпросил в сопровождающие Григория Ивановича, думал хоть на денёк смотается в Горький. Так как друг без друга ценность наша была не велика, обстановка позволяла, то разрешили. Получилось это так: 20го во второй половине дня объявили построение. Повод оказался приятным. Пришли награды, представления на которые посылали в Москву, Командиру, НШ, комиссару, а также особо отличившимся (не особо отличившимся уже вручены на уровне дивизии, армии, фронта). К-ну Строгому присвоено звание "майор". Награды вручал представитель оперативного отдела армии п-к Крикун (- так вот ты какой крикун! — совместилась фамилия и образ человека в голове Александра). Как изюминка на торте: мл. л-т Смушкевич командирован в столицу для получения звёздочки. После роспуска строя подошёл к Синеватову, просить придумать повод послать со мной Киселёва.

— В штабе поговорим, тебя полковник видеть хочет.

У командира сидел полковник.

— Разрешите, по вашему приказу....

— Заходите. Просил? — спросил гость у НШ.

- Ну так... — видимо подводя итог предыдущего разговора Тимофеич.

— Мл. л-т Смушкевич, — начал официально, теперь уже, майор

— направляетесь в штаб ВВС РККА, для получения награды. Вас будет сопровождать мл. л-т Киселёв. Срок командировки вам определят.

Понятно, меня просчитали и заранее пошли на встречу, смотрю и полковник в курсе. — Через час выезжаете вместе со мной, готовится самолёт для представителей от фронта на награждение, полетите с комфортом. Обратное по обстоятельствам.

Я дёрнулся бежать друга предупредить, да собираться.

— Не спеши, — продолжил Крикун, — Твоего товарища предупредили, форму подготовят. К тебе есть вопросы. Во первых спасибо за качество разведанных, кроме того в штабе фронта оценили ваши аналитические выкладки. Гаврила Тимофеевич говорит, что в основном это твоя заслуга, — пресёк жестом попытку возразить, мол сейчас не о том разговор, — Ты летал, смотрел своими глазами, предыдущие прогнозы были достаточно точны, что думаешь сейчас. — увидел, что я замялся, — Говори всё как есть, ничего не бойся.

Как сказали Ильф и Петров: "Тут Бендера понесло". Рассказал всё что помнил про план операции "Цитадель". Помнил-то не много, в общих чертах. Категорически отверг мысль об упреждающем ударе, хорошо не подготовить, зачем ломиться на свежие силы, лучше в обороне выбить пехоту и танки. Главное выбить у них танки и ещё раз танки. А вот нам авиации как раз и следует нанести упреждающие удары. Задачи: разведка, истребителям уничтожение разведчиков врага, штурмовикам готовиться уничтожать танки и подвижные моторизованные части, бомбардировщикам нанести превентивные удары по аэродромам, немцы, скорее всего, захотят сделать тоже, надо их опередить — хорошо подготовиться,

тщательно разведать, всем что есть нанести удар, можно даже один, но неожиданный и концентрированный. Ну и готовиться отражать встречный.

— Так вот откуда идея ложного аэродрома.

— Так точно, мы все нюансы докладывали. — вопросительный взгляд на НШ, тот кивнул.

— Да, я изучал, вот, кстати, снимки вашего района, — подвинул лежащие на столе фотографии большого формата, — очень достоверно. Наши дешифровщики сказали, 90 % что купились бы, кое-что по мелочи подсказали, а также перспективные площадки для ловушек. Командование решило инициативу поддержать, сеть ложных аэродромов развивать, особенно актуально, если действительно будет решено в первую фазу сделать ставку на оборону. Сейчас рассматриваются варианты. Много идёт информации, что противник собирается наступать южнее.

— Деза, тоже информация если знаешь, что это деза.

— Логично. Ладно поговорили, я услышал. — только тут я обратил внимание на, пристроившегося в уголке неприметного человечика с кипой исписанной бумаги — Стенографист, ну и ладно, зато не забудут, — Давай собирайся и подходите сюда. Я вас дождусь.

В дороге ничего примечательного не произошло. Из лётчиков в группе был я один. В Москву прилетели рано утром. Встретили, разместили в гостинице. В предписании было указано явиться в штаб ВВС. Понимал что Гриша рвётся в Горький, но попросил дожждаться меня (как оказалось правильно сделали). На улице моросил дождь, конечно не ливень, но парадку жалко. Одел плащ палатку. На входе в штаб, возле дежурного кучковалась группа лётчиков, человек пятнадцать, в парадной форме. Грудь у всех украшали ордена и медали.

— Тебе чего, мальчик? — увидев меня, тут же, несколько свысока, поинтересовался один из них.

Невольно вырвалось: — Да вот звезду героя получить хочу!

Народ развеселился. — Понимаешь, браток, — перешёл на покровительственный тон собеседник, — Что бы стать героем, надо вначале выучиться летать, потом с полгодика повоевать, фрицев сбить штук пятнадцать...

— Уже.

— Что уже?

— Всё уже.

— Что всё?

— Что ж такое! Лётчик, а доходит медленно. Уже выучился, на фронте со второго июля 41, и фрицев насбивал чуть больше чем 15. - сбросил плащ, две красных звезды и два боевого красного знамени, ясно давали понять, что не вру. Говоривший опешил, публика незлобно смеялась уже над ним. Я подошёл к дежурному, предъявил документы и предписание. Тот посмотрел: — Ждите с товарищами. Группа соберётся, вас отвезут на вручение.

Вернулся к лётчикам, представился: — младший лейтенант Смушкевич Александр, 16 ВА, *83 ИАД, **3 ИАП

— Серафим Сергеев, — представился давешний собеседник, — извини обмишулился.

— Ничего, я привык, все покупаются на мой внешний вид.

— Да, молодо выглядишь, а на самом деле сколько? — спросил кто-то.

— Скоро 18.

— Фюить, — присвистнул, — и с июля летаешь?

— Нет, летаю с апреля 42, но в полку с июля, мотористом был, в полку и подготовку прошёл и летать комиссар научил.

— Такого не бывает!

— Не знаю, наверное, но один раз было, точно!

Все рассмеялись. Начали вспоминать случаи, которые в принципе не возможны. Кто-то садился на половине крыла, кто-то пулю рукой ловил, кто-то без парашюта прыгал и живой оставался. Как обычно сами не видели, но рассказывали верные люди.

— Вот и мне рассказывали во время переучивания в втором ЗИАП, — начал очередной рассказчик, — был у них курсант позывной "Змей". - я слегка дёрнулся и с удивлением заметил, что оживилась большая часть слушателей, — так вот он сначала Михалыча, инструктор местный, на спарке укатал, тот еле из самолёта вылез. А перед отлётом мастерство показал, сначала боевое пилотирование, этим нас не удивишь, но местные говорили — за ним и секунды не удержишься, не то что прицелиться. Потом высший пилотаж, очень красиво. А в завершение выполнил "НАБАТ".

— "Колокол" — на автомате поправил я, в очередной раз язык обогнал мозг, но сошло.

— Точно "Колокол". Слышал, да? — это мне. Пришлось кивнуть.

— Самолёт свечой идёт, потом останавливается, — он начал руками показывать как это должно выглядеть, — висит минуту и падает хвостом в низ. Все чуть с ума не сошли. Его командир так материл, все мухи на километр подохли. Только Акуленко и не дал убить. Сказал, что с такими лётчиками побьём фрицев, но кто захочет повторить трюк пусть сразу копает себе могилу. Если выживет сам убью.

— Может сказка, уж больно не реально.

— Вот человек не даст соврать! — обратился за поддержкой ко мне рассказчик. Я снова кивнул: — не дам, но трюк для боя бесполезный.

С этим все согласились.

— Я про Змея то-же кое-что слышал- будто он в первом боевом три мессера и один лапотник срезал.

— А в первой рассказывали у него на весь "Ишак" красный змей горынычь нарисован был. За это немцы прозвали его на свой лад красный дракон. Так вот напал он на четвёрку стодевятых, двух срезал, а двое сами выпрыгнули не дожидаясь пока собьёт.

— Да не может быть, это уж совсем ни в какие рамки.

— Я в восьмой под Сталинградом воевал, — начал следующий, — в соседях 16я. У них свой змей имелся, тот же или другой не знаю, а только немцы его до икоты боялись, в особенности транспортники. Как увидят, сразу перед собой садятся, либо летят куда укажет. Рассказывают под новый год Юнкерс пятьдесят второй с коньяком и шоколадом прямо к столовой посадил, а другой раз разведчика Ю-88, прямо к штабу армии.

— Про коньяк с шоколадом то-же слышал, а вот разведчика майор Попов посадил, не к штабу конечно, на аэродром, но близко. Я в то время в 16ой на ПЕ-2 летал. Пересеклись мы со Змеем, не здорово получилось, но так и быть расскажу. — Все затаив дыхание слушали бомбера, это не кто-то где-то, очевидец. — Погода за Волгой дрянь сплошная многослойная облачность, земли не видно нам работы нет. Приходит приказ бомбометание по наводке истребителя, выделили моё звено, подвесили по 10 соток. Летим. Ну и где лидер, а тут я и выскакивает перед носом из облаков как чёрт из табакерки. Ещё и глумится, не боись мол, я тебя видел. Самолёт не поймёшь, вроде Ла-5, а вроде и нет. Какой-то горбатенький, фонарь большой и на весь фюзеляж змей красный. Начал голову морочить, то ему включи, то

выключи, то подверни, то разомкнись пошире. А что толку под нами сплошная облачность словно снежная целина. Так послать его хотелось, да приказ! Он вообще сзади пристроился и командует, ну кто так бомбит, сброс. Короче сбросили в белый свет как в копеечку, как нам казалось. Затем ещё момент: — на обратном пути отошёл от нас чуть в сторону и крадётся словно кошка за мышью. Две очереди в облака, там что-то полыхнуло, что именно не видно, за то своими глазами видел, как ещё дальше пара худых из облаков выскочила, плотненько так, а Змея увидели, так в разные стороны и обратно. В общем доложили всё как было, результатов нет. На том всё и затихло. Потом в госпиталь попал, по излечению в другой полк направили. И вот недавно награда нашла героя. Выяснилось, мы тогда стратегический склад боеприпасов в дым разнесли. А мне стыдно, человеку даже спасибо не сказали.

— А какой он Змей?

— Этого сказать не могу, самолёт видел, Его лично нет. Говорили Здоровенный выше двух метров, руки как грабли, силищи невероятной (ясненько, описывает Гришу).

— Товарищи офицеры. — Полковник провёл переключку, все на месте. — прошу на выход в автобус.

Подвезли к помпезному зданию, вошли в не менее колоритное фойе. Там приличное количество гражданских и военных ожидали приглашения в зал. Ровный гул голосов разорвал женский окрик: "Сашка!! Змей!!" Сквозь толпу, словно ледокол через льды, двигалась женщина приличных габаритов. Остановилась на секунду, словно хотела удостовериться, что не ошиблась, вновь повторила: "Сашка!..... Змей!" Катя сграбастала меня в свои объятия, расцеловала, она плакала и смялась одновременно приговаривая: "Сашка.... Змей". Люди наблюдавшие эту трогательно-комичную сцену, очень даже понимали её участников, а какой-то фотограф изловчился пыхнуть фотовспышкой. Наконец я смог сообщить, что Гриша тоже в Москве и может хватануть в Горький. Мы как по команде, подхватив слетевшую фуражку, бросились искать телефон. А за нами как шлейф тянулся шепоток: "Змей", Так это и есть Змей! Неужели Змей? К концу церемонии Гриша уже ждал нас у выхода. Принимать участие в массовке, более необходимого, желания не возникло, по тихому слиняли. Награждённым военным выделили два дня на отмечание. По истечении этого срока нас ждал самолёт для возвращения. Но эти два дня были наши. В день прилёта я составил компанию супругам, когда узнал все новости, оставил их наедине до самого отлёта. А новости были такие. Военпред на заводе, то-ли из вредности, то-ли из благодарности, возможно потому что лётчик, а не инженер, или не нашёл другого способа. Короче отдал наработки жене одного из нас, то есть Екатерине Васильевне как раз инженеру с высшим образованием. Та быстро разобралась: — в первой части предложения не требующие изменений технологии или не значительно, легко осуществимые. Во второй части: — важные, дающие значительный эффект, но требующие серьёзного изменения технологического процесса. Третья часть: — на будущее, неосуществимые на теперешнем уровне. Вот первую часть Катя и понесла на совместное "заседание" представителей КБ и заводских технологов. Предложения признали очень даже разумными. Часть приняли решение претворить в жизнь немедленно, оставшееся предали на ознакомление генеральному. На заводе сложилось мнение, что предложения исходят лично от Екатерины, работы на дефектной площадке проходили под её руководством где и были отработаны все тонкости. Катя, помня обещание не светить участие друзей, не подтверждала и не опровергала оное. Поэтому Лавочкину её представили как автора разработок. Знакомясь с

ними (разработками) Семён Алексеевич в основном задавал вопрос: "А зачем это нужно?", всегда получал исчерпывающий ответ и что его удивляло, основной акцент сделан на удобство лётчика и эффективность боевого применения, словно автор сам пилот, иногда в ущерб ТТХ, хотя их прирост с лихвой покрывал этот ущерб. Все предложения утвердил и даже кое-что добавил. А вот когда Екатерина Васильевна попросила обсудить разработку, требующую серьёзных изменений производства, энтузиаст и замечательный конструктор на пару с разработчицей перестали существовать для внешнего мира. Когда они наконец вернулись в реальность, задал вопрос: — товарищ инженер, у меня сложилось такое чувство, что у вас есть чем добить меня окончательно?

Катя предъявила на его суд радикальное предложение из той же второй части. Конструктор собрался снова отключиться, но остановил себя: — нет это слишком серьёзно, я вас забираю в КБ. Надо внимательно изучать, считать, проверять.

Забирать то он забирает, да кто же отдаст. Директор встал бетонным дотом, — Не пуцу, по крайней мере пока не внедрит свои же предложения! — всё же немного уступил. К вопросу перевода обещано вернуться обязательно. Екатерину назначили ответственной за внедрение, для веса поставили на должность второго зама главного технолога.

К вечеру прибыл представитель от КБ Швецова, получил такую же обстоятельную беседу, так же решил забрать в КБ сей бриллиант. Здесь Катя, не имевшая тяги к моторам, передала материалы первых двух частей (помнила суждения Александра о вреде несвоевременных знаний) и наотрез отказалась, сославшись на уже решённый вопрос о переводе в КБ другого направления. Было выражено сожаление и Валентин Иванович отправился изучать, да внедрять.

За отладку технологического процесса Екатерина Васильевна получила солидную денежную премию (которую тут же внесла в фонд победы) и орден Трудового Красного Знамени. Который сегодня ей вручили. Похвалил решение дозировать материал (хотя сам это заложил), оставил влюблённых наслаждаться обществом друг друга, пообещав набросать ещё идей, раз в лице Кати получилось такое надёжное прикрытие. Орденосцы "обмывали" награды по ресторанам. Я просто побродил по военной Москве, узнавая и не узнавая столицу, а затем исполнил обещание. Перенёс на бумагу всё, что вспомнил. Получилось как бы завещание, хотя не было никакого предчувствия. Насыщенные работой два дня для меня показались долгими, наполненные любовью для Гриши — одним мигом.

Раннее утро 25 го. Поезд на Горький и самолёт на Центральный фронт уходили почти одновременно. Расстались в гостинице. Мы уходили не оглядываясь. Катя молилась так тихо, что услышать мог только я, просила господина сохранить её любимого. Всё правильно на фронте неверующих нет.

СНОВА В БОЙ!

Жизнь в полку снова стала размеренной. Подсохла земля, начали летать, в основном разведка и наоборот (гоняли немецких оппонентов), сопровождали воздушных фотографов, пользуясь относительным затишьем натаскивали молодняк. Обратил внимание на любопытную деталь. Дело в том что в 41 большинство лётчиков люфтваффе имело богатый боевой опыт, чем наши лётчики похвастать не могли. Их техника была на пике формы (уже избавилась от детских болезней), наш И16 полностью исчерпал ресурс модернизации, ЛАГГи, ЯКи, МИГи были полны недостатков свойственных новым моделям самолётов и двигателей. Теперь опытных лётчиков выбили. Их новички сравнивались с нашими новичками, а опытным уступали значительно. Ещё не 41 наоборот, но шло к этому. Техника не только излечилась, но и пошли серьёзные улучшения. О безоговорочном господстве "люфтов" никто не вспоминал до начала Мая. Так вот деталь заключается в том, что на нашем участке появились "эксперты". Это жу-жу, как говорил Винни Пух, неспроста, а лишнее подтверждение подготовки немецкого наступления. Они большие специалисты по концентрации сил на направлении главного удара. Откуда этих начали подтягивать? Скорее всего из Африки или западной Европы и с других менее важных, по их мнению, участков фронта. Нью-ню, здесь мы их и закопаем. Доложил свои наблюдения по команде. Что наши? Вполне правдоподобно изображали, что верят в немецкую дезу, достаточно незаметно готовили многоуровневую систему рубежей обороны. А вот день Георгия Победоносца решили отметить серьёзным фейерверком. Вечером пятого мая довели приказ о нанесении массированного удара по аэродромам врага. Для этого под воздействие 16 ВА назначены всего 5, но очень важных, точек в районе г Орёл и н.п. Навля. Поскольку, хорошо разведанные, цели находились в радиусе от 100 до 200 км, штурмовикам ставилась задача подавление ЗА и МЗА. Истребителям — прикрытие с воздуха, по возможности завершающая штурмовка. Бомбардировщикам — основная работа. Взлёт в 4,30. Поднимали практически всё что могло стрелять и бомбить. Мы прикрывали два штурмовых полка. В первую группу входила 1я АЭ и второе звено третьей, я в роли пункта наведения и зачистки потолка. Вторую группу составили 2я АЭ и 1е звено третьей, вёл их Ком полка. Цели обеих групп располагались достаточно близко, рассчитывал и им помочь в плане дальнего обнаружения, хотя при таком количестве самолётов в воздухе, вопрос сложный. Скорик со своим ведомым составили хоть какой-то резерв и охранение аэродрома.

Чуть засерело небо. Взлёт! Я первым. Забрался повыше. Развернувшаяся панораме массового подъёма авиации завораживала. Со всех площадок, сколько хватало глаз, взлетали, строились в боевые порядки Сталинские соколы всех мастей. Всё в режиме полного радио молчания. У немцев тоже тишина (специально полетел на "ЭКе" со второй немецкой радиостанцией, отслеживать их эфир). Проконтролировал наши группы. Порядок. Идут ровно, этажеркой, как отработывали. Курс на пересечение с штурмовиками, скорее всего видят. Да, так и есть — заняли позиции. Непосредственно в боевых порядках одно звено, которое во время работы поднимется повыше, дальше по обстановке. В эфире — тишина, боязнь что она преждевременно взорвётся канонадой команд на гортанном языке охватывает душу. Но нет, тишина длится! Наши группы практически одновременно выходят на предписанные точки. Началось! ИЛы волнами накатывали на врага, обрабатывая РСами,

заранее разведанные места расположения ЗА и МЗА. Вторым заходом приласкали тех, кто проявил признаки жизни. С нашей точки пыталась взлететь четвёрка 109х. С первой парой разобрался "штрафбат", они были ближе всех. Вторую пару прямо на старте развалил из пушки какой-то илюха. Они заканчивали штурмовку, подключились истребители. Мы договаривались, если обстановка позволит, отстрелять не более 2/3 боекомплекта. Обстановка позволила. Я дал "добро". Радио каналы фрицев вскипели, только не от канонады команд, а от панических визгов, добавлявших неразберихи. Поздно, суки! ИЛы и "Лавочки" отошли, теперь накатывали волны бомбардировщиков. В тепличных условиях превращая аэродром в лунный пейзаж. Наши вместе с подопечными потянулись в сторону дома, я сделал ещё пару неспешных галсов и собирался уже последовать за ними, когда рассмотрел в 25 км хорошо замаскированный склад, никаких ориентиров, на пальцах не объяснишь куда целиться.

— Я Змей, вызываю бомбёров, есть жирная цель.

— Змей, я 201. На связи.

— 201, если можно, звено выдели. — 201 был в курсе перипетий по уничтожению склада за Волгой под Сталинградом, все понял с первой фразы.

— Змей. Я 201. Три хватит?

— Да.

— 221!

— 221 на связи.

— 221 под управление Змея.

— Принял. Змей, я 221, готов принять целеуказание.

— 221, твой бортовой?

— 47

Пошли за орденами, не сомневался и слегка завидовал командир БАП.

— 221 тебя вижу, — его тройка замыкала девятку ПЕ-2, - вам влево 25 градусов. 221 на курсе. Включить бомбовооружение.

— Включил.

— Включить главный.

— Включил.

Ожидаемо появились траектории падения бомб, на земле овал вероятных попаданий.

— В лево 3. Ещё чуть. Отлично так держать. Приготовится!

— Там же ничего нет! — произвольно вылез в эфир штурман 221го. Но команду "Сброс!" выполнил чётко. Стрелок-радист лежал на полу у нижней огневой точки и наблюдал как 12 по 250 кг постепенно отставая от самолётов падали вниз, туда где ничего не было. 30 секунд показались вечностью. "Ничего нет" рвануло так, что самолёты подбросило, а лётчикам пришлось успокаивать взбесившиеся машины. Одному из ведомых даже прилетел приличный осколок в крыло. На земле горел пожар и продолжали взрываться боеприпасы, видимо приличного калибра.

— Вот это "ничего нет" еб...бабахнуло, а если бы ещё что-то было? — сострил кто-то из ведомых.

— А ты говорил ничего нет! — пенял командир пикировщика своему штурману, — Змей плохого не подкажет.

— 221. Я Змей. Вам влево 110, за своими. Спасибо за работу.

— Принял 110. Тебе спасибо!

— А как он нас наводил? — подал голос по внутренней штурман, — Ты его видел?

— Я его видел, — ответил за командира стрелок, — сзади шёл около километра с превышением метров 500. Смотрю какая-то хрень пристраивается, на всякий случай приготовился отражать, а он стал в кильватер и не приближается. Работу зафиксировал и очень уж лихо ушёл.

— Их полк вроде на "Лавочках" летает.

— Нет, только не ЛА-5, а какое-то безобразие. Мне вообще показалось задом на перёд летит. Нос тонкий широкий, винта нет, есть маленькие крылышки. Зад толстый, там и крылья, Винт не рассмотрел, ракурс неудобный, скорее всего сзади.

— Утка. (аэродинамическая схема)

— Утка- не утка, а селезень ещё тот! Уж в профилях разбираюсь, нет таких ни у нас, ни у немцев.

Фейерверк в честь Георгия Победоносца виден был километров за 50, а то и за 100. Там нечаянно досталось нашей наземной разведгруппе. Они по косвенным вычислили район крупного склада. Но точное место до начала операции установить не смогли. За-то чётко зафиксировали, как на средней высоте в горизонтальном полёте 3 петляковых сбросили бомбы туда, куда разведчики ожидали меньше всего, причём совсем не далеко, почему все поголовно получили лёгкие контузии.

Во втором и третьем вылете штурмовики не участвовали, нами усилили прикрытие "Пешек". Не зря. Фашисты очухались, подтянули прикрытие с дальних аэродромов, рассредоточились по площадкам. Лафа кончилась ожидаемо быстро. Прикрывать БАП подняли 1ю и 2ю АЭ, третья осталась в резерве. С нами работали две АЭ соседнего ИАП нашей дивизии. Действовали по отработанной у нас схеме. Я выше всех сижу, далеко гляжу. Наша первая непосредственно в боевых порядках, остальные висят под потолком. По мере появления неприятеля информирую о направлении, высоте и количестве. Командиры решали сколько и кого послать на встречу. Те имея преимущество в высоте и скорости пресекали всякие попытки атак в зародыше. Поскольку группы немцев были не многочисленны день закончился без потерь. Правда и эффективность второго и третьего вылета значительно снизилась.

Вечером на разборе мне, ожидаемо, досталось на орехи. Что будет если все начнут менять полётное задание по своему усмотрению? Будет бардак и ничего хорошего. Я полностью согласен, раскаиваюсь, но... Про "но" поговорили с Пашей privately: — Саша все понимают был момент. В других условиях это цель для полка, а то и для дивизии, а вы звеном в дым. Там по всему крупный калибр то-ли бомб, то-ли снарядов. Если бы не результат командира БАП могли расстрелять, и это правильно. Он сильно рисковал. Ты и он получаете по выговору с нехорошей формулировкой.

— А экипажи?

— Их к орденам, они выполнили приказ.

— Это хорошо.

Утром седьмого вновь сопровождали БАП по две АЭ от двух ИАП, по вчерашней схеме и влипли. Только подошли к линии фронта на нас вышла группа 24 МЕ-109. Им на встречу выдвинулись 22 Як-1 соседей, завязался бой. В это время с другого направления возникли 16 мессеров, вперёд пошла десятка Кармановцев. "Штрфбат" прикрывал боевой порядок. В резерве остались Я и пара Строгого. Третья группа фашиков, то-же 16, заходила вообще с нашей территории. Замысел понятен — выйти в тыл, не дать отойти. С базы взлетает 1я АЭ,

но нужно время. Оголять бомберов нельзя. Значит пришло наше время.

— Паша от репера 7, 16, высота 3. Атакую. Вы подчищайте.

"Это была славная охота КАА". Хорошо, что я был на "эквilibристе". Тяговооруженность, а тем более маневренность не сравнить. Бой вёл на пределе возможностей машины и человека. Каскад приёмов и уловок противника ошеломил. Ещё бы, представьте эксперт зашёл в хвост, поймал в прицел врага сейчас даст очередь и конец этому недоразумению русских, но тот переворачивается и очередь прямо в лицо, эксперт уже не видит как в след за ним завыл прощальную песню самолёт его ведомого. Паша подзабыл мартовский день 42го, показ в Савастлейке казался физическим пределом. То, что Сашко творил сейчас было за гранью понимания. Но опытный боец не хлопал ушами, растерянность врага использовал по полной. Вместе с ведомым одного приземлили и добились трёх подранков. Змей завалил пять. В немецком эфире вновь прозвучала подзабытая тема про рот Дракона. Оставшиеся бросились бежать, да вот незадача, бежать надо через нашу территорию, а тут Смирновцы подоспели, не без наводки. Так что из огня да в полымя, да нам не до них. Яки не смогли связать всех, те не вступая в бой рвались к Пешкам, получалось далеко не у всех, тут уже дорабатывали Скориковцы. Соседи навалили немало, но и сами понесли потери. Не обошлось и у нас. 2я АЭ потеряла обоих птенцов, Один наглухо (тот что блудил, видимо судьба), второй выпрыгнул. Их оппоненты не прорывались к бомбардировщикам, а целенаправленно бились с истребителями, по всему в этой группе были самые опытные, разошлись 2 на 2, и умотали только когда подошли мы со звеном из первой. Второй вылет был не менее напряжённый, с той разницей, что немцы не сильно упирались и отходили при оказании сопротивления. Обошлось без потерь и без побед.

Восьмого состоялся один вылет. Пришлось подраться и мне. Добавил к счёту пару, не радуется. Погиб майор Хижняк. Защищая бомбардировщики пошёл в лобовую, немец попался упёртый — не отвернул. Погибли оба. Майор потому, что полностью восстановили. Посмертно наградили орденом Ленина. Правда я об этом узнал много позже.

Воздушную операцию, из-за возросших потерь и снизившейся эффективности, свернули. Вернулись к задачам разведки, контрразведки. Ещё была объявлена свободная охота на паровозы, в смысле на любой транспорт. Так как хитрые тевтоны перемещаться предпочитали ночью, то "ЭК" снова в бой. Лишил фрицев трёх паровозов с составами, причесал пять авто караванов. Атаковал танковую колонну, почти безрезультатно. Упокоил какой-то Ганомаг, "четвёрки" лишь поцарапал. 12,7 даже заряженные против их брони не проканалы. Надо подумать о пушках, против самолётов они может и избыточны, хотя как посмотреть? Решено, думать не буду — поставлю и посмотрю. Подпряг Гришу на поиски пушек (его оружейники любят). Перебрал несколько вариантов и остановился на чисто пушечном, вместо четырёх УБК установили три ШВАК и 250 на каждую. Установили, да не доделали. 22 мая объявили тревогу. Взлетел на "драконе" (на "ЭКе" всё таки поприятнее кабина), набрал высоту.

— Ё моё. — около двух сот бомбардировщиков собрались прощупать Курский ЖД узел. — Нее, так не пойдёт.

Паша оставил троих, у кого нет ведомых, в резерве, остальные 26 в воздухе. Группы отработаны: атакующие, прикрывающие. Главное разбить им строй. Мы первые прибыли на разборку. Большой частью связали прикрытие, Два звена и я в атаку. Захожу на ведущего средней колонны. Каналы силы протянулись от планшета к пушкам. В мою сторону потянулись трассы оборонительных пулемётов, далеко, на испуг берут. Щас сам вас

испугаю. Таак, готовы? Залп. Что-то пошло не так, да хрен редьки не толще. Разнёс двигатель, тот отвалился вместе с половиной крыла. Юнкерс завертело, так пожалуй и не выпрыгнет никто. Ушёл на второй заход. Братва, тоже не зря патроны жжёт. А вот и наш задымил, пара вывалилась из боя, уходят домой. Смотрю перехватчиков прибавилось. Словно соколы выводок куропаток, клюют вражеский строй. Набрал высоту, огляделся выбрал цель, атака и нет цели. Теперь и мне досталось, даже не знаю от кого. Не смертельно. Немцы упрямо идут в перёд, яростно огрызаются, теряют камрадов, только плотнее держат строй. Их ещё много, но и наших прибавилось. Ещё заход и горящие обломки осыпаются на землю. С пункта наведения: — шестисотые вам на заправку.

Это нам. Второй вылет от нас не потребовался. К городу если кто и прорвался, то никуда толком не попал. Мы без потерь, два лётчика легко ранены. Все, кто атаковал бомбардировщики, с дырками в разных местах. Один самолёт повреждён при посадке из-за не вышедшего заднего колеса. Работы для ОГМ вагон и маленькая тележка, собой пока позаниматься не получится. На следующий день пришли подтверждения на сбитые. Поздравили с преодолением мастерского рубежа в 30 побед (по нормативам вторая звезда), хоть и не за цифры воюем, а за СВОБОДУ. Ребята шутили: — на погонах по одной звёздочке, а на груди две будет.

Больше недели восстанавливали матчасть. Начать командир приказал с "дракона" и ежедневно выполнять облёт района. Остальное время по первой специальности. Безусловно на разведку, контрразведку, свободную охоту летали все, чьи самолёты были бое-готовы. И всё же именно от меня, в крайний день весны, поступил тревожный сигнал. На аэродромах и площадках севернее и северо-западнее нас сконцентрировано большое количество авиации противника, в основном бомбардировщиков. Что говорило о вероятности крупного авианалёта в ближайшее время. Цель — Курск. На это указывают участвовавшие пролёты разведчиков в этом направлении. Вот и сегодня, возвращаясь с осмотра подконтрольной территории, заметил одиночный 88D, двигающийся в том же направлении. Дождался пока углубится на нашу территорию. Подкрался сзади, хотел отстрелить антенну, а снёс всё вертикальное оперение. В открывшуюся панораму увидел как верхний стрелок судорожно пытается навести пулемёт, но ограничитель не позволяющий попасть в собственный хвост, мешает. Вот так: — хвоста нет, а ограничитель есть. Предлагать им присесть, как рассчитывал, почти смешно. Добил хвостовое. Разведчики всё поняли, 4 купола и самолёт без хвоста и экипажа продолжил последний путь. Теряю хватку. Из пулемётов лучше стрелял. Связался с ВНОС, доложил. Обещали выслать группу задержания. Как оказалось обещание выполнили, те качественно сделали свою работу, в том числе нашли упавший и чудом не сгоревший юнкерс. Так что информации добавилось.

Любопытно что заявку на сбитый предъявил один лётчик и зенитный расчёт. Мол стреляли он упал, хорошо что не попали, а то бы сожгли документацию.

Сегодня закончили с общественными делами. Завтра наконец займусь своим хозяйством. Ага! Вечером объявили повышенную готовность (куда выше и так на войне). В 4 утра вызвали в штаб, догадываюсь зачем. Отправил Гришу готовить "Дракона", сам бегом. Предчувствия не обманули. Приказ аж из штаба ВА, посмотреть. Не евши, не пивши, в кабину. Газу до отказа, взлетел чуть ли не со стоянки. Набираю высоту. Хорошо в шлемофоне, так бы Эйнштейна (который учёный) изображал. Докладываю, (опередил ВНОС минут на 10)

— База, 603му

— База на связи.

— В коридоре от репера 1 до 9 пять групп до 30 толстых в каждой. Сопровождение до 30 "Фок" и "худых". До ленточки 15–20 км.

— Понял тебя 603,- голос РП.

Теперь Строгий: — Твоё решение?

— Попробую оттянуть прикрытие.

— Принял, Держись. Мы поднимаемся.

Ну да, ну да! Поднимаемся (сарказм). Пока тревогу сыграют, пока то-сё. Что ж, двум смертям не бывать, а одной не миновать! Вперёд Дракон. Полез повыше, встречная скорость под девятьсот, минуты четыре у меня есть. Всё хиханки закончились, максимальная концентрация. Три минуты. Всю армаду позволяет охватить только "радарное зрение". Каналы силы к пушкам проложены, Начали! Иду на ведущего средней колонны. Наперехват бросаются "худые", думают успевают, а вот и нет! Стреляю чуть ли не с километра. Восемь снарядов чётко вошли в остекление круша всё на своём пути. Давно такого не видел. Детонация. Огромный огненный шар. Юнкеры пока идут не плотно, однако ведомых осколками задевает. Они сбрасывают бомбы и уходят с разворотом вниз. Хорошее начало. Мессеры остервенели. Подтягиваются ещё желающие отведать мяса Дракона. Но тут вам не здесь. Завертелось. Успеваю заметить: — с наших аэродромов поднимаются небольшие группы, видимо дежурные звенья. Наверняка кто-то руководит, распределяются равномерно. Это хорошо, только почему я не слышу? Вокруг меня крутится больше десятка. Пока бестолково, торопятся, больше друг другу мешают. Пора добавить красок в пейзаж. Кручу кадушку, пара "фок"(молодые наверное) проскакивают. Ну кто вам здесь нянька, получите распишитесь. Ведущий задымил, вышел из боя, потянул к себе, ведомый следом. Вот и ладушки, в прикрытии на два меньше. Остальные поняли, что с наскока не получится, сделали паузу.

— 603, 610му

— На связи 603.

— Как ты?

— Держись.

— Идём на помощь.

— Я справлюсь, работайте толстых.

— Понял, переходи на 11, там управление.

— Понял перехожу. Не горячитесь. — четвёркой всю работу не сделаешь, только голову сложишь ни за что. Не послушает ведь! Разговор разговором, а фашики решили провести скоординированную атаку, ага! ещё четвёрка подтянулась. Оттягиваю весь этот клубок в хвост колонны. Пары поочерёдно пикируют на меня. Но я ведь вижу вероятные траектории их стрельбы и кручусь между ними. Нападающим кажется ещё чуток и всё никак. С аэродромов начался массовый взлёт. Боюсь не успевают, до Курска осталось чуть больше 40 км. 6 мин лёту. Зенитчики точно без дела сегодня не останутся. Успели рассеять боевые порядки, слаженного удара у немцев не вышло. К городу прорвались одиночные экипажи и всё таки отбомбились. Не успели толком дух перевести. В этот раз команда на взлёт всем. Шепнул командиру: — на этом не останутся, пусть техники не расслабляются! Тот кивнул:

— Пал Палыч, Тимофеичь настраивайте людей на срочную подготовку Третьего и четвёртого вылета. Всё, пошли. Змей ты первый!

— Есть! — кто бы сомневался. Снова взлёт практически со стоянки, набор высоты на максимале. Вот они падлюки! А ВНОС молодцы.

— База, шестьсот третьему.

— База на связи.

— Наблюдаю 5 групп. В центре 3 по 9 предполагаю Хе-111, репер 5, высота 4 000, на ленте +10. 4 по 3, Ю-88, репер 3, высота 5 000, на ленте. 5 по 2, маленькие, возможно Фоки или 110е, репер 1, высота 2 500, лента — 10. Две группы 5 по 2, маленькие, репер 7, 8, высота 3 000, на ленте. Прикрытие до полусотни, по ходу "Фоки".

— Принял База. — понимаю, репетуют сразу на верх.

— Принял Каретный. — О как, верх и сам слушает, тем лучше, оперативно силы распределяют. — 601 каретному.

— 601 на связи.

— 601 вашей группе связать прикрытие, атаковать по реперу 5.

— Принял 601, атака по реперу 5, связать прикрытие. — задание для смертников, а что делать, такова логика войны, не умрём мы, умрут другие и значительно больше.

Как и в первом вылете иду в лобовую на строй, подтягиваются первые желающие пободаться и как и первый раз не успевают. Стреляю на пределе дальности, не так эффективно, не загорелся, не задымил. Ключнул носом и запел "Мир вашему дому". Доворот, залп, и песня уже на два голоса. Больше не дали. набросились с остервенением, ещё бы. Так попались, не ожидали такого трюка, теперь только держись. Это не собачья свалка, а какая-то загонная охота. Всё таки "Фока" не мессер, чуть медлительнее. Кручусь, постреливаю для остратки. Уже собрал приличную шоблу, метров на 300–400 выше строя хейнкелей, те стрелять боятся что бы в своих не попасть. Фоки тоже остерегаются. Один горячий перец попытался соколиный удар провести, а я спецом к толстому в профиль, в нужный момент соскользнул. Фока и лупанул по своему. Последствия рассматривать некогда, но оппоненты осторожничают. Пора их позлить. Продвинулись ближе к хвосту колонны, с полу поворота пикирую на заднего ведомого, ух как весело горит его движок, эх как они рванули вслед за мной, я же объяснял — здесь вам не тут, наверное не этим. Полупетля на пределе перегрузки. А здесь поджидают две парочки хитруков. Нью-нью. Из положения вверх ногами поджигаю заднего бомбера и скольжением ухожу из под огня. Всё у камрадов адреналин затмил разум, решили завалить во что бы то ни стало. Три четвёрки и сверху и сбоку и ножницами и просто так. Оттягивал подальше на север, сделать больше было выше моих возможностей. Блин прошло-то всего минут 6–7, от взлёта 12, а кажется вечность. Пара минут как к потрошению приступили братья по оружию. Всё таки хорошие у нас самолёты, а лётчики и того лучше. Хана фрицам — строй развалился, бомбы сыпятся на кого бог пошлёт, жалко над нашей территорией. Хейнкели драпают. Наши щиплют. Фоки отбиваются. Они что все здесь собрались? Бодаемся ещё минут 15–20. Они уходят. Да и нам пора. За вылет сбили семь (с моими 11) Хе-111 и 2 Фв-190. У нас погиб Свиридов (штрафбат всё искупил), его ведущий вроде выпрыгнул. У Семёна погиб ведомый "желторотик". Три борта на серьёзный ремонт, хоть лётчики невредимы. Не понятно пока, что успеют сделать по остальным. Отпал ещё 1. По факту от полка боеготовыми осталось две Эскадрильи.

Да что же это такое, вновь до сотни, правда прикрытие откровенно слабое, но и мы на треть сточились. Нам по традиции доверили хейнкелей. Из-за слабого прикрытия довольно быстро обратили их в бегство. Заметил характерную деталь. Немцы группами по 2–4 самолёта, совершенно не занимаясь прикрытием своих бомбардировщиков, отлавливают

наших подранков и отбившихся одиночек. Предупредил своих и передал на "Каретный" для остальных, быть повнимательнее. Отследил их посадки. Проявились две площадки, видимо эксперты приехали на сафари. Ничего дайте "Эк" восстановить, будет вам охота! Не вовремя переделку затеял, ну да что уж теперь.

Ещё два раза взлетали днём против относительно небольших групп. Я выступал в роли диспетчера, так что больше сбитых в этот день не случилось. За-то ночью... Около десяти часов пришло сообщение от ВНОС о пролётах небольших групп. Слетать решили командирским звеном. Строгий, Смирнов, Карманов, Скорик. Остальных поднимать ночью не решились, да и устали все смертельно, дров наломать раз плюнуть. Короче старики из стариков. Кстати на этот вылет выцедил все запасы бензина до последней капли. Эх ничего себе, по трём маршрутам приближались две тройки и одна шестёрка. Строем, ночью, сильны бродяги. Поднял пару, вернее двоих по одному, мы ночью строем летать не умеем. Сам пошёл к дальней группе, ребят навёл на тех кто поближе. Строгому досталась тройка, Лёшке — шестёрка. Вывел в кильватер, помог уравнивать скорости. Ночь безлунная, лишь звёзды. Метров с трёхсот стали проглядывать силуэты, дальше работайте самостоятельно. Кто сколько сбил — не важно, главное на Курск никто из них не попал. Помог зайти на посадку и поднял двух других, ещё четыре тройки. Да когда же они кончатся? Не пустили и этих. Домой на Базу, будут ещё, не будут, бензин "ёк" да и силы тоже!

По итогам этих бешеных суток обе стороны объявили об успехе, обе мягко говоря лукавили. Немцы понесли настолько ощутимые потери, что больше дневных налётов не предпринимали. А мы так хорошо отразили налёт, что Курский ЖД узел был полностью парализован 12 часов, закончили его восстановление через три дня самоотверженным трудом железнодорожников и сапёров.

Третьего Июня, слегка отдохнув принялись за восстановление матчасти. На стапель поставили среднего и тяжело раненого железно-деревянного коня. Механики вымотавшиеся за эти сутки не меньше лётчиков отдыха не получили, а вдруг всё повторится. Мы с Гришей начали, всё таки с восстановления запаса топлива, затем пробежались с диагностикой, помогли с определением объёма работ на боеготовых и почти боеготовых. Только после обеда появились в ремзоне. Там же оказались Строгий и Стрый. На немой вопрос, пожатие плечами. Все силы приложим. И приложили, уже пятого мы свою работу закончили, осталось заправить, зарядить, доукомплектовать. Вот как подумаю заняться собой так и не дадут. Дракон то готов, а ЭК не успеваю. Шестого с утра п-к Крикун привёз целую бригаду во главе с совсем не знакомым генералом. Тема подтверждение результатов. Уж больно много мы заявили (кстати далеко не все, ночные вообще не рассматривали, сомнительные так и давали, в зачёт их не учитывали, а на каждый сбитый у нас кино). Комиссия работала не покладая рук до следующего утра. Пересмотрели все наши материалы, побеседовали с каждым лётчиком. И если в начале отношение было язвительно-пренебрежительным, в итоге радикально изменилось на уважительно-дружелюбное. К примеру выявился факт: самолёт Хе-111 бортовой 47 (как у Пешки) сбит лётчиком энского ИАП ПВО, и доказательство представлена шильда и фото останков. У нас они видят киноплёнку на которой сей борт разваливается на части, значит стрелять по нему даже как по подранку никто не мог. То-есть ребята в поле нашли обломки и решили, что это их работа. То-ли ошиблись, то-ли хитрили. Задача комиссии выяснить реальное положение дел, а то по отчётам у немцев самолёты два раза кончились, тогда не ясно кто же Курский узел разбомбил. В нашем полку получилось несколько на оборот. Во первых собрали железный

материал для сравнения в других частях. Посетовали, что там нет такой качественной кинофиксации. Из пятнадцати сомнительных, три подтвердили как зачётные, остальные взяли на заметку как повреждённые, обещали проверить. Ещё больше генерал проникся, когда Крикун как бы невзначай поинтересовался сколько ночью сбили.

— Так вы и ночью сбивали? Почему нет в отчётах?

— Да перехватили 7 групп от 3х до би самолётов в каждой, сбили или только напугали, видно не было. Так что отчитываться не о чём.

— Понятно. Кто летал на ночные перехваты?

— Я и комэски, но наводил Змей, то-есть младший лейтенант Смушкевич, он ночью видит хорошо, без него не перехватили бы.

— Змей... Змей... Что-то слышал... — Генерал почесал затылок.

— Фото и заметка в "Красной звезде", — напомнил один из его людей, — Позывной "Змей", под фото подпись: "Супруги встретились на награждении." Рассказывали там ползала прослезилась когда она бежала с раскрытыми объятиями и криком "Саша, Змей"!

Увидев смеющихся аборигенов генерал насупился:

— Ваш? Чего смеётесь? По моему не смешно, даже наоборот...

— Наш! С ним вечно что-либо не так. Сам Александр молодой-холостой, Екатерина Васильевна — жена его лучшего друга, больше того — побратима. Смешно то что Сашко шибздик в сравнении, а Катя гренадёрских стАтей. Представляю как это выглядело. Газету если попадётся, не сочтите за труд к нам переправить, а то не видели.

— Постараюсь, — ответил рассказчик, — А выглядело, по мнению очевидцев, очень трогательно! Хоть и оказывается жена друга.

— А что ему вручали? За что? — Поинтересовался генерал.

— Героя, по совокупности, — ответил Крикун, — ну и за сбитые, под Сталинградом у него уже было 22, Сейчас наверняка больше. Генерал вопросительно глянул на комполка, тот на НШ.

Синеватов заглянул в свои записи: — С теми что 2 го июня 38 личных.

— Сколько? Ладно, мне надо с ним переговорить с глазу на глаз.

— Панченко! Вызови Смушкевича.

Зачем Сашко понадобился генералу никто спрашивать не стал, ни у того ни у другого.

ИЮНЬ.

Ничего не планировал, полдня отсыпались. После обеда ни кто, ни чем не озадачил. Слава, понятно кому, и ЦК ВКПб! Занялись "эквilibристом". Комплектующие и материал подготовлены, осталась чистая работа. Доделали лафет, обработали и установили ШВАКи, пристроили патронные ящики и направляющие для лент. Проскочила мысль: — может надо было две, а патронов побольше? Ладно пока так, там видно будет. Ночью отпросился облетать новую кампановку. Очень удачно перехватил тройку юнкерсов, над немецкими позициями. Да, строенный залп это сила. Обломки и бомбы на головы камрадам. Как мило. В воздухе никого не видать, пошукаем (поищем) на земле. Всё не то. А вот в сторону Брянска от Рославля идёт состав, явно не порожняк, Даже платформы с зенитками в голове и хвосте состава. Проверим чего они защищать собрались. Залп по головной платформе с переводом на паровоз. В небо вырывается характерный султан перегретого пара. Ещё заход по пульманам. Замечаю цистерны, теперь заход по ним. Ну вот другое дело с подсветкой по веселее. Что было в вагонах непонятно, наверное продукты для голодающих детишек. Стрелять по продуктам или тряпкам посчитал бессмысленным. Покрутился ещё наконец заметил то что искал. Небольшая танковая колонна пробирается под покровом темноты. То что доктор прописал. Тройки или четвёрки не разберу. Ладно неважно. На прямом участке дороги выстраиваются в линию. Держат грамотную дистанцию. Захожу с кормы. Залп, ещё. Успеваю обстрелять только два, удачно. Фрицы учёные расползаются влево-право. Заход. Бью в борта, тоже нормально, ещё два горят. Теперь захожу в лобовую проекцию, непонятно причинил ли какой вред (не полигон, глубину вмятин не измеришь), перевёл огонь на повернувшийся тыльной стороной, воот, другое дело. Патронов осталось на 1–2 залпа. Домой. Дилемма! По самолёту трёх точечный залп избыточен, по паровозу и танкам самое то, а двух точек на них хватит? Если третью отключать то зачем её возить, лучше освободить место и вес, а увеличить боезапас. В размышлениях почти добрался на базу, когда с приметной площадки взлетел самолёт, маленький. Не уж-то ночной охотник, интересненько. Заправлюсь ка я да в гости наведуясь, обещал ведь. Меня одного обслужили за 50 минут. В том же районе ходил размашистым зигзагом, другой или тот же? Если тот, ему скоро на посадку, вот бы канал управления нащупать. С наскака не получилось. У самолёта сектор обнаружения довольно узкий да и дальность невелика. Но ему наверняка подсказывают с земли радар и звукопеленгаторы. Так что низенько, тихенько, бочком крадусь ему в тыл. Таки забрался. Думаю теперь мы на радаре одно пятно, а звукометристы разделяют две цели? Если Ме-110, а вероятность этого велика, тем более юнкерс, что вряд ли, моторов два, мой третий. Авось запутаются. Наконец ему надоело (я думал это наступит раньше) вертеться и он пошлёпал на хауз. Я естественно за ним. 110 мигнул посадочными фарами. Слева от полосы включились три прожектора ярко осветив место посадки Когда ему оставалось до земли метров 10–15 лупанул по светильникам. Нежные изделия не выдержали такого хамского отношения, для нормальных людей наступила полная темнота, несмотря на включённые посадочные огни пилот какое-то время ничего не видит. Интересно он умеет садиться в слепую? Неа, потерял горизонт, чиркнул крылом — полоса занята. Это не было издевательством, просто я боялся что прожектора могут переключиться на меня, если поймают, не поздоровится. Теперь работаем. Пострелял по казарме, по

самолётам, поджёт топливо, пора и честь знать.

Блин ну кто же знал. 8го вечером наши спланировали массированный налёт на аэродромы, в том числе и Брянско-Орловского района базирования. Возможно в том что внезапно не получилось есть и моя вина. Переполошил фрицев. Давно известно инициатива наказуема. Отмазываюсь тем что меня не собирались предупреждать. Наша 16я ВА не участвовала. Реальную эффективность операции можно определить хотя бы по тому, что крупные налёты на промышленные центры в тылу прекратились.

Наши задачи остались прежние: — Разведка, борьба с транспортом, перехват мелких групп бомбардировщиков ночью. На обнаружение взлетал я, по необходимости поднимал кого-то из комэсок. Сначала они дежурили парой. Оказалось такой необходимости нет, стали по одному. Видимо немцы вычислили откуда взлетает корень зла. Двадцатого на утренней зорьке десятка Фв-190 под прикрытием четырёх истребителей нанесла бомбоштурмовой удар по нашему аэродрому — ложному. Загодя поднятая четвёрка имитировала отчаянное сопротивление, даже кого-то подранила. Прилетавшего проконтролировать результат Юнкерса приземлили. В этот же день в полк прибыло пополнение. Три " птенца" и два относительно опытных (после госпиталя) лётчика. Снова заработал класс подготовки имени Семёна КруглОва. Из Горького в течении трёх дней пригоняли по два самолёта. До 26 июня некогда было в гору глянуть. В голове вертелась мысль: — третья пушка лишняя, лучше боекомплект увеличить. Не успел. 27го во второй половине дня вызвали в штаб. Пришёл. Там п-к Крикун собственной персоной. Все вышли. Интересное начало.

— Ты помнишь, у вас генерал с проверкой был?

— Да, конечно.

— Он сказал, ты всё знаешь.

— Так точно, с какой площадки взлетает литер?

— С каретного.

— Плохо, ну ладно. Время, по плану?

— Да. Вот частоты, После взлёта установить связь. Резервная связь светокodem. Вот таблица сигналов.

— Нет. Основная связь светокodem. Взлёт в радио молчании. Выход в эфир только в крайнем случае. Так было договорено.

— Там бояться что вы их не обнаружите.

— Блин! Чем поможет установление связи? Только демаскирует. Звоните, предупреждайте, первый вариант!

— Звонить нельзя!

— Посылайте гонца, едите сами.

— Правильно, а подтверждение можно и по телефону.

Солнце село, сумерки длинные. Снова посыльный. До взлёта 43 минуты. Крикун спокоен: — Всё по плану. Связь первый вариант. Основная светокodem. Готовся. Говорить ничего не буду, всё сам понимаешь.

Суть суеты в следующем: — назревает большая драка, то-ли из штаба фронта, может сам Рокосовский, или из ставки кто-то решил посмотреть на всё это безобразие своими глазами. Ночь сегодня ясная, довольно лунная. Что они там увидят не знаю, но вылет По-2 назначен, я осуществляюкрытие.

Лечу. Кукурузник чешет от "каретного" к линии фронта, пристраиваюсь справа. Выравниваю скорости, выпустил всю механизацию, иначе свалюсь. Мигаю синим световым

кодом. Не видят. Прижался плотнее, надеюсь прежде чем крутить вираж посмотрит. Снова мигаю. Да что они там не уж-то мотора не слышат? А, нет отвечает из задней кабины, всё верно. Отхожу подальше, занимаю экономичный режим. Слегка расслабился. Кого послали на рекогносцировку? Пролетели параллельно линии фронта километров 90, на расстоянии 10–15 км, развернулись идём над ленточкой километр со стороны фрицев. Тишина, светит луна. Пока никого. Прошли практически те же 90. Думаю вот и славненько, теперь домой. Хрен там. Крутит к фрицам. Блин, что ему тут понадобилось, набирает высоту, я уже по топливу начинаю переживать. Мы уже чуть ли не западнее Орла. Фактически влезли в пасть (или в ствол) тигру. Впереди вижу как сдвоенные паровозы тащат состав, тяжеленный, явно с техникой. Это что он к поезду идёт!? Фух, вираж. Вдруг:

— 603 двести первому.

И что за крайность? Теперь тихариться нет смысла: — 201(ком полка ночников, неслабо), 603 на связи.

— Состав видишь?

— Давно вижу.

— Приказ третьего, уничтожить.

Третий ты балбес, а в слух: — как скажете, больше ничего не надо?

201 аж поперхнулся в эфире. Мы тут зашифровались как умные и всё летит к чёрту. А.... всё равно нас теперь не отпустят. Видимо вся злоба вложилась в эту очередь, и конечно элемент везения. Там и насыпь высокая. Короче пар, дым, взрывы, вагоны кубарем. Совершенно не ожидал такого эффекта.

— 201 теперь уносим ноги, если дадут, тяни на Базу здесь ближе. Может успеете. А нет так в поле садитесь. — только теперь третий понял какую сморозил глупость.

Началось. Немцы в очередной раз доказали своё превосходство в организации и техническом обеспечении. Нас запеленговали. Каким способом не важно, а вот обоих, или одного, уточнить некому. С шести точек подняли 10 ночников. Один так совсем рядом. Надеюсь заметит меня и получится утащить его в сторону, далеко отходить от опекаемого то-же нельзя, вдруг перенацелится или другой кто вынырнет. 201 всё правильно делает, со снижением в сторону отходит. Первый преследователь выходит на позицию для стрельбы. Затягивать развязку не стал, перевернулся, дал залп, выровнялся. Сзади охваченный огнём самолёт, после короткого пике, обозначил точку пройденного маршрута. До ленточки километров 40. 20 минут нервотрёпки.

— Шурик, ты балбес! — пришедшая мысль развеселила. На кой хрен кручу эти кульбиты. Эффектно конечно, но раз я вижу линию прицеливания, то можно поставить пару пулемётов назад и без всяких дешёвых трюков отстреливать любителей подкрасться сзади! Когда проектировал "Эк" эту возможность не осознавал, теперь придётся полностью переделывать. Легче заново, да ладно подумаем позже. А то один кандидат на аутодафе уже рядом и двое на подходе, что самое противное с разных сторон. Второй меня не видит, вот и зря, захожу сзади снизу. Очередь не видно (трассирующие не использую, ни к чему), за-то костерочек — очень даже. Все наши преследователи подвернули на него как на маяк. То-что это в пяти километрах за хвостом ПО-2 неплохо, но ничего не гарантирует. С Базы передали: — наша четвёрка ночников в воздухе, просят наведение. Подворачиваю двоих западнее, двоих восточнее. Будут прикрывать фланги. Прут на всех парах, под 650. Немцы держат 450, но им ближе. Всё упрётся в качество наведения. Пока выдвинулся на встречу третьему, он подозрительно точно идёт к 201му, не реагируя на световые сигналы горящих камрадов. Кто

ж его так ведёт? Подхожу. Видимо подсказали. О как шарахнулся. Нет дружок не уйдёшь, у меня скорость не в пример выше. Третий разгорелся не сильно. Четвёртый заметался, не поймёт на какой костёр ориентироваться или вовсе лучше заблудиться. Решение принять не смог, разделил судьбу товарищей. Кто из них спасся на парашюте не известно. на дальности 85–90 км появились ещё 8. Кажется решили нас уничтожить любой ценой, видимо про пассажира знают больше чем я, не из-за паровозов они так обиделись. Оставшаяся шестёрка взяла нас в кольцо, пара пытается отрезать нам путь к фронту. Кавалерия, в лице Лёшки и Коли Скорика, пришла вовремя. Отработанным приёмом вывел ребят на цель (каждого на свою) и они не промахнулись. С небольшим интервалом, впереди воздух прочертили трассеры очередей. Вспышки подтвердили попадание. Строгий и Карманов шли с лева и справа на свои цели. Я добил ещё одного сзади, второй не выдержал, отвернул. Гоняться за ним не стал, не та задача. Выстроил эскорт. Наконец то над своей территорией. Завожу всех на посадку. Первым с пустым баком (вёслами то махал изо всех сил) сел "кукурузник", следом с таким же остатком "Эк". У командиров с бензином получше.

Гриша взялся за послеполётную подготовку. Я вынул из специального отсека на 3/4 разряженную пластину. Видимо я со злости, когда стрелял по поезду, как то умудрился влить в снаряды больше силы, вот и эффект. Надо над этим подумать. А пока вызвали в штаб. Григорию Ивановичу передали приказ готовится к повторному вылету.

АХРЕНЕТЬ! За столом, на командирском месте, сидел Жуков собственной персоной. Мне не дал рта открыть:

— Заходи. Ругать будешь!

— Нет не буду.

— А ты ругай! Глупость и мальчишество. Преступная глупость!

— Обошлось же.

— Обошлось, была масса других решений. Вот хоть тебе сейчас взлететь, и отработать без нервотрёпки.

— Момент был удачный. А после или поезд ушёл, или место не такое. В общем дорого яичко к христову дню. Я вас понимаю. Сам недавно выговор получил, а командира БАП чуть под расстрел не подвёл.

— Ты смотри, он меня ещё и защищает, оправдывает и успокаивает. А у тебя что произошло?

— Да тоже момент подвернулся. Уговорил прекратить задание и отработать по моей наводке, не весь полк конечно, звено. Но случай вопиющий.

— Да, за такое точно расстрел, но видно попали?

— Ха, попали! — включился Крикун, — они 4го флота склад тяжёлых бомб, калибром от тонны до трёх, не считая мелочи в дым разнесли. Задача для дивизии как минимум, а они звеном.

— Я ж говорю — момент подвернулся.

— Понятно. Исполнителей наградили, провокатора наказали?

— Так точно.

Маршал подал какой-то знак и "командирский кабинет" опустел. Кроме троих. Маршал, полковник и младший лейтенант.

— Тут до меня довели, что у тебя хорошо получается добывать разведданные и их анализировать?

Понятно кто довёл. И что отвечать?

— С меня какой спрос, мели Емеля. Решения командиры принимают, на них ответственность.

— Скромничает, товарищ маршал, на моей памяти, а их полк вошёл в состав нашей армии в Октябре 42го, ни разу не ошибся, даже в неявных случаях.

— Вот как. Ну что ж давай послушаем.

Я пожал плечами: — а что вы хотите услышать?

— Как ты в целом видишь обстановку.

— Ну, как сказать. Немцы через неделю попробуют провести грандиозную наступательную операцию, кажется "Цитадель", — Жуков дёрнулся, но промолчал. Я сделал вид что не заметил.

— Постараются ударить в основание Курской дуги. С севера — в районе Поныри, с юга — от Белгорода на Обоянь, Александровский, Короча. С выходом восточнее Курска. После окружения, чего мы не позволим, рассекающий удар от Рыльска, которого соответственно не будет. Главная ударная сила танки. Важно выбить у них танки. Воронежскому будет по труднее. Вам бы обратить внимание на это направление. Центральный практически готов. Как-то так.

— Ннда, говоришь победим.

— А как же.

— Сколько сбили за вылет? — спросил он у появившегося командира полка.

— Дело в том, товарищ маршал, ночные мы не учитываем, тем более за линией фронта, нет доказательств.

Жуков помнил, чем совсем недавно закончились бравурные рапорты некоторых командующих, — Сегодня я ваше доказательство. Пять запишите лейтенанту, ему же эшелон и два паровоза. Группе вылетающей на помощь, по одному. Всё верно?

— Так точно.

— Времени мало, ночь короткая вылет по готовности, нужно сопроводить.

Строгий. — Змей, самолёт готов?

— Наверное, надо уточнить.

— Товарищ маршал Разрешите отпустить.

— Занимайтесь. Нач штаба и ты полковник останетесь, подготовлю пакет для штаба фронта. — большинство ушли.

— Змей?

— Это его постоянный позывной. — дальше последовала легенда о первом вылете и присвоении позывного.

— Что-то знакомое, недавно попадалось? — теперь история на награждении.

— Он у вас прямо легенда живая.

После слова "живая" двое сплюнули, не помогло.

Пока летим. Жуков не стал возвращаться в штаб Центрального фронта, ограничился пакетом. Приказал доставить себя на Воронежский. Я проводил и без посадки вернулся обратно уже перед рассветом. Полдня отсыпался. Так как ничего не планировал, вводные не поступили. Очень хорошо. Прикинул установку пулемётов, стреляющих назад. Оставил идею на будущее. Из артиллерийского отсека убрали одну пушку, полностью перекроили систему боепитания. Хотел в ночь слетать, проверить развесовку. Но что-то за эти полтора дня вымотался. Уговорил себя отдохнуть, а заявку на облёт дал на утро 30 июня. Почему-то даже не вспомнил что завтра годовщина.

Мотор весело жужжит, с развесовкой получилось удачно. Теперь бы проверить достаточна ли мощь двухточечного залпа. Ниже меня Смирнов принимает зачёт у одного из новеньких птенцов. Лёша подбирает себе замену ведомого, которого ставят старшим лётчиком во второе звено в эскадрильи Скорика. Птенец по мнению КруглОва, перспективный.

Опачки, а к нам гости. Две группы "Фок" на малой высоте явно нацелились штурмовать наш ложный аэродром. Кодом предупредил Смирнова и КДП изображаем панику. Фок прикрывают, заодно отвлекают ПВО, две четвёрки мессеров. Роли расписаны, реквизит расставлен. Всё смешал птенец. Чем он слушал, что он думал, может героем хотел стать, может нас трусами посчитал, теперь не узнать:

— Прикрой атакую! — и с переворота на врага. Куда!? Как глупо. Подставить хвост под мессера. Вот надо было дать ему геройски подохнуть, но не может русский человек пожертвовать даже дураком. Смирнов от неожиданности замешкался и положение в пространстве было не совсем удобное. Пока сманеврировал сто девятое уже изготовились к стрельбе, а у него на хвосте повисла другая пара. Лёху надо спасать. За мной тоже пристраиваются, но я то вывернусь! Лёша не успевает, дистанция велика. Стреляет из далека в надежде хотя бы отпугнуть, немец не пугается. Стреляет птенец и попадает. Практически тут же получает свою долю свинца. Победитель отправляется вслед за побеждённым. У меня тоже дистанция велика, но моя очередь достигает цели. 44й. Это не главное, важно что Лёша ушёл в вираж, теперь выкрутится. Пора и мне. На все эти умозаключения я не потратил и мгновения, а всё равно не успел. Очередь хлестанула по длинному носу. Глубокий вираж сбросил преследователей. Так, мотор работает ровно, вираж выполнил чётко. Только выровнял самолёт, в носу полыхнуло красным предупреждение — опасность. Лопнувшей струной развалилась тяга привода рулей высоты, полностью отклонённый вектор тяги не смог до конца компенсировать кабрирование. Посадка практически, да и вообще не возможна. Мелькнула мысль: — вот и повод сделать новый самолёт. Извини "Эквилибрист" я бессилен. Сбросил фонарь, перевернул вниз головой, выключил зажигание, расстегнул ремни и покинул своё детище. Надо будет пластину найти, вторая такая не встретилась. Стабилизировал падение, дёрнул кольцо. Фриц, увидев так удобно выпавшего перед ним лётчика нажал на гашетку пулемёта. Всё таки раскрывшийся парашют опустил практически на аэродром тело с единственным ранением. Пуля вошла в спину, прошла через сердце и вышла чуть выше и правее левого соска. Его самолёт удивительно точно выдержал глиссаду на ложный аэродром. По прихоти судьбы, при взрыве случайно сброшенной бомбы был ранен мл. л-т Киселёв. ОГМ перестала существовать.

СНОВА ВАСИЛИЙ.

Возвращение.

Надо будет пластину найти, вторая такая не встретилась. Стабилизировал падение, дёрнул кольцо. Вместо рывка за плечи, Получил сильнейший удар во всю заднюю проекцию тела. Словно кто-то гигантской теннисной ракеткой, будто мячик, послал меня к земле. Парашют то ли не раскрылся, то ли порвался. Ни страха, ни паники, констатация факта. Шум ветра в ушах перерастает в монотонный писк. Прикинул район падения. Получается на границе леса, там где на обочине асфальтированной дороги (??) стоят легковой автомобиль и канареечного цвета микроавтобус с лениво помаргивающими синими фонарями на крыше. Падаю точно на него. Удар. "Разряд!" Как же больно. На миг потерял сознание. Тут же пришёл в себя. Пал лицом в низ, а лежу на спине. "Ещё раз! Приготовились!" Приоткрыл глаза. Надо мной стоит зрелый мужик с "утюгами" дифибрилятора, наконец прекратился этот противный писк вместо него словно стук сердца. "Стоп! Есть пульс, — раздалось из-за головы, — 10, 15. Есть давление, 40 на 20! Пульс растёт, 30, 40. Давление растёт 60 на 30!" Словно ракету в космос запускают. "Хорошо! Вы меня слышите?" — Это зрелый мне, говорить не хочется, горло пересохло, просто закрыл и вновь приоткрыл глаза. Более молодой голос: "Пульс стабилизировался — 64, наполнение хорошее. Давление — 90 на 50, не уж то вытащили!" "Похоже на то, ставь капельницу. Поддерживающее и снотворное. — уже мне, — Скажи спасибо жене, 20 минут в коме на искусственном продержала! — обоим, — Железная женщина, ведь сама в возрасте, а как держится."

Сказать ничего не смог, только слегка шевельнул пересохшими губами. "Дай ему попить." Как смог, выразил благодарность во взгляде. "Благодарит, Значит мозг работает".

Эх ма, у меня ещё и мозг может не работать? Блин! 20 минут в коме. Всего в 20 минут вместилось 2 года? Ведь сегодня как раз 30е июня. Уже засыпая: — а вообразил 44 сбитых, Герой...

"Уснул. Пойдём, перекурим. Нашатырьхвати."

— Тебе?

— Себе!

Выбрались на воздух закурили. Через широко открытую боковую дверь был виден спящий пациент и монитор показывающий нормальный ритм работы сердца.

— Дима, а ты обратил внимание на шрам у него на груди?

— Шрам как шрам.

— Это выходное отверстие при пулевом ранении.

— Что необычного?

— То-то, что необычный. Даю гарантию что входное на спине, пуля прошла через сердце.

— Так не бывает, вернее после такого не выживают!

— Я то же о таком не слышал, но факт на лицо. Шрам старый, по возрасту наверное афганец. Вот и родственники, щас узнаем.

Ольга шла как в атаку, за ней, на полшага сзади, сын.

— Дима стань сбоку поближе к ней. — шепнул Валентиныч.

— Что? Уже?

— Что уже? Всё хорошо спит.

Оля закатила глаза, из неё словно стержень вынули, обмякла, ноги подкосились.

— Держите!

— А ты говорил железная, — Дима с Егором подхватили женщину.

— Дурень! Посадите на ступеньку. Если бы умер была бы как кремень. Нашатырь! А всё хорошо.... Типичная реакция сильной женщины.

Дима спохватился, выхватил флакон из кармана. Старое бронебойное средство привело Олю в себя. Валентиныч начал как бы по военному докладывать:

— Сердце запустили с третьего раза, пульс восстановился, ритм чёткий, наполнение хорошее, Давление пониженное в пределах нормы, дали поддержку и снотворное, сейчас спит. Минут 10–15 посмотрим и поедем. Кстати куда повезём, в дежурную кардиологию?

— Если можно, к нам, я лечащему позвоню, Думаю так будет лучше.

— Хорошо, звоните. Кстати, а что у него за ранение?

— Какое ранение, не было никакого ранения, ни в горячих точках, ни в войне не участвовал.

— Было-не было, участвовал- не участвовал, а сквозное есть, старое. Как вы могли не видеть? Есть ещё одна странность. Из города мы бы по пробкам к вам час добирались.

— Да, — согласился Егор, — Вы быстро приехали, Это я никак дозвониться немог. То пальцы дрожат, то сеть не берёт.

— Так вот, — продолжил врач, — Был у нас вызов в деревеньку, здесь рядом. Ветеран войны, заслуженный лётчик, чуть ли не дважды герой Советского Союза. Ну сейчас отношение к ветеранам сами знаете. Сердце, а у нас в машине самое лучшее оборудование в области, да и бригада в авторитете. Приезжаем. Домишко кособокий. Заходим. За столом сидит колоритная парочка, дедок плюгавенький, а бабусяка — Гренадёры позавидуют. Бухают, закуски нет, какая-то старая бутылка (где только взяли) водки и два стакана. Ну, у кого, что болит, спрашиваю, а самого злость берёт, чего пёрлись, куда, к кому.

— Душа, — говорит, — Болит.

— А сердце? — спрашиваю.

— Уже нет, да и душа упокоилась, в этот раз успели. — и не обращая на нас внимания намахнули по 3/4 стакана, дама пошла на топчан прилегла, а дед смотрю тут же за столом на лавку мостится, И захрапели. С одной стороны злость душит, а с другой что с них взять, записать ложный вызов, себе больше геморою. На столе удостоверение, данные записали, вроде как помощь оказана, от госпитализации отказались. Едем с Димой желчью плюём. Тут к вам вызов, а мы рядом. Получилось, что вызов как бы к вам и слова деда вспомнили " в этот раз успели".

— Сынок, ты отвези им поллитру, пусть выпьют за наше здоровье!

— Только много не вези, а то упьются вусмерть, Грех на вас будет. — хлопнул по коленям Валентиныч, залез в салон посмотрел показания монитора, убрал капельницу, проверил пациента, — ну, что можно ехать. У вас есть кому за руль?

На следующий день в кабинете у лечащего врача:

— Оленька, Егор это был не инфаркт, скорее всего приступ сердечной недостаточности, по крайней мере все анализы показывают, что он вполне здоров. Сейчас мы его на всякий случай держим в медикаментозном сне, далее считаю это лишним. Кардиограмма у него стала даже лучше, с неё исчез порок, получается, что приступ пошёл ему на пользу. Кстати откуда у него шрам на груди и на спине, вроде раньше не замечал и нигде не записано?

— Самой интересно!

Василий открыл глаза. Как приятно проснуться на чистой, белоснежной постели, в просторной, светлой комнате, а не на второй полке в "гнёздышке." Хотя там по фронтальным меркам был верх комфорта. Тут же появилась медсестра,

— Василий Николаевич как вы себя чувствуете?

— Пока нормально, я только проснулся.

— Это ничего, сейчас вас посмотрит врач, потом позавтракаете. Кушать хотите?

— Даже не знаю.

Осмотр ничего особого не выявил, Лёгкое головокружение и слабость вполне могли быть следствием долгого сна, а не приступа. Решили недельку полежать по наблюдаться, что бы потом не делать вскрытие (Ох и юморок у доктора, знает каналья, что со мной можно). Зашли жена с Егором, начали кормить. Спрашивают про какой-то шрам. Подошёл к зеркалу. Смотрю на левой груди чуть правее и выше соска действительно старый шрам. Медики объяснили, что такой бывает при сквозном ранении на выходе, а входной на спине как раз против сердца. Про себя вспомнил об ударе в спину, когда не открылся парашют. Выходит меня там убило. Где там? В коматозном бреду?

На следующий день было посещение старших детей и внуков. Хорошее настроение благотворно повлияло и на общее самочувствие. На четвёртый день пришёл младший несколько озадаченный: "Мистика какая-то".

Сначала рассказал историю бригады скорой помощи. Вчера поехал отвезти благодарность.

— Приезжаю по адресу, а там заброшенный участок с остатками дома и хозпостроек, от номинальной калитки к руинам свежая тропка. Бурьян местами поднялся, но видно кто-то проходил недавно. Думаю, может ошибся. Смотрю через три дома женщина во дворе, подошёл. Спрашиваю деревня такая — такая. Адрес такой — такой. А скорая была? Была, в понедельник. Походили по двору, потоптались, сели и уехали. Чего хотели не понятно. Хозяев уже давно дети в город забрали. Описал наших, Уж больно характерная парочка. Нет говорит те выглядели совсем по другому. Мистика точно.

Описание очень уж напоминало постаревших....

— А фамилии их были?

— Ну да, Смушкевич Александр Янович, представляешь 1925 года рождения и Екатерина Васильевна.

Вот те на, привет с того света, так это был не бред. Или как понимать? Ни один мускул не дрогнул на лице старого Берзина.

ЕГОР

Егор так и остался в недоумении, хотя всё таки заметил нечто мелькнувшее на лице отца, допытываться не стал. Потом и вовсе, соревновательная жизнь спортсмена-профессионала не оставила времени на догадки.

Вернулся к ним в Мае 2010 года. В апреле получил серьёзную травму. Отлечился. Реабилитацию назначили на полгода. И что делать? Денег в принципе достаточно, но не сидеть же дома. Мама предложила съездить с отцом в поиск. Оказалось за эти полтора года он сколотил бригаду энтузиастов, нашёл спонсоров и уже два сезона водит экспедиции по местам боёв. Специализируется, естественно на авиации. Что там можно найти? Всё уже давно копано-перекопано белыми и чёрными копателями. Пока решил познакомиться с участниками. Подготовка к сезону идёт полным ходом. Подозревал, что первым делом

предложат вложиться, проанализировал состояние финансов на предмет сумм которые можно выделить не напрягаясь, или напрягаясь не сильно. И обломился, по всем направлениям. Во первых их бригада считается чуть ли не самая правильная и самая удачливая. Спонсоры почитают за честь, вложиться. А участникам платят дифференцированную зарплату. Вообще-то в отряде действует коммунистический принцип: от каждого по способностям, каждому по потребности. Именно потребности, а не прихоти. Бригада правильная, потому что люди в ней правильные. Всякие хитруки вычисляются на раз и тут же изгоняются без права апелляции или помилования. Попытка может быть только одна. Всё это мне объяснял зам бригадира по кадрам Борисыч. Самое не приемлемое — это крысятничество, то бишь утаивание находки или упаси бог воровство. В бригаде сухого закона нет, но пьянка не приветствуется. Особенно если это мешает делу или человек теряет берега. Никто ведь не держит, если водка дороже, флаг в руки, иди занимайся любимым делом. Опять же есть для этого межсезонье. Есть у нас один такой. Знаем, бухарик запойный, но в экспедицию выходит как стёклышко и в процессе капли не примет. Были провокаторы пытались соблазнить, устоял, а тех выгнали, гнилой народ оказался. Ну ты спортсмен, тебе в этом плане проще. В остальном присматривайся, спрашивай, люди у нас отзывчивые всё расскажут, всё покажут. Отец говорил у тебя травма, так ты не рвись, работы у нас всякой хватит и физической и умственной. Кстати самопожертвование у нас тоже не в чести. Жертвы нужны там где недодумали, не подготовились, кто-то смудил. Опять же не 41.

Так я влился в коллектив. Двадцать первым. Люди в бригаде подобрались позитивные, энергичные (другие вероятно отсеялись). Инициативы и предложения сыпались в изобилии. Легко принимались. После конструктивной, доброжелательной критики легко отвергались. Никто не упорствовал. Потому, что люди "слышали" друг друга. За два сезона сложились группы по кругу обязанностей. "Копачи" отвечали за инвентарь, "умники" — за сбор информации. Борисыч за наполнение штата и привлечение резервистов в случае необходимости, так же на нём была работа с администрациями и спонсорами, а кто с ними работает тот и казначей. Его жена, на добровольных началах, вела бухгалтерию бригады. Криминально опасная спайка в другом случае, но не в нашем. Были доктор, повар. Естественно все друг другу помогали. Достаточно было кинуть клич и обязательно находился человек не занятый или могущий отложить менее срочное дело. Ответственность была чисто моральная. При неизбежных "косяках" никто и не думал отмазываться, скорее находились люди считающие себя обязанными разделить вину. Это при подготовке, в поиске все делали всё.

— А твой отец, — говорили ребята (ребятам в бригаде было от 23 до 58, отец самый старей), — Великий Кормчий!

— Ага, самый бездельник.

— Дурак ты Егор, физически пашет как все, конь ещё тот! Ведёт он нас и в поле и в архивах, не было случая чтобы ошибся.

— А ты, что думал, — по своему понял мой взгляд Сева, — сразу землю копать? Прежде чем вынуть килограмм грунта тонну бумаг проверить приходится, Николаич направление задаёт, говорю тебе ни разу не ошибся. Был случай, перед прошлым сезоном я нашёл крайне перспективный документик времён обороны Сталинграда. Мы целенаправленно работаем по **3 ИАП. Гремели в самую трудную, первую половину ВОВ. Прихожу рассказываю, грудь колесом, а он мне — пустышка, не трать время, поищи уничтожение крупного склада боеприпасов, Донской фронт, Октябрь, естественно в разрезе интересующей нас части. Не

поверил, докопал, точно пустышка — подполковник сводил личные счёты. По своему интересно, но как жаль стало потраченного времени когда пошёл в указанном направлении. Оказалось склад — только эпизод, такую цепочку вытянули. На сезон хватило и всего лишь в двух местах.

— А почему именно **3 ИАП?

— Это лучше у отца спроси, он когда меня привлёк, уже работал в этом направлении. Просто попросил найти инфу раз-другой, я и увлёкся очень интересный материал. Какие люди! Герои, орденосцы. У них всё необычно, интересно до не могу! Один Змей чего стоит!

— Что за перец?

— Я те дам "перец"! Даже шутить не смей!

— Извини.

— Парень ещё 16 не было как-то попал в полк в особую группу мотористов, в части прошёл подготовку и получил допуск к полётам.

— Разве такое возможно?

— Если бы это было сплошь и рядом, разве было бы удивительно? То-то, В первом бою 4 сбитых, понятно — орден, Ещё невероятное, самолёт у него чуть ли не самодельный. Это вообще немыслимо. Ты почитай материалы, а то долго рассказывать.

— А имя известно?

— Конечно — Александр Янович Смушкевич.

— Кто!!!

— Что? Тоже слышал?

— А его жена не Екатерина Васильевна, случайно?

— Вряд ли, Он погиб, ему ещё и 18 не было, в документах не сказано.

— А когда Змей погиб?

— 30 июня 43 года, как раз перед курской битвой.

30 июня, день когда случился приступ у отца. Нет, надо почитать материал и обдумать спокойно. Егор решил сменить тему: " Ну и как находите что либо?"

— Ха, чтоб с Николаичем не найти? Да он как рентген на 100 м вокруг и 20 м в глубину видит!

— Да ладно заливать!

— Вон ребята подтвердят, — призвал в свидетели собравшихся парней, — Мы начали, в первый сезон, с Белоруссии. Так вот выйдет на поляну, покрутится, постоит, укажет где копать и обязательно находки, несколько могил заброшенных нашли, что характерно в каждой пластина или футляр с описанием, кто, что когда. Апофеозом первого сезона стал танк, тройка немецкая. В Тульской области, так же вышел посмотрел, указал. Там воронка от чего-то очень тяжёлого, ну и что там может быть — осколок? Нет показывает на холм рядом. Металлодетектор чуть с ума не сошёл. Раскопали. Поржавел конечно, отмыли, отчистили. А у него движок законсервированный, сняли консервацию, +++заправили. Представляешь — завёлся. Знатоки пришли к выводу — стоял в обороне аэродрома в виде дота, скорее всего бомба его прямо в капонири и присыпала, останков внутри не было. Тут мы ещё с одной группой столкнулись. Metallурги. Вначале в контры, потом разобрались. Они тоже целенаправленно по**3 полку ищут. Обменялись инфой. Прошлый сезон уже вместе искали в районе Волгограда.

Первую точку, времён обороны, нашли быстро, отработали, а вторую, времён окружения

Паулюса, найти никак не получалось. Всё распахано, привязаться не к чему. Вот тут Николаич всех удивил, часа два по полям водил потом остановил машину пошёл пешком по кукурузному полю остановился: "здесь". Детектор опять взвыл, думали опять танк. Нет оказалось могила командира полка Попова. А реакция была на пластину у него в руках. Нам конечно надпись прежде всего интересна, а металлурги от самой пластины с ума сходили. Металл какой-то необычный. Но это они сами расскажут когда встретимся. С местными смешно получилось, они подумали что мы кукурузу тырим. Разобрались, хотели возместить ущерб. Отказались и помогли с перезахоронением.

Подготовка завершена. Колонна сформирована, в неё входил КАМАЗ — болотник с кунгом, УАЗ — буханка и два "Патриота". Маршрут на Елец проложен, там встречаемся с металлургами. Дальше там не далеко первая точка поиска. Выдвижение назначили на 1е Июня.

СТЕПАНЬЧ.

Всему "виной" был нож. От обычного, на первый взгляд, его отличала пила на обухе, зацеп для открывания пива, и очень уж ухватистая ручка. Это была семейная реликвия. Отец привёз его с войны, считал своим талисманом. По полю лезвия шла надпись "За отвагу", с другой стороны фамилия, что говорило — нож сделан лично для него. Он очень им гордился, хотя сам не понимал за что его получил. Случай траги-комичный. Служил в охране аэродрома. Заметил колонну немецких танков, поднял тревогу. Все приготвились отражать атаку, а оказалось это наши перегоняют трофейную технику. Но видимо не всё так просто, потому что ком полка объявил благодарность, сказал что он спас полк, а Сашко-Змей лично изваял нож, какого нет больше в мире (потом, правда, признался, что есть брат близнец). На второй взгляд отличия были куда разительнее. Нож никогда не ржавел, не тупился, обычные деревянные ножны покрытые лакированной перкалью до сих пор как новые. Дважды отец, на спор, проверял крепость стали с владельцами золингеновского и булатного клинков. Представьте себе удивление зрителей и разочарование хозяев раритетов, когда получив половинки своих клинков на ноже родителя не обнаруживалось ни малейшей щербинки. Что же это за металл? Отец говорил что сделали его из торсиона немецкого танка (как раз того, из-за которого была поднята тревога). Но всё говорило, что здесь какая-то тайна. Я так этим заинтересовался, настолько захотелось её раскрыть, что это определило всю мою дальнейшую жизнь. Металлы и сплавы! Многочисленные опыты в институте и после позволили сделать серию открытий в том числе мирового масштаба в этой области, но в понимании загадки ножа дали мало. Химический состав сплава, действительно, соответствовал материалу из которого изготавливались торсионы немецких танков в 1941 году, но плотность в полтора раза выше. За счёт чего? Подрос сын Степан, внук Степана, заразился моими поисками. До сути мы смогли докопаться только после открытия новых способов исследования кристаллических решеток. Заключалась она в том, что видоизменённые решетки соседних кристаллов взаимно проникали друг в друга не взаимодействуя на химическом уровне. Поэтому плотность в полтора раза выше, а прочность на несколько порядков. Легче не стало. Все авторитетные и не очень эксперты сошлись во мнении — такого не может быть, во всяком случае на планете Земля при современном уровне науки и технологии. 0,5 % — метеорит. 99, 5 % — внеземная цивилизация. Инопланетян никто пока не видел, к тому же отец прямо говорил: — Нож СДЕЛАЛ авиамеханик Сашко, по прозвищу Змей.

Мы со Стёпкой решили поискать с этой стороны. Жалко Деда с нами больше нет, за-то

иные источники информации стали более доступны. На место базирования части выехали в пятером (на летних каникулах к нам присоединились трое моих студентов). В первый же день столкнулись, как мы думали, с чёрными копателями. Ожидали конфронтации, но ребята оказались адекватные, быстро нашли общий язык. Оказалось, что они тоже целенаправленно ищут по **3 ИАПу. Обменялись информацией, узнали много интересного. Любопытно, что старший у них, Василий Николаевич, примерно моего возраста просто АС поиска. Как он это делает просто чудо, какой танк нашёл — вообще феноменально. Этот танк стал первым звоночком. Цели наших поисков параллельны, поэтому группы не конкурировали и друг другу не мешали. Скорее мы просто им помогали за возможность осмотреть их находки. Ничего для нас интересного не находилось. А вот в танке оказался подозрительно хорошо сохранившийся двигатель. Николаич, как специалист по моторам (правда авиационным) подсказал какие детали можно безболезненно изъять для анализа (что было очень любезно с его стороны). Ещё по его предложению взяли найденные неподалёку стреляные гильзы. Вот есть у человека чутьё, мы бы на них внимания не обратили. Вернувшись из поиска, уже в лаборатории, поняли как нам повезло встретившись с группой Берзина. Уверен, с нашим опытом, мы бы ничего не нашли. Образцы не были уровня ножа, но несли явные следы трансформации, в особенности гильзы авиационных пушек. Как и обещал созвонились. Рассказал результаты исследований и всю подоплёку нашего интереса, извинившись за свою первоначальную неискренность. Договорились держать друг друга в курсе и на следующий сезон поискать вместе. Для нас, дилетантов, поисковики их уровня — дар божий. Они предлагают пройти по следам Сталинградской битвы. Всего две точки. Первая относится ко времени обороны города. Ничего явно для нас интересного не нашли, тем не менее образцов набрали. Со второй точкой, времён окружения немцев и борьбы с воздушным мостом Геринга, вышла история. Местность полностью видоизменилась, смогли определить приблизительно район и всё. Сплошные сельхоз угодья, никакой привязки. Вот тут Николаич и показал себя во всём блеске. Как он смог посреди кукурузного поля отыскать могилу, просто за гранью. В ней похоронен командир **3 полка. В руках покойный держал металлическую пластинку с вытравленными данными. По согласованию смогли взять значительную часть не затронув надписи, нет одну букву, таки взяли. Предчувствия не обманули. Это был не намёк, это словно путеводный маяк. Мы на верном пути. Трансформированный алюминий, точнее дюраль, с совершенно изменёнными свойствами. И это работа земного человека! Но как? Разные металлы: — сталь, латунь, дюраль. А может и неметаллы нужно смотреть?

— Стёпка! Мы кретины! Ведь ножны тоже наверняка трансформированы. И дерево, и перкаль, и лак. Ну как, как это возможно?

Сегодня едем в Елец. В этот раз тоже две точки. Первая — Севская операция. Вторая — вероятное место гибели Сашки-Змея. За год проделана большая архивная работа. Подключены все мыслимые ресурсы. Установлена дата последнего боя — 30 июня 43 года, практически на кануне Курской битвы. Кстати для Берзина и его ребят приготовили сюрприз. Но это потом. Сейчас до Ельца осталось 50 км.

ВОТ И ВСТРЕТИЛИСЬ!

Две группы поисковиков (вернее две части одной) встретились в назначенное время в назначенном месте. Сразу выдвинулись в бывшее расположение **3 ИАП. Почти месяц ушёл на согласования с администрацией и собственно раскопки. Ничего особенно выделяющегося не нашли. Разве что ухоронку 12,7 патронов к УБ не характерных для пушечного вооружения

полка (скорее от других постояльцев площадки), но подозрительно хорошо сохранившихся. На что "металлурги" сразу сделали стойку. Старший Берзин предложил привлечь химиков к анализу порохов. Как потом выяснилось и тут его чутьё было на невысказанной высоте.

Приближался конец Июня. Дата гибели Змея стала известна всем, но для большинства он был лишь одним из личного состава полка, да интересным, но не более того. Только для Егора и потомков Степана был самоцелью. Василий и стремился сюда, и боялся. Два года он откладывал поездку. Теперь логика поиска неумолимо вела в эту точку. За время поисков он как бы искал подтверждения — все воспоминания не бред. Его феноменальные способности на самом деле были проверкой памяти. Сверх способности не работали, проверил сразу. Только память, которая говорила — "Всё было!" Он и сейчас чувствовал себя Змеем — Сашко-Василием, только теперь в теле Василия. Способности видимо связаны с телом Александра во взаимодействии с Григорием, следы которого затерялись в госпиталях. Была мизерная надежда на пластину, если она сохранила заряд, если будет контакт.

На удивление, нашёлся Смирнов. Алексей живёт с семьёй внука в большом загородном доме южнее Орла. Контакт установили только с потомком. Ссылаясь на преклонный возраст, слабое здоровье, не желание деда вспоминать кровавое время, попросили нас его не беспокоить. Понятно, кто мы для них? Какие-то поисковики-копатели. Два года посылал короткие отчёты. В этом году послал сообщение: "Планируем поднять "Эквилибриста". Получил, неожиданно, быстрый ответ: "Обязательно будем. Сообщите время, место дед сказал найдёт ночью с закрытыми глазами!" Передал время и место, обещал отзвониться по прибытии. Им ехать часа полтора не торопясь. Будет всем сюрприз.

Однако первыми преподнесли сюрприз "металлурги". Остановились мы в городке неподалеку от точки. Здесь был мемориал где в числе других был перезахоронен Смушкевич. Я стоял у памятника и читал надпись на своей могиле

— Смушкевич Александр Янович.

Ниже: — Сашко-Змей. 1925–1943.

Рядом стоял Егор, читал те же строки и не верил сам себе.

Боковым зрением увидел, что подъехала машина Степаныча, а за ней ещё одна незнакомая. Пошёл на встречу, да так и стал. Из дверей задней машины выскочили молодые люди, нет они не были сильно похожи, но я точно знал кто появится за ними в след. Гриша, даже на фоне рослых внуков, выглядел, не смотря на возраст, глыбой. Постарело лицо, несколько согнулась спина, но от фигуры по прежнему веяло мощью. Захотелось рвануться, обнять, наговорить кучу всего. Сдержался. Протянул руку: "Здравствуй Григорий Иванович!" Киселёв пристально взглянул в глаза (что-то ему почудилось) и молча пожал протянутую руку.

— Ну вот — расстроился Степаныч, — Хотел сюрприз сделать, а тут все друг друга знают!

— Ты не прав, сюрприз удался. Просто командира ОГМ не возможно не узнать. Берзин Василий Николаевич, — наконец представился, — Бригадир группы поиска.

Пока знакомились подъехал и мой сюрприз. Лёшка изменился сильно, однако был признан, прижат к могучей груди и орошен скупой мужской слезой. Оказалось старики не виделись с того дня в июне 43.

Постояли у обелиска. Борисыч доложил, что в столовой готов поминальный обед. Поскольку заведение общепита находилось рядом, переместились пешим порядком. Столы стояли буквой П, по середине на тумбе стояла фотография беловолосого, голубоглазого,

семнадцатилетнего младшего лейтенанта, четырежды орденосца, героя советского союза. У портрета с чёрным уголком стоял налитый стакан прикрытый скибкой чёрного хлеба.

Первую выпили за Сашку и всех отдавших жизнь за Родину. Закусили, повторили. Потихоньку начались воспоминания. Первым заговорил Смирнов: "А ведь он в тот день спас меня. Всё из-за моего ведомого. Фашистов заметили издалека. Они заходили на ложный аэродром, решили пропустить. Вдруг ведомый — прикрой, атакую и пикирует на фкеров. Смело, но безрассудно до глупости. По паре мессеров на хвосте и у него, и у меня, и не успеваю. Фоку птенец, всё таки сбил. Я дал очередь, далеко — может попаду, или хоть испугаю. И не попал и не испугал- срезали желторотика. Меня прикрыл Змей, он с любой дистанции не промахивался, завалил моего преследователя. А вот его прикрыть было некому. Я всё же надеялся на "Эквилибристе" выкрутится. Да он и оторвался, но видимо самолёт был повреждён, если с парашютом выпрыгнул. Тут его и достали. Одна пуля, да прямо в сердце. А я видишь выжил." Воспоминания потянулись цепочкой, эпизод за эпизодом. Григорий Иванович рассказал как Сашко появился на стоянке. Самым странным ему показалось что кашевар сам принёс им кашу и компот. — Без хлеба. — тихо добавил Василий, но два человека это заметили. " Вот откуда, батя может это знать?" — подумал Егор. А Гриша так же тихо повторил: "Без хлеба". Вспомнили и "танковой атаку". После чего Степаныч продемонстрировал нож и рассказал его историю — Отец говорил, что есть брат близнец, но про него ничего не известно. На что Киселёв кивнул внуку и тот положил на стол "президиума" клинок в ножнах. Старый металлург даже подпрыгнул, моляще взглянул на гиганта. Тот кивнул и на свет был извлечён тот самый брат близнец, отличавшийся надписью и ручкой под огромную кисть руки. Сейчас откроется тайна, двигавшая устремлениями двух поколений потомков красноармейца Степана:

— Григорий Иванович вы уверены, что эти ножи делал Сашко-Змей лично?

— Он много чего делал.

— Ну, а как он это делал?

— Не знаю, он словно из пластилина лепил, металл его слушался, да и неметалл — тоже. Стекло, дерево, ткань, даже землю рыхлил, когда землянки копали, а вот как. Наверное силой мысли.

Стало ясно, что ничего не ясно. Только то, что делалось на земле, человеком. Разве что Сашко сам пришелец — выдвинул предположение Степаныч. Старики посмеялись: — Конечно пришелец, он же из лесу пришёл. Правда особист тщательно проверял.

Тем временем внуки Григория рассказывали Василию и Егору о жизни деда.

— После госпиталей его комиссовали. Бабушка пристроила его в КБ рабочим на экспериментальную сборку. Низкая должность в сравнении с женой его не тяготила, скорее наоборот он гордился её успехами и высоким положением. Хотя и сам со временем имел специфический авторитет. Говорили дед может не работать, а просто находиться на стапеле и самолёт обязательно полетит. Даже испытатели это заметили (ох уж суеверный народ). Так до пенсии оба и работали в КБ, а после НПО им. Лавочкина. В семье часто и много вспоминали Сашку-Змея, бабушка его очень любила, говорила он нам больше чем брат и сильно горевала из-за его гибели. Деда, конечно не сильно поймёшь, но как-то признался, что его словно пополам разорвало той пулей что Змею досталась. Сыновей у них не было, только дочки. Внуков настояла бабушка назвать Александрями. Вот и ходим Сашка да Шурка, что бы не путаться. — улыбаются.

— Досадно наверное?

— Что вы, наоборот — гордимся. Вы знаете, читали записки, которые он оставил бабушке, даже в голове не помещается, на сколько он обогнал своё время. Некоторые идеи, только сейчас стало понятно о чём говорил.

Разговор прервало предложение выпить за здоровье ветеранов. Поставив рюмку Смирнов вспомнил: "А знаете ребята, Змей никогда не пил алкоголь, а что бы не выбиваться из коллектива наливал в стопку воду из специальной бутылки!"

— Прямо как наш Николаич, — под осуждающим взглядом Сёма смутился, но слово уже вылетело. Григорий взял бутылку из которой Василий наливал только себе, понюхал и лукаво усмехнулся. Ещё один штришок к непонятной, пока картине.

Разговоры затянулись. Поисковики рассказывали о своих находках. Ветераны вспоминали связанные с этим события. Всем, особенно молодёжи, было интересно наложение судеб вещей и людей. Тот же пресловутый немецкий танк, авиационный полк и майор-подполковник с нехорошей кличкой. Степаныч какое-то время терроризировал Киселёва, но кроме самого факта трансформации материалов Змеем, никакой полезной информации о самом процессе не получил.

Ближе к вечеру в основном зале заиграла музыка, начали подходить местные. Молодёжь осталась поколобродить, а старики потянулись на выход. За нами пошли и внуки ветеранов. Алексей своим разрешил остаться: "Если хотите, можете потусить. Мы в гостиницу." Григорий Иванович согласно кивнул своим. Тем, явно хотелось, но оставить дедов не решались. Пришлось прийти на помощь, пообещав присмотреть за предками.

— Кто за кем ещё присмотрит! — пробурчали те в унисон. Все рассмеялись и двинули согласно своих интересов. В гостинице, шедшие с нами разошлись по номерам, а однополчан я пригласил на чай. Не вмоготу стало таиться от друзей. Тем более, видел что Гриша подозревает и всё равно спросит. Честнее рассказать самому. В номере обнял их (чем удивил Алексея и лишь слегка Григория), усадил в кресла у журнального столика, включил чайник, стал расставлять чайную приблуду. Сколько раз Гр Ив наблюдал за этими манипуляциями: "Значит всё таки СашкО?" — как всегда, тихо произнёс он. Смешно было смотреть на вытянувшееся лицо Смирнова.

— Нет, Василий. Змей, но не полноценный. — в это время постучали, получение разрешение, вошёл Егор.

— Пап, извини, не знал...

— Все нормально, проходи. — увидев что стол накрыт на четверых, понял, что его приход предвидели. — Ты, мой сын, имеешь право знать.

За чаем рассказал свою жизнь до приступа на дороге и последующего слияния.

— Дальше вы знаете. Егор всё что рассказывали за столом про Змея — это обо мне. В последнем бою повредили тягу руля высоты. Из-за перегрузки она лопнула. Стабилизатор заклинило в положении на кабрирование, пришлось прыгать. Тут фриц меня и подловил, рановато я парашют открыл.

Я показал шрам на груди.

— Это к Лёше, я тебя мёртвым не видел, сам контузию получил.

— Да! Точно, пуля вошла в спину, вышла именно в этом месте.

Дальше рассказывал Егор, как откачивали, как скорая приехала и все связанные с этим странности. Описал и странную пару вызвавшую карету заблаговременно.

— Точно, моя Катенька. В этом платье она была на нашу бриллиантовую свадьбу, в нём наказала и похоронить. Значит не всё ты от Сашка забрал?

— Переносилась только психоматрица и (или) память. Видимо, душа в этот комплект не входит. А способности были завязаны именно на неё. То-что ребята мне приписывают, на самом деле я просто помню.

— От меня ничего не видишь, не чувствуешь?

— Нет.

— Может канал закрылся?

— Может. Есть мизерная надежда на плиту в "Эквилибристе", думаю — врядли.

— А как ты его искать собрался?

— Видел я как он почти по правильной глиссаде на ложный аэродром сел.

— Да? Никто не заметил. Хотели отыскать, но тут завертелось, уже стало не до того.

После тем более.

— А с драконом как?

— Да никак. Паша пару раз слетал, ваша горючка кончилась. Заправили из того на чём сами летали, движок сразу стукнул. За день до "Дуги" примчались из КБ. Нам уже не до низ было. Дракона и увезли.

— А "гнёздышко"?

— Ему не повезло. На него рухнул сбитый "Фкер" с бомбой, килограмм 250 не меньше. Результат- сам понимаешь, тогда и Гришку приложило. Разбираться, опять же, было некогда.

— Я "Дракона" потом в КБ видел, — подключился второй фронтовик, — Катя рассказывала, мотористы ничего особого для себя не обнаружили. Только удивлялись ювелирной подгонке деталей и не могли понять какое топливо должно быть при такой степени сжатия, чтобы не детонировало. А вот самолётчики при проектировании Ла-7 не стеснялись применять решения проверенные на нём. Там и жена приложила руки. Всё хотела раскрыть авторство, да я отговорил. Кстати спасибо за письма, помогли более-менее безболезненно пережить перестройки.

— Батя, а что за письма?

— Написал два письма. Одно вскрыть 85 году, а второе в 93.

— Себе не мог написать?

— Не догадался. Не думал что понадобится, могло и Грише тоже. Писал для Кати.

В коридоре послышались шаги возвращающейся молодёжи.

— Ну, что, пора спать?

Бодигарды забрали стариков в свои номера. А Егор ещё долго расспрашивал отца о военных делах.

Утром не торопясь и не сильно затягивая, выдвинулись на точку. Местность, конечно, видоизменилась, лётное поле распаханно, лесочки и рощицы скукожились, но специфика рельефа позволила ей остаться узнаваемой. Борисыч со Степанычем руководили разбивкой лагеря, от чего впервые самоустранился Берзин. Это была не единственная странность. Разительно изменились отношения бригадира и дедов. Смирнов — подтянулся, даже как будто помолодел. Киселёв перестал подозрительно коситься. Складывалось впечатление, что собралась давно сбитая группа у каждого члена которой было своё привычное место. Смирнов — командир, Берзин — неформальный лидер, Киселёв — надёжный тыл. Так втроём они и ходили, вспоминая всё, словно это было вчера. Смешно, но для Василия это было всего лишь два года назад, а для ветеранов — 67. Никто не решался к ним приблизиться. Их окружала аура, природу которой понимал только Егор.

Начать раскопки решили с места гибели "гнёздышка". Нашли довольно уверенно, а

воронка хоть и поросшая не молодыми уже деревьями, подтверждала наверняка. Нашли кирпич трансформированного дюрала, рядом такой же оптического стекла. Видимо взрывом выбросило из прицепа наш НЗ материалов. Отдали их Степанычу, что порадовало его лишь слегка. находка подтверждала наличие феномена, но ни на шаг не приближала к его разгадке. Были находки поразившие поисковиков.

А восемь человек, фронтовики и их отпрыски, загрузились в буханку, чтобы выдвинуться в район ложного аэродрома к месту падения "Эк". Позже туда подтянулись остальные с оборудованием. Самолёт лежал на дне небольшого озера кверху брюхом. Изрядно заиленный. Несколько дней труда и конструкция в которой с трудом можно было узнать самолёт, а теперь ещё сильно деформированная, стояла на площадке у озера. К разочарованию всех осведомлённых, перед кабиной в обшивке на месте контейнера была лишь дыра. Видимо при ударе тяжёлая пластина сорвала крепления пробив обшивку. Дополнительные поиски ничего не дали. Группа по инерции ещё работала в привычном ритме, но погасший интерес лидера сказался. Работы постепенно свернули, затем вовсе разъехались. Когда достали Эквilibриста в душе Василия, к его разочарованию, ничего не шевельнулось. Как же так его детище, боевой конь! Нет ничего!

Больше Василий Николаевич в поиск не ходил. Была вероятность, что без лидера группа распадётся, но этого не случилось. Спаянный коллектив выдвинул новых, дело продолжилось.

Берзин замкнулся в семье, лишь в июне ездил проведать однополчан и то не долго. Алексей умер на следующий год, а через два и Гриша отправился на встречу к своей Катеньке.

Больше книг на сайте - Knigoed.net